

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНАЯ
СЕРИЯ

В. И. САРИАНИДИ, Г. А. КОШЕЛЕНКО

ЗА БАРХАНАМИ - ПРОШЛОЕ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

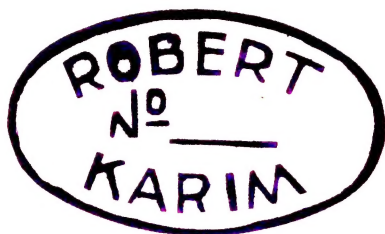
Научно-популярная серия

В. И. Сарианиди,
Г. А. Кошеленко

За барханами — прошлое

Издательство «Наука»

Москва 1966

В Средней Азии прошлое всегда рядом. Среди зеленых оазисов и мертвых барханных песков возвышаются бугры, которые местное население называет «тепе». Их тысячи — и под каждым из них — остатки дворцов или караван-сараев, деревень или могучих крепостей. Каждый бугор — частица древней истории народов нашей страны и всегда жгучая загадка, ожидающая своего решения.

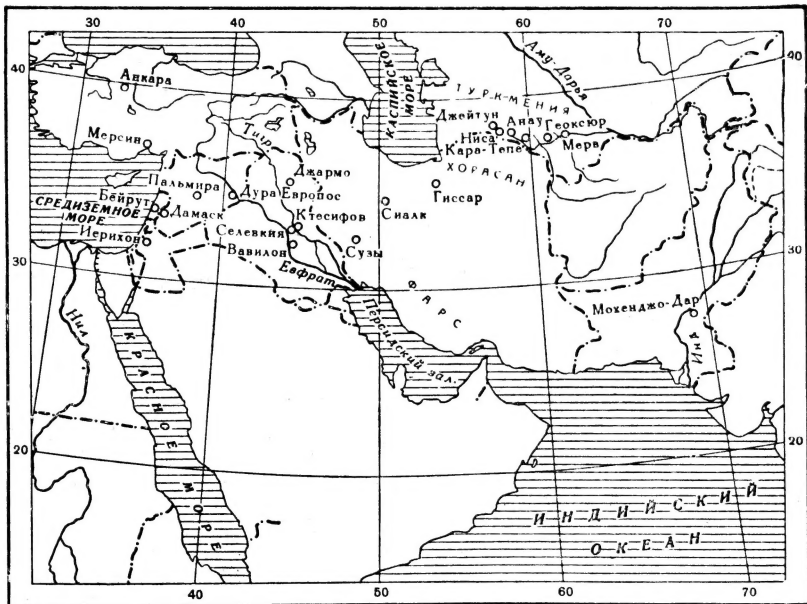
Увлекательному труду археологов, романтике их поисков и открытий посвящена работа двух молодых ученых, исследующих прошлое Туркменистана. В ней рассказывается об исследованиях поселений людей каменного века, о загадке геоксюрского оазиса, о древнем Парфянском царстве — сопернике Римской империи. Каждый из этих вопросов — это сегодняшний день советской археологии. Книга построена на новейшем материале, в ней поднимаются и те проблемы, которые еще только ждут своего решения.

Ответственный редактор профессор В. Д. БЛАВАТСКИЙ

Археологи — это люди, поставившие свой ум и сердце на службу далекому прошлому. Большая часть их жизни проходит в нелегкой экспедиционной обстановке, в дальних дорогах, у походного костра. Не удивительно, что романтика поиска, романтика открытий минувших дней влечет к работе археологов тысячи молодых людей самых различных профессий. Каждую весну Институт археологии Академии наук СССР буквально осаждают сотни юношей и девушек, прося зачислить их в экспедиции, соглашаясь работать на любых условиях.

Но бывает и так. Случайный попутчик, узнав о профессии соседа (а он археолог), презрительно скривит губы и процедит обидно несправедливые слова: «Археология? Кому она нужна? Что она дает? Кому нужны старые битые черепки? Разве этим должна заниматься наука сегодняшнего дня?» Такие вопросы обычно задают люди среднего возраста — ни от молодежи, ни от пожилых людей подобного никогда не услышишь. Возможно, романтическая настроенность одних и зрелая мудрость других помогают им почувствовать всю нелепость подобных вопросов.

Однако что же ответить скептикам среднего возраста, которые высокомерно третируют археологов за «отрыв» от жизни, от интересов сегодняшнего дня и порой даже

Карта Ближнего Востока

обвиняют их в бесцельной трате народных средств? Конечно, археология не создает материальных ценностей, но она обращена к тому, что неизмеримо важнее их — к самому человеку. «Черепки», о которых с таким презрением говорят иные ревнители технических наук, помогают познавать историю человека, его мыслей и стремлений. Они в какой-то степени отражают многообразие жизни человечества на первых ступенях его развития. Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Археология воскрешает прошлое человечества. Вопросы эти интересуют многих. Ведь не зря же книги наших ведущих ученых-археологов — Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, В. Д. Блаватского, С. П. Толстого и других никогда не залеживаются на полках магазинов. Их покупают и читают все, кого волнуют судьбы человеческой культуры.

Археология тесно связана с историей. Но у нее есть одно отличительное качество: историк воссоздает картины прошлого, пользуясь имеющимися источниками; археолог же сам добывает эти источники из земли. Археолог — это историк, вооруженный лопатой. Конечно, лопата и нож сейчас — уже не единственное оружие археолога. На помощь ему пришли многие достижения других отраслей науки — от самолета, используемого для аэрофото-съемок, до акваланга, позволяющего искать в морских пучинах остатки древних кораблей.

...Прошумели тысячелетия. Цветущие некогда города обратились в пыльные безжизненные холмы. Во многих городах захватчики разграбили и сожгли дома, дворцы, храмы. Казалось, навсегда исчезла даже память о десятках поколений людей. Но пришел археолог и своим кропотливым трудом открыл человечеству страницы его прошлого.

Археология дает людям бесспорные факты, подтверждающие историческое прошлое народов нашей планеты. А это очень важно. В своих попытках фальсифицировать историю буржуазные лжеученые нередко «лишают» отдельные народы права на прошлое, скрывают от человечества тот огромный вклад, который они внесли в сокровищницу мировой культуры. Поиски археологов как бы вырывают их из небытия. И предки этих народов предстают перед нами в своей обыденной жизни — на охоте, на войне, в быту. Перед современниками открываются величественные памятники искусства глубокой древности, уникальные книги и документы прошлого.

Археолог возвращает людям память об их собственном прошлом, рождает в них гордость за деяния их предков. Человек не должен быть и никогда не будет «Иваном, не помнящим родства». Вот почему так волнует людей работа археологов. Их чудесный бескорыстный интерес служит лучшей защитой археологии от всякого рода скептиков.

Эта книга — плод многолетней работы двух археологов на территории одной из наших республик — Туркменской ССР. Мы не ставили перед собой задачу описать многовековую историю этой древней земли. Ограничившись только двумя эпохами — первобытным обществом и античностью, авторы попытались рассказать о важнейших археологических открытиях, относящихся к тому времени, о главных проблемах, волнующих исследователей прошлого Туркмении¹. Но и в этом случае вне рамок книги остались многие интересные сюжеты и темы. В своем рассказе мы неоднократно выходили за пределы территории Туркмении. Этому во многом способствовали тесные культурные, политические, экономические связи народов, населявших в древности Туркменистан, со всем Ближним и Средним Востоком.

Если нам хоть немного удалось донести до читателя романтику научного поиска, радость открытия неизвестных страниц прошлого, — мы будем считать свою цель достигнутой.

¹ Первая часть книги — «У истоков истории» — написана В. И. Сарияниди, вторая — «По следам плененных легионов» — Г. А. Кошеченко.

У истоков истории

По следам открытий

Многие из вас, изучая в школе древнюю историю, вряд ли задумывались над тем, откуда она известна? Действительно, если сравнительно поздняя история человечества написана по летописям античных и средневековых авторов, то как же восстанавливается прошлое того времени, когда не было не только летописцев, но и самой письменности? А ведь дописьменный период истории человечества продолжался во много раз дольше, чем более поздний, о котором сохранились свидетельства, записанные на глиняных табличках, пергаменте и папирусе. Ученику кажется само собой разумеющимся, что есть ученые, которые все знают: вот они-то и пишут учебники по истории, которые надо хорошо запомнить и по возможности правильно пересказать учителю.

Однако на самом деле все обстоит намного сложнее. Нередко за одной фразой в учебнике истории, как, например: «...в таком-то тысячелетии на такую-то территорию приходят новые племена, которые занимались земледелием, знали лук и стрелы и т. д.», стоят годы и годы упорного труда многих ученых. Чтобы пояснить это нагляднее, мы расскажем о поисках и открытии следов жизни древних людей на такой сравнительно небольшой территории, как Южный Туркменистан. Этим работам предшествовали находки в соседних, более южных областях Ирана, Афганистана и Месопотамии. История их изучения тесно связана с поисками следов древних людей, живших некогда в Туркменистане за 7—8 тысяч лет до наших дней.

Свыше ста лет назад начались первые раскопки древностей Месопотамии. Как ни странно, но этими работами

занились не специалисты-археологи, а люди вполне современной профессии — английские и французские дипломаты; правда, некоторые из них позднее стали профессиональными археологами. В то время страны мусульманского Востока практически были закрыты для европейцев. Лишь немногим из них удавалось с большим трудом и нередко на свой страх и риск проникнуть в отдельные районы Передней Азии. Главным образом это были дипломаты. К счастью, среди них оказались и ученые. Французский консул в Ираке естествоиспытатель Ботта, англичанин Лэйярд и другие живо интересовались памятниками старины, встречавшимися на пути во время путешествий по странам Передней и Малой Азии.

Пионеры изучения прошлого Месопотамии нередко сталкивались с большими трудностями, а подчас и преднамеренными кознями, чинимыми местными правителями. Их подлинный научный энтузиазм и мужество с лихвой покрывали несовершенство тогдашней методики раскопок, впоследствии вызвавшие осуждение и нападки ученых. Однако не следует забывать, что археология делала тогда первые шаги. На ошибках археологов тех лет учились новые исследователи и открыватели древности. Они и создали более совершенную методику раскопочных работ, применяемую в настоящее время. Вот почему человечество многим обязано первым любителям-археологам, пролившим луч света на историю древних цивилизаций.

Из года в год росло количество экспедиций, раскапывавших древние города в Междуречье Тигра и Евфрата. К концу XIX в. стало возможно воссоздать общие контуры истории культуры и искусства народов древней Месопотамии. Много столетий были они скрыты от взоров людей, но вот появились вновь в своем прежнем величии. Музеи Лондона, Парижа и Берлина пополнились великолепными экспонатами древнего искусства. Особенное впечатление производили на современников колоссальные каменные и алебастровые статуи полулюдей-полуживотных, некогда украшавшие входы в дворцовые здания правителей древневосточных государств.

Трудно даже перечислить все то, что было найдено во время раскопок на территории древнего Двуречья (это, впрочем, не входит в нашу задачу). Отметим лишь, что подлинно научной сенсацией явились находки глиняных табличек с клинописными надписями. Именно эти «глиня-

ные книги» в какой-то мере «рассказали» историю народов, населявших древнюю Месопотамию.

С годами постепенно расширялось поле деятельности научных экспедиций в странах Передней Азии. В начале XX в. начались раскопки древних поселений на территории современного Ирана, расположенного к востоку от Месопотамии. Многолетние археологические работы в Иране не дали таких эффективных находок, как раскопки в Месопотамии. Однако их научное значение бесспорно. Именно благодаря им расширились представления об «исторической арене былых народов». Оказалось, что древние поселения на территории современного Ирана располагались в форме полумесяца, идущего от южной оконечности Каспийского моря вдоль иранского нагорья и по побережью Персидского залива. Огибая с юга огромную центрально-иранскую пустыню Дешти-Лют, верхние концы этого полукруга обрывались у каменного щита скалистых гор Копет-Дага. К северу от них начиналась Закаспийская область — современная Туркмения. Чья земля находилась за Копет-Дагом? Населяли ли ее в те далекие времена люди? Все это оставалось загадкой, порождающей множество различных догадок и предположений.

Большинство исследователей считало, что районы Закаспия, как, впрочем, и большей части Средней и Центральной Азии, некогда были заселены людьми, но жизнь здесь оказалась недолговременной и прекратилась, когда климат стал слишком сухим. На основе этой гипотезы возникла даже целая теория о «прогрессивном усыхании» климата Средней Азии. Ее сторонники — И. В. Мушкетов, Е. Хантингтон, К. Гумбольдт и другие усматривали в этом «усыхании» причину упадка древних культур Востока.

Другая группа ученых и в первую очередь В. В. Докучаев, Л. С. Берг, В. В. Бартольд, наоборот, считали, что никакого иссушения климата в Средней Азии не наблюдалось, а гибель отдельных городов произошла вследствие естественного изменения гидрографического режима рек и опустошительных войн. Однако сторонники этой теории не могли окончательно утверждать, что эти районы издревле были обжиты людьми и что области Закаспия тысячелетиями служили местом непрерывного обитания человека. К сожалению, наука того времени не располагала данными, необходимыми для выяснения этого принципиально важного вопроса.

Если посмотреть с вершин Копет-Дага на Закаспийскую область, то взору откроется удивительная панорама. Вдоль горной скалистой гряды тянется узкая зеленая полоска оазисов, орошаемых небольшими ручейками и речушками, спускающимися с гор. К северу от оазисов простираются необозримые даже с высот Копет-Дага песчаные барханы пустыни Кара-Кум. Это серое море песков с редкими кустами саксаула производит удручающее впечатление, и трудно поверить, что в далеком прошлом здесь жили люди, тогда еще беспомощные перед стихийными силами природы.

Но они действительно жили здесь, причем жили на протяжении нескольких тысячелетий! Чтобы доказать это, потребовалась многолетняя работа различных исследователей.

Как же проходили поиски следов прошлого Закаспия? Вскоре после присоединения Закаспийской области к России лучшие представители русской интеллигенции заинтересовались местными памятниками страны — остатками сравнительно поздних по-времени монументальных сооружений вроде изумительных по красоте минаретов Мешед-и-Мисриан, красочного портала с драконами мечети в Анау, величественного мавзолея Султана Санджара и многих других. Постепенно этот интерес возрос. Однако недостаток средств ограничивал возможности проведения достаточно широких раскопок.

Оригинальный выход из этого положения нашел археолог-любитель, начальник Закаспийской области генерал А. В. Комаров. Во время своих служебных командировок он обратил внимание на два больших высоких бугра у туркменского аула Анау, вблизи Ашхабада. Облюбовав эти курганы, он вызвал роту солдат и приказал им начать раскопки северного бугра. Комаров предполагал, что перед ним курганы, насыпанные над могилами каких-то царей. По его мнению, об этом свидетельствовала большая высота самих курганов; они могли быть насыпаны только над погребениями особо богатых лиц.

Результаты раскопок, которые велись на уровне первых раскопок древних городов Месопотамии, разочаровали генерала. Он ожидал найти изделия из драгоценных металлов — подобие известных «царских» украшений курганов Кавказа и Причерноморья. Но под лопатами копавших солдат встречались лишь обломки сосудов, кремне-

вые орудия и другие предметы, не представлявшие интереса для этого «любителя старины».

Не удивительно, что Комаров не сумел по достоинству оценить свои находки. Не встретили они должного внимания и в самой России. Зато результаты раскопок Комарова заинтересовали иностранных археологов. Сравнив остатки красочной росписи на черепках из Анау с уже известными рисунками на находках древних поселений Месопотамии и Ирана, зарубежные специалисты пришли к выводу: в Закаспии обнаружены следы одного из древнейших в мире мест обитания человека. Это были лишь первые намеки на существование по ту сторону Копет-Дага северных соседей племен, некогда обитавших в Иране.

Как это ни покажется странным, но раскопками Комарова в первую очередь заинтересовались американцы.

В 1903 г. в Закаспий приехал Рафаэль Пампелли — сотрудник Вашингтонского института Карнеджи. Он посетил бугры у аула Анау. Здесь, в траншее, раскопанной солдатами, Пампелли собрал небольшую коллекцию черепков. Знакомый с результатами раскопок французских археологов в Сузах (Иран), где уже были найдены расписные сосуды, он сразу же оценил значение раскопок бугров Анау. Не удивительно, что в следующем году в южную Туркмению под руководством Пампелли отправилась уже большая экспедиция. В ее состав был включен специалист-археолог Г. Шмидт. Однако Императорская археологическая комиссия сомневалась в качестве раскопок, проводимых американцами. Она просила академика В. В. Бартольда проследить за методикой раскопочных работ экспедиции Пампелли. Опасения подтвердились. Американцы вели раскопки на очень низком даже для того времени уровне. Позднее, имея в виду результаты работ этой экспедиции, Бартольд писал, что «...выводы исследователей едва ли могут быть достаточно доказанными»¹.

Несовершенство методики раскопок холмов Анау, однако, не помешало экспедиции Пампелли сделать ценные находки. Вскоре о них заговорили ученые многих стран. Оказалось, что в Закаспии за 6—7 тысяч лет до наших дней обитали люди, которые занимались возделыванием пшеницы и ячменя. Эти первые в нашей стране земле-

¹ В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана. «Наука и просвещение», № 2. Ташкент, 1922, стр. 4.

дельцы жили в домах, построенных из сырцового кирпича, знали медные орудия, изготавливали красивую тонкостенную посуду, украшенную причудливыми многоцветными орнаментами. Пампелли пытался определить возраст обоих поселков у Анау. По его мнению, они уже существовали чуть ли не 11—12 тысяч лет назад. Некоторые ученые, ознакомившись с анаускими находками, стали даже приписывать выходцам из Закаспия создание блестящих цивилизаций Месопотамии. До этого они не допускали и мысли о существовании древней жизни в Закаспийских степях.

Об исключительном значении новых открытий в Туркмении свидетельствовал и следующий факт. Почти тотчас же после сообщения о находках Пампелли европейские археологи, особенно французские, начали готовить свои собственные экспедиции в Закаспий. Именно в то время Туркмению посетили зарубежные археологи Кон-Винер, Т. И. Арне; последний позднее возглавил большую экспедицию по раскопкам иранского поселения Шахтепе.

Однако явно порочная методика раскопок, проводимых американцами на холмах Анау, сделала свое дело. До революции ни зарубежным, ни русским археологическим экспедициям так и не удалось по-настоящему поработать в этом интересном районе земного шара. Императорская археологическая комиссия попросту отказывала им в праве производить раскопки в Туркмении. Русским специалистам мешало еще и отсутствие средств. «Этот бич научных экспедиций», по выражению одного известного археолога, так и не позволил им в то время основательно заняться изучением вновь открытого народа.

С раскопками первых поселений в Южном Туркменистане у аула Анау в мировую науку прочно вошла новая археологическая культура — анауская. Правда, первым исследователям не удалось точно определить время существования народа, создавшего эту культуру. Но уже тогда ученые убедились — анаусцы были знакомы с первыми медными изделиями. Естественно, возникали новые вопросы. Существовали ли в Закаспии люди еще более древнего, каменного века? Пришли ли сюда анаусцы из Ирана или они — потомки еще более древнего народа, некогда обитавшего здесь?

Ответы на них пришли не сразу, а спустя еще пятьдесят лет. Трудным и извилистым оказался путь этих поис-

ков. Много энтузиастов вложили свой труд и энергию в новые открытия. Были и разочарования. Сотни километров пришлось исходить впустую, пока по отдельным крохам удалось собрать нужные науке данные.

В поисках каменного века

Издавна пасли свои стада туркмены-пастухи на необъятных просторах Закаспия. Веками прокладывали они в песках Кара-Кум маршруты по межбарханам участкам такыров, где в летние месяцы еще зеленела трава. На путях между такими участками рыли они колодцы. И только чабаны знали эти спасительные пункты, расположенные среди одинаковых и ничем не отличающихся друг от друга барханов. Горе тому, кто хоть раз сойдет с маршрута — колодцы наперечет. Не заметишь, пропустишь колодец (он может находиться за соседним барханом) — и еще сутки без воды, пока не доберешься до следующего. Поэтому впереди стада всегда едет старый чабан. Ему известен язык песков, он знает путь от колодца к колодцу.

Все быстрее выгорает трава, все меньше зеленых островков среди растрескавшегося такыра. В поисках травы разбредаются овцы, сторожевые собаки, несмотря на палящую жару, зорко следят за ними. Неожиданно одна из собак резко срывается с места и с глухим урчаньем бросается куда-то в сторону, а вскоре из-за бархана пулей вылетает «заблудшая овца». Следят за стадом и чабаны. Дойдя до очередного колодца, они выбирают наиболее возвышенный бархан, на котором разбивают временный лагерь. Отсюда лучше просматривается местность, легче заметить отбившееся от стада животное.

В 30 километрах от современного Ашхабада, около водосборной ямы, называемой Джейтун, чабаны давно уже облюбовали огромный бархан. Из года в год разбивали они на нем свои войлочные шалаши и, отдохнув день-два, двигались дальше. И каждый раз, роя ямку-очаг на верху бархана, пастухи находили в песке обломки какой-то посуды, а главное — кремешки, хорошо заменяющие собой кресало. Чабаны называли этот бархан «чакмакдаш бейик», т. е. бугор с кресалами. И невдомек им было, что этот

бархан получит со временем мировую известность: под их ногами покоился целый поселок людей каменного века; здесь жили предки тех людей, которые несколько позднее ушли на новое место и построили новый поселок у современного аула Анау.

Проходили годы. Поиски памятников каменного века продолжались. В 30-х годах нашего столетия ашхабадским археологам вместе с геологами удалось обнаружить несколько кремневых орудий из отдельных, по-видимому, временных, стоянок людей каменного века. Но это были случайные, единичные находки из отдаленных пустынных мест. Веское доказательство существования людей каменного века в Закаспии терпеливо ждало своей очереди. И как это часто случается, научному открытию помог случай.

Бывший чабан, старик Чарры, бросив тяжелое ремесло пастуха, поселился на окраине Ашхабада, в поселке Киши. Сюда на поиски новых памятников часто приходил ашхабадский археолог Александр Александрович Марущенко. Он обследовал бугры более позднего античного времени, собирал обломки посуды, различные украшения, иногда встречающиеся там, где когда-то существовали древние поселки. Где-то в глубине души таилась у него надежда найти следы людей каменного века. Ведь окрестности Киши, орошаемые ручьями с близ расположенных гор Копет-Даг, представляли поистине райские места для людей древности. «Будь я на их месте, обязательно поселился бы здесь!» — эта мысль часто приходила на ум пылливому исследователю. Марущенко не встретил здесь следов древнего человека, но зато познакомился с бывшим чабаном Чарры.

Они подружились. Ученый часто рассказывал старому пастуху о профессии археолога, о том, что ищет он в пустыне. Поведал он ему и о своей многолетней надежде, бережно развернул пакетик и показал несколько обломков кремня.

Через несколько дней археолог и старый чабан уже были на пути к Джейтуну. Около полудня они въехали в зону сплошных песков. Огибая бархан за барханом, путешественники выбрали на еле заметную дорогу, полузасыпанную песком. Около одного бархана, внешне ничем не отличавшегося от соседних, старик Чарры остановился и, показав пальцем, сказал: «Вот чакмадаш бейик».

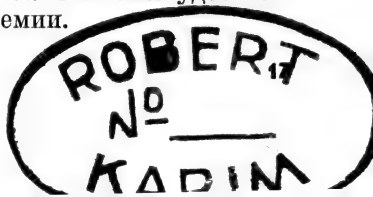
Поднимаясь по осыпавшемуся склону, Марущенко все еще с недоверием посматривал на гребень бархана — не могли же люди строить свои дома на песке! Но через несколько минут действительность рассеяла все сомнения. Среди песчаных наносов профессиональный взгляд археолога безошибочно определял черепки, а главное — россыпи кремневых осколков. Это был поистине нетронутый заповедник древности. Марущенко не разгибаясь собирал все, что лежало на поверхности. Вскоре у него не осталось сомнений: вот так, в общем-то прозаически совершилось исключительное по своему значению научное открытие.

За один день целый район Южной Туркмении встал рядом с древнейшими очагами культур Передней Азии! В этот день были открыты остатки самой древней в Советском Союзе древнеземледельческой культуры. Ее представители еще не знали металла, но уже умели выращивать хлебные злаки. От простого присвоения даров природы человек перешел к их искусственному производству. Без сомнения, это явилось величайшей революцией древности...

Чабан Чарры прервал мысли Марущенко: вечереет, вода на исходе, впереди ночь. Отъехав несколько десятков метров от поселения Джейтун, археолог оглянулся. Но он уже не смог отличить ставший теперь историческим курган от соседних барханов. Безликие и молчаливые, они равнодушно взирали на своего соседа, для них ничего не произошло в этот день.

Вскоре было решено направить в Джейтун специальную археологическую экспедицию. Однако начавшаяся Великая Отечественная война надолго задержала проведение планомерных раскопок неолитического поселения. Джейтун по-прежнему хранил свои тайны.

В 1952 г. в Южную Туркмению приехал известный археолог академик Борис Алексеевич Куфтин. В то время здесь уже работала Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция, руководимая известным археологом профессором Михаилом Евгеньевичем Массоном. В ее состав входил специальный отряд, изучавший памятники новокаменного века. Его-то и возглавил Куфтин, до этого многие годы проработавший в Закавказье, где сделал ряд важных открытий, за что был удостоен звания лауреата Государственной премии.

Приехав в Ашхабад, Куфтин сразу же развил бурную деятельность. Этот белобородый, уже немолодой академик, поражал всех своей неутомимой энергией и работоспособностью. Пешком и на машине он за один полевой сезон обошел и объездил почти всю Южную Туркмению. Под его руководством раскапывались и обследовались десятки новых, ранее неизвестных поселений, на свет извлекалось множество великолепных находок.

И конечно, Куфтин не мог не посетить Джейтун. Туда он поехал вместе с Марущенко. После долгих блужданий среди безликих барханов археологи наконец добрались до исторического поселения. Но теперь дело не ограничилось сбором поверхностных находок. Взяв лопаты, два почтенных археолога под удивленными взглядами шофера принялись за пробные раскопки. На первых порах они хотели выяснить: до какой глубины доходят черепки и кремневые изделия, чтобы определить, как долго жили люди на этом месте. До позднего вечера продолжалась работа. Каждый новый штык лопаты поднимал на поверхность «десятилетия прошлого»; было пройдено несколько метров, а находки не кончались. Уже шофер давно заменял поочередно каждого из археологов, но докопаться до самого низа Джейтуна в этот день так и не удалось. Правда, ученые могли теперь утверждать: жизнь в этом поселении существовала непрерывно в течение многих сотен лет.

Окрыленный удачей, Куфтин планировал большие раскопки в Джейтуне на следующий год. Однако, трагическая и безвременная смерть лишила науку замечательного археолога. Во главе отряда по изучению памятников новокаменного века встал молодой, очень способный археолог Вадим Массон. Начиная с этого момента на Джейтуне ежегодно шли раскопочные работы. Исследователи делали все новые и новые открытия. Археологическая наука многим обязана неутомимой деятельности Массона. Именно он сумел не только выделить новую джейтунскую культуру, но и показать ее место среди одновременных памятников Ирана и Месопотамии.

Неохотно открывал людям свои тысячелетние тайны Джейтун. Часто песчаные бури на несколько дней прерывали работы — археологам и рабочим приходилось отсиживаться в наглухо застегнутых палатках. Песчаные лавины начисто заметали раскопы. Приходилось по несколько раз откапывать уже знакомые места. Работе мешала и

каракумская жара. Температура воздуха часто достигала 40—50° в тени. И все-таки Джейтун был побежден! Исследователям удалось полностью раскопать поселок, занимающий площадь в 4000 м², и подобрать все, что осталось от людей, некогда населявших его.

Теперь можно было сделать первые выводы, сопоставив полученные данные с уже имеющимися работами зарубежных и отечественных ученых. Коротко все сводилось к следующему. Примерно 50 тысяч лет назад отдельные районы Ближнего Востока заселяли люди, умевшие лишь охотиться и собирать готовые дары природы. В поисках пищи отдельные племена кочевали с места на место. Примерно 10—8 тысяч лет назад отдельные группы таких племен перешли к производящему хозяйству, т. е. люди научились сами сажать и выращивать хлебные злаки. Из первого преднамеренно посаженного зернышка выросла вся последующая цивилизация. Этому неизвестному гению земледелия человечество обязано своими успехами.

Постепенно бродячие племена охотников становятся оседлыми земледельцами. К этому времени, очевидно, и относится создание на Ближнем Востоке древних поселений. Рядом с этими поселениями располагаются и поля первых земледельцев.

Правда, не везде на Ближнем Востоке охотники-собиратели одновременно перешли к производящей форме хозяйства. Это, в первую очередь, могло произойти лишь в наиболее благоприятных для примитивного земледелия местах, где у человека под руками имелись годные для посадки семена, плодородные почвы, и, главное,— вода. Раньше всего (в X—VIII тысячелетиях до нашей эры) земледелие зародилось на территории современной Сирии и Палестины. К VI—V тысячелетиям до н. э. относятся древнейшие земледельческие поселки Ирака и Ирана. Однако во всех этих районах к новой и на первых порах сложной форме хозяйства смогла перейти лишь очень незначительная часть людей. Известные древние поселения можно буквально пересчитать по пальцам. К ним относятся и неолитический Джейтун, а также вновь найденные поселения, расположенные между Ашхабадом и Кзыл-Арватом. С их открытием «колыбель цивилизации» Старого Света резко увеличилась в размерах. Закаспийская область встала в один ряд с древнейшими земледельческими очагами Ближнего Востока.

Раскопки Джейтуна и других памятников новокаменного века в Туркмении позволили судить о времени их создания. По мнению специалистов, они были основаны 7—8 тысяч лет назад. Джейтунцы жили в прямоугольных домах, стены которых складывались не из кирпича, а из длинных глиняных цилиндров. Внутри дома, справа от входа, находился большой каминобразный очаг, а рядом — возвышение-лежанка. На противоположной от камина стене был устроен выступ и в ней — небольшая ниша. Выступ и ниша часто расписывались белой, черной или красной краской. Очевидно, им придавалось особое значение. Существуют предположения, что в нишах стояли домашние божки, призванные охранять хозяев от всевозможных превратностей судьбы. Полы домов, как правило, покрывались белой гипсовой обмазкой.

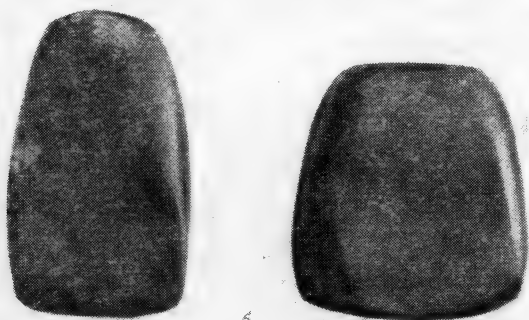
Около каждого дома располагались хозяйственные постройки и небольшой дворик. Всего поселок насчитывал около 35 таких домов, каждый площадью от 20 до 40 м². Предполагается, что в отдельном таком доме жили 5—7 человек.

Около домов археологи нашли большое количество битой посуды. Некоторые черепки были украшены скромными расписными орнаментами. Джейтунцы вообще любили всевозможные украшения. Из кости, разноцветных камней, и даже глины они изготавливали различной формы бусинки; ожерелья из них носили все жители поселка, независимо от пола и возраста.

Во время раскопок исследователям попадались миниатюрные керамические и каменные конусики. Очевидно, они служили фишками для какой-то игры. Однако не конусики составляли главную задачу «каменотесов из Джейтуна». Из кремня они изготавливали всевозможные орудия: от шлифованных, хорошо заполированных топориков до миниатюрных скребков.

Любопытно, что кремень вблизи Джейтуна не встречается и его привозили издалека. Длительные экспедиции за несколько десятков километров были изнурительны. Пешком двигались джейтунцы через пески к Копет-Дагу и здесь в пока еще не известных нам каменоломнях добывали нужный им камень.

С доставленных кремневых желваков искусные мастера скалывали тонкие, иногда просвечивающие на свету, длинные узкие пластинки. При дальнейшей обработке из

Джейтун. *а* — остатки жилого дома (V тысячелетие до н. э.);
б — каменные, шлифованные топоры; *в* — костяная основа серпа
 (V тысячелетие до н. э.)

таких пластин выделывали сверла, необходимые для многих практических целей, в частности для изготовления бу-син со сквозным отверстием. Из кремня делались и маленькие скребочки для очистки шкур от мездры и мелкие орудия в виде трапеций. Изготовление таких орудий несомненно требовало большого мастерства. При раскопках попадались и обломки незаконченных орудий — неудачные попытки новичков кремневого дела. В большом количестве встречались длинные пластины. Один край их от длительного употребления был отполирован до зеркального блеска. Обратной стороной эти пластины крепились в узкий продольный паз костяной основы, образуя жатвенный нож. Они представляли собой своего рода древнейшую механизацию ручного труда. Такими высокотехническими для своего времени серпами джейтунцы жали созревшие колосья. Позднее, перейдя в металлическую форму, этот прообраз современного серпа тысячелетиями служил одним из основных орудий земледельца.

Кремневые орудия дополнялись костяными. Из кости джейтунцы изготавливали миниатюрные острые иглы для сшивания шкур, всевозможные проколки и шилья. Не попадали и лопаточные кости убитых животных — из них делали большие скребки для выделки кожи. Налицо был несомненный технический прогресс неолитического хозяйства.

В то же время джейтунцы мало преуспели в деле одомашнивания животных. В этом направлении они делали лишь первые робкие шаги. Найденные при раскопках кости принадлежат диким животным, убитым на охоте. Изменить живые формы природы оказалось более трудным делом, требовавшим терпения и наблюдательности.

Несмотря на ценные результаты раскопок Джейтуна, некоторые стороны жизни людей эпохи неолита остались для науки неясными. Например, раскопав огромную площадь, археологи так и не установили, как и где хоронили джейтунцы своих умерших. Не дали результатов и специальные поиски: на краю поселка удалось найти лишь один скелет ребенка. Очевидно, у джейтунов существовали какие-то определенные погребальные обычаи, которые все еще остаются для нас загадкой. Отсутствие захоронений в Джейтуне кажется странным еще и потому, что при раскопках других поселений новокаменного века археологи встречали древние погребения. Обычно жители

таких поселков хоронили своих умерших на заброшенных участках поселений, их тела посыпали красной охрой, символизировавшей кровь, рядом ставили заупокойные сосуды и каменные орудия. В этом отношении джейтунцы отличались от остальных соплеменников. Но чем? Это пока остается неразгаданной тайной.

Не менее сложен и до сих пор неясен вопрос — откуда появились древнеземледельческие племена южного Туркменистана? Пришли ли они сюда из других районов Ближнего Востока или «выросли» из местных племен охотников-собираателей предшествующего древнекаменного века?

Как уже говорилось, Египет, Северная Месопотамия, Иран и Анатолия были теми немногочисленными районами земного шара, где люди впервые перешли к оседлому земледельческому способу производства. Открытие памятников джейтунской культуры не только расширило границы обитания первых земледельческих племен, но и наметило определенную связь между ними. Иерихон и Мерсин, Джармо и Джейтун, Хаджилар и Чатал Гуюк — вот главнейшие древнеземледельческие очаги новокаменного века нашей планеты.

Возникает вопрос — существовала ли какая-нибудь связь между такими племенами в древности или они являются изолированными, никак не связанными друг с другом? Удаленные на многие сотни километров друг от друга, разделенные горами и пустынями, они имеют некоторые общие черты, роднящие их быт. Так, древнейший город Иерихон, расположенный в Палестине, состоит из отдельных однокомнатных домов с прилегающими к ним хозяйственными пристройками. Своей общей планировкой он близко напоминает поселение Джейтун. Больше того, полы домов в Иерихоне, так же как и в Джейтуне, часто покрывались окрашенной известковой штукатуркой. В свою очередь расписная посуда и некоторые каменные орудия, найденные при раскопках Мерсина, напоминают аналогичные изделия южнотуркменистанских племен новокаменного века. Много общего в каменных изделиях жителей древнейшего поселения Северного Ирака — Джармо и южнотуркменистанского поселения — Джейтун. Все это, казалось, говорит о близости джейтунских племен с народами, населявшими некогда районы к юго-западу от Туркменистана. Однако этому противоречат

отдельные, но существенные отличия между жизнью и бытом жителей названных поселений.

Кроме того, науке известны племена охотников-собирателей, живших в Прикаспии еще в до-джейтунское время. Их кремневые орудия и всевозможные изделия напоминают сравнительно более поздние, джейтунские. Это не может быть случайным. Очевидно, в древнекаменном веке в предгорьях Эльбруса и Туркмено-Хорасанских горах обитали племена охотников-собирателей, во многом родственные племенам, жившим в то время в северном Ираке и северной Месопотамии. Позднее, в новокаменном веке, племена охотников постепенно осваивают предгорные долины, переходя к постоянной и прочной оседлости. Часть их — обитатели Прикаспия — спустились в предгорные районы северного Копет-Дага, образуя поселения так называемой джейтунской культуры. Вот это более раннее родство людей древнекаменного века, видимо, и сказалось в тех общих чертах хозяйства и культуры, которые отмечаются у столь далеко расположенных друг от друга племен Ближнего Востока, но уже новокаменного века. Так в настоящее время определяется происхождение и развитие южнотуркменской джейтунской культуры неолитического периода.

Один день Джейтуна

Майское утро 7020 года до наших дней. Из-за барханов поднимается солнце. Его лучи согревают пустыню, оживляет животный мир, словно замерший в холодную ночь под кустами саксаула и в песчаных норах. Одними из первых выползают серые круглогловки, сначала медленно, а потом все быстрее шныряют они по пескам в поисках пищи. Особенно красивы изумрудно-зеленые ящерицы, резко выделяющиеся на сером фоне. Начинается трудовой день. К полудню жара снова загонит всех в тень, и до вечера пустыня опять будет мертвой. Только запутанные цепочки следов на песчаных буграх говорят о затаившемся на время царстве животных.

Все выше поднимается солнце и все дальше к горизонту отодвигаются барханы. Среди этого серого океана

песчаных волн резко выделяется голубая нитка горной речушки, чудом пробившейся через пески. Ежегодно засыпаемая песком, все больше мелея, она упорно несет свою живительную влагу к песчаным буграм, образуя узкую ленту воды с зеленью вдоль нее. Вскоре лучи солнца освещают речку, тугайные заросли и верхушки тополей — туранги — неизменных спутников проточной воды. А вдали уже начинаются барханы, не сумевшие еще полностью задуть эту зелень.

Наверху самого крайнего из них в утреннем свете выступают контуры прямых линий домов и крыш, резко выделяющихся на фоне плавных, мягких изгибов песчаных гряд. Над плоскими крышами тянется дымок: женщины, одетые в набедренные повязки из шкур, готовят завтрак. Крепко зажав ногами плоский камень, женщина сыплет на него зерна ячменя и перетирает их вторым камнем. На разостланную циновку сыплется мука.

На широкой площадке группа мужчин-охотников окружила старика с косматой нечесаной бородой. В его руках — глиняные фигурки джейранов, куланов, пустынных козлов. Внимательно следят молодые охотники за стариком. Что-то бормоча под нос, он тонкой костяной проколкой наносит «смертельные» раны фигуркам. Не подвели подслеповатые глаза и дрожащая рука, — ни разу не промахнулся старик — все раны смертельные: удачная будет охота. Кучкой лежат «убитые» глиняные фигурки у его ног, но долго еще будет он колдовать над ними. А охотники уже двинулись на настоящую охоту.

Пройдя поселок, они спускаются по отлогому откосу вниз и цепочкой уходят в пески. Через несколько километров охотники останавливаются. Вскоре из-за бархана появляется сторожевой разведчик. Всю ночь выслеживал он место отдыха стада джейранов, а теперь зорко следит за ними, прячась в кустах саксаула. Хитрый вожак вывел свое стадо на ровное место, поросшее мелкой травой — незамеченным близко к ним не подойдешь. Терпеливо следят за джейранами охотники. Они знают: к полудню, спасаясь от moskitov, вожак уведет свое стадо в пески. И тогда с подветренной стороны будут осторожно подползать к ним охотники, прячась за каждый бугорок и кустик. Жара пригнет стадо к земле, разомлеет вожак, все реже станет он оглядываться вокруг, все ближе будут подходить охотники. Поздно заметили джейраны опасность,

спаслась только часть стада — остальные животные достались охотникам. Ловко орудуя кремневыми ножами, они быстро освежают туши и к вечеру, тяжело нагруженные добычей, возвратятся в поселок.

Но не всегда удачной бывает охота. Одно неосторожное движение или ветер изменит направление — и вечером охотники и их семьи будут есть лишь сухие лепешки.

Вскоре после ухода охотников женщины двинулись к речке. Ее воды, разлившись в паводок, залили большую ровную площадь. Палящее солнце за один-два дня быстро подсушило лужи. К востоку от поселения образовалась огромная чаша, заполненная мутной илистой водой. Несколько женщин, вытянувшись в длинную цепочку, медленно направляются к ее середине, аккуратно разбрасывая в жидкий ил зерна ячменя и пшеницы. За ними движется второй ряд женщин, прикапывающих зерна длинными заостренными на концах палками.

Это — древнейший способ посева на огороженных небольшими валиками участках, так называемое лиманное орошение. Если удастся охранить быстро произрастающие посевы от птиц и животных, то месяца через два женщины смогут костяными жатвенными ножами с кремневыми лезвиями уже срезать созревшие колосья. Часть зерна будет отложена на семена, а остальной урожай распределится поровну между всеми обитателями Джейтуна.

Пока молодые женщины заняты посевом, несколько старух, собравшись в тени дома, месят глину. Время от времени они подбрасывают в нее мелко рубленые стебли злаков. Растительная примесь делает глину более вязкой и плотной. Опытная старуха раскатывает из этой глины длинные ленты и, закручивая их спиралью, изготавливает сосуд. Сверху стенки сосудов обмазываются более жидким глиняным раствором. Затем сосуды ставятся для просушки на солнце. А вскоре искусная мастерица, разведя красную краску, тщательно разрисовывает их.

Но вот сосуды обожжены в огне. И еще ярче заиграли на них желтовато-бурые орнаментальные рисунки — первые опыты художественного оформления бытовых изделий. Просты и несложны узоры первых художников-декораторов. Но этим волнистым и прямым линиям, зигзагам суждено пережить тысячелетия.

Бережно будут хранить эти сосуды джейтунцы, употребляя их лишь в исключительных случаях. В остальное

время жители поселка пользуются скромными, ничем не украшенными сосудами.

Солнце уже в зените, жара становится невыносимой. Замер поселок. Все живое ищет прохлады. Забравшись в тень, сидят старики. Спать им не хочется — впереди длинная ночь, а время тянется томительно долго. Начертив на земле квадраты, расставляют они свои заглаженные до блеска глиняные и каменные фишки. За несложной игрой быстрее пройдет время, быстрее наступит долгожданная вечерняя прохлада.

Не спешит опускаться солнце, медленно склоняется оно к западу. Но вот тени становятся длиннее. Снова зашвистели в небе жаворонки, жаркий ветерок постепенно становится прохладнее. Возвратились охотники. Пока добыча готовится на очагах, мужчины распластав на полу шкуры, кремневыми скребками счищают с них сгустки засохшей крови и слой мездры. Когда основной слой снят, в ход идут костяные скребки: кремневые могут порезать кожу и испортить ее. Но вот шкуры очищены, теперь их долго разминают вручную — скоро из них сошьют одежду и обувь на зиму.

Солнце почти совсем скрылось за барханы. Их контуры резко выделяются на фоне потемневшего, но еще голубоватого неба. На главной площади бесшумно пылает пламя костра. Вокруг него сидят охотники и с интересом слушают рассказ старейшины поселка. Плавное течение повествования старого джейтунца. Много раз слышали мужчины его рассказ. Но всегда они внимательно дослушивают его до конца. Пройдут годы, молодые состарятся и в свою очередь будут рассказывать это древнее сказание подрастающим джейтунцам.

«...Много, много жарких лет назад предки наши жили в горах. Это были сильные, выносливые охотники, не в пример всем вам. Бесстрашно преследовали они по глухим тропинкам горных козлов и баранов. Немало охотников срывалось и гибло на горных кручах, но не было другого выхода — на стойбище их ждали голодные дети и женщины. Все меньше приносили женщины съедобных растений, все чаще умирали от голода и холода маленькие дети. Все дальше и выше в горы уводили вожак стада, и все чаще возвращались с пустыми руками охотники на стоянку. «Великая женщина», имя которой остается в тайне, первая собрав зерно дикой пшеницы, утаила

часть его от голодных детей, закопав в сырую землю. А когда вернулась вновь на это место, то обнаружила там клочок пшеничного островка. Снова собрала она твердые колосья и, позвав остальных женщин, посвятила их в свою тайну. Теперь не надо уже было бродить по скалам в поисках одной-двух горсточек зерна — «мать — прародительница всего живого» научила людей получать зерно на одном месте. «Великая женщина» была богиней, богиней плодородия, матерью всего существующего в природе. Вот поэтому в память о ней благодарные люди каждую весну устраивают празднества, приносят ей в жертву первые колосья урожая, просят у нее удачного года...»

Старик замолчал на минуту, но ни один из слушателей не пошевелился. Все ждали продолжения рассказа. В неровном отблеске огня было видно, как старик любовно гладит пальцами маленькую терракотовую фигурку женщины — Богини-матери.

«Не умирали больше дети от голода, много новых людей появилось на стоянке, счастливые наступили времена. Но скоро стало не хватать земли для посевов: в горах оказалось мало участков, пригодных для земледелия. Пришлось думать о новых местах. Преследуя добычу, часто спускались охотники в долину, по которой текла горная речка. Видели они вдаль зеленые рощи, между которыми плескались ее воды. Но лишь самые смелые проходили дальше по долине, где не было спасительных горных круч, скальных навесов с детства известных охотникам-горцам. Неуютно чувствовали они себя на такырах. На равнине быстро скрывались животные, а люди терялись в незнакомой местности и чаще всего возвращались на стоянку без добычи.

Но все меньше зерна собирали женщины с крохотных участков, а вдаль на горизонте зеленым пятном манили новые земли. И тогда к людям на помощь пришла вновь «Великая женщина». Повелела она идти вдоль речки на новые места, где было много воды, мягкой земли и совсем не имелось камней. В великом горе, с криками и слезами покидали наши предки родные горы. Со страхом и ужасом взирали они на голые равнины, где негде было укрыться, и каждую минуту ждали опасности. И пожалела их «Великая женщина». Через некоторое время увидели они далеко впереди маленькие горы, напоминавшие

им родные места. С радостными криками бросились туда охотники-горцы, но сразу увязли по колено в сыпучих песках. Под ногами не оказалось знакомой тверди. И опять их не покинула милость «Великой женщины». Научила она наших предков строить вместо скальных пещер дома, где можно было прятаться в непогоду и жару.

Быстро научились наши деды охотиться на новых местах. Много было вокруг мягкой земли. Всегда текла рядом холодная вода. Вновь наступили счастливые времена...»

Догорали сучья саксаула в костре. Давно уже спали в поселке дети и женщины, но все еще сидели вокруг костра, поеживаясь от ночной прохлады, полуголые охотники. Не кончил старик еще свой рассказ и казалось, вся примолкшая пустыня слушает его.

«...Но миновали счастливые времена. Прогневалась «Великая женщина». С каждым годом все меньше воды пропускает она к поселку, все меньше становится зелени вокруг. Близко подступают пески к полям, часто засыпают они зрелые колосья. Неумолимо окружают злые барханы поселок, берут его в мертвое кольцо. Нам еще хватит земли, а детям и внукам придется искать новые места».

Замолчал старик, печально опустил голову вниз...

...Где же искать эти новые места? К югу от поселка — уже ставшие неудобными и чужими горы, к северу — бескрайние пески без капли воды. К западу живут наши братья, но и на них наступают песчаные барханы.

Говорят, где-то далеко-далеко на востоке есть еще незанятые места, много там речек и ручьев, много вокруг мягкой земли. Только самые сильные и смелые дойдут туда, много опасностей поджидает их в пути...

Молча расходились мужчины по своим домам, но каждый из них думал об одном — кому-то надо переходить на новые места. Нет у них другого выхода, не смогут они остановить надвигающиеся пески. И скоро придется двинуться на поиски новых мест. Не все дойдут до них, но оставшиеся в живых, преодолев все трудности долгого пути, добьются своего.

Куда ушли жители Джейтуна? Об этом человечество узнало лишь в наше время.

Гимн черепку

В 1960 г. в 300 километрах к востоку от Джейтуна, у стыка современных границ Ирана, Афганистана и СССР, около самых гор, шли раскопки огромного поселения Алтын-тепе. Когда-то здесь жили люди «бронзового времени», по своему развитию стоящие значительно выше джейтунцев. И не удивительно: от джейтунцев их отделяло время, исчисляемое двумя-тремя тысячелетиями. К культуре и истории жителей Алтын-тепе мы еще вернемся, сейчас же важно обратить внимание на следующий факт: долгое время считалось, что в этом районе нет памятников древнее чем Алтын-тепе.

Несмотря на это мнение, археологи в свободное от работы время упорно изучали окрестности Алтын-тепе в надежде найти новые памятники. Однако на ровной, как стол, равнине не видно было каких-нибудь больших бугров, кроме уже известных, а маленькие, невысокие холмики оказывались на поверку естественными возвышениями, без следов деятельности человека.

Занимался этими поисками и молодой археолог Саша Ганялин. Ганялин — не новичок в своем деле: несколько лет назад он раскапывал поселение джейтунского времени вблизи Ашхабада. Через его руки прошли сотни черепков и кремневых изделий — он хорошо знал, какие вещи использовали в своем обиходе люди новокаменного века. Но помог ему случай.

Однажды Саша отправился в гости в соседний аул Чаача. Выйдя из лагеря, он по профессиональной привычке пошел не по дороге, а параллельно ей, держась от нее на довольно большом расстоянии. Саша все время смотрел себе под ноги и лишь изредка оглядывался вокруг. Стоял июль месяц. Солнце давно уже выжгло все вокруг, и на серой поверхности такыров не было видно ничего необычного. Отойдя 6—7 километров от лагеря, Ганялин решил отдохнуть и, заметив чуть выделяющийся бугорок, присел на него.

Вся поверхность была сплошь усеяна мелкой галькой. Это явление обычно для подгорной полосы: ранней весной талые воды несут с гор в низину массу камней. Крупные камни застревают выше по течению, а более мелкий гравий уносится водой дальше на равнину.

Сидеть на галечнике было неудобно, и Саша рукой попытался расчистить себе место. И вдруг среди однообразных темно-серых обломков камня он заметил кусочек глиняного черепка. Неужели посуда? Еще не веря себе, он стал лихорадочно расчищать вокруг землю и вскоре нашел несколько разломанных кусков глиняной посуды.

Сразу стало ясно: этот холмик не природного происхождения — раз есть черепки, значит здесь жили люди. Но когда? Может быть, это небольшой поселок бронзового века? Такие «деревни» нередко встречаются вокруг больших «городов».

Приглашение в гости оказалось забытым, и через несколько часов Ганялин набрал целую кучку обломков глиняных сосудов. Но все они не имели украшения и мало что говорили ему. Саша упорно искал — не блеснет ли где обломок сосуда, с каким-нибудь рисунком или цветным орнаментом. Тогда все станет ясным: для археолога орнамент на посуде — это своего рода визитная карточка. Она все расскажет о своем владельце: кем, где, а главное, когда был сделан этот сосуд.

В древности, как сейчас, в определенные периоды существовали свои особые моды, свой особый стиль в изготовлении тех или иных вещей. С течением времени они видоизменялись. Но никогда стиль или мода одной эпохи точно не копировали стиль или моду другой. Вот этот-то фактор и имеет решающее значение для открывателей прошлого.

Не удивительно, что глиняная посуда, оказавшаяся самым долговечным материалом, пережившим деревянные и иные изделия, оказывает неоценимую услугу археологу. Учитывая целый ряд признаков, но ориентируясь главным образом на орнамент, он может еще до раскопок, осмотрев лишь поверхностный материал, приблизительно определить, к какому времени относится то или иное поселение.

Науке известно, например, что некоторые индейцы Америки через каждые 50 лет выбрасывали всю старую посуду и заменяли ее новой — другой формы, а главное — с другой орнаментацией. Но это исключительный случай. По рисунку на черепках подчас можно определить какого племени или народу принадлежало это изделие.

Но вернемся к нашему археологу. Метр за метром тщательно обследовал Ганялин свою находку. Он надеял-

ся обнаружить хоть один обломок орнаментированной посуды. Под вечер, когда косые лучи солнца образовали длинные тени, отчетливее обозначились темные пятна черепков на сероватой поверхности, чаще стали попадаться разнообразные обломки вещей. Но Саша устал. Больно отдавался в пояснице каждый наклон к земле. Теперь он все чаще переворачивал осколки посуды носком ботинка — орнамент мог быть с другой стороны черепка.

Прошло еще немного времени, Ганялин, отчаявшись, механически переворачивал черепки. Но неожиданно на одном из них он заметил следы расписной окраски. Орнаментированный черепок! Единственный итог многочасовых поисков. Лучшего подарка археолог и не желал!

Он взгляделся внимательно в свою находку. Глина черепка содержала примесь мелкорубленых растений, как и посуда джейтунцев. Поверхность черепка имела розоватую окраску, как сосуды Джейтуна. Но самое главное — рисунок в виде извивающихся линий, свободно пущенных по тулову (поверхности) сосуда, был известен только на джейтунской посуде. Неужели здесь, на расстоянии 300 км от Джейтуна жили люди, родственные самим джейтунцам? Но какова была степень их родства? На этот вопрос он не мог ответить сейчас. Для этого требовались детальные раскопки. Ганялин дал название этому безымянному холмику. Чагыллы-тепе — холм, покрытый галечником, под таким названием он и вошел позднее в научную литературу.

Над изучением поселения Чагыллы археологи работали несколько полевых сезонов. Этот поселок оказался «родным братом» поселения Джейтун. Жители Чагыллы жили в таких же домах с каминнообразным очагом на одной стороне и выступом на другой. Они изготавливали сосуды той же формы и наносили на нее те же орнаменты, что и джейтунцы. Точно такими же кремневыми и костяными скребками обрабатывали они шкуры убитых животных. Весенние разливы горных ручьев служили им естественными плодородными участками для посева пшеницы и ячменя. Из разноцветных камней теми же кремневыми сверлами изготавливали они всевозможные бусы, из глины лепили фигурки животных, сохранивших следы «колотых» рап. Небольшие глиняные статуэтки женщин изображали «Великую женщину» — богиню-мать, богиню плодородия и всего сущего на земле.

Однако по сравнению с джейтунцами они сделали новый шаг вперед в своем развитии. Чагыллы сумели приручить первых диких животных. Это явилось величайшим достижением своего времени. Независимо от охоты жители Чагыллы всегда имели под рукой мясо.

Можно думать, что чагыллы и были теми самыми смельчаками, которые с Джейтуна двинулись на восток в поисках новой родины. Это впечатление подкрепляется тем, что по некоторым особенностям посуды археологи относят поселение Чагыллы к несколько более позднему времени, чем Джейтун. И все же это в высшей степени правдоподобное предположение не может считаться окончательно доказанным. Слишком мало еще найдено поселков новокаменного времени, слишком плохо еще изучены следы древности в соседних странах. Пройдет не один год кропотливой работы, пока открывателям прошлого удастся подобрать ключ к этой загадке.

Но уже сейчас документально установлено, что в VI—V тысячелетии до н. э. длинную, узкую полосу вдоль современного подножия Копет-Дага населяли люди новокаменного века, умевшие искусственно выращивать зерновые культуры. В то время, когда население большей части Старого Света еще вело полубродячий образ жизни охотников-собирателей, в нескольких изолированных районах Ближнего Востока зарождались очаги будущих цивилизаций. Одним из таких немногих очагов и была Южная Туркмения.

Как известно, каменный век в истории человечества сменился медно-каменным, а потом бронзовым веком. Точно так же на интересующей нас территории на смену джейтунцам пришли люди, знакомые уже с первыми медными изделиями. Правда, каменные орудия еще продолжали существовать. Для того чтобы лучше понять процесс этого перехода, вернемся к раскопкам экспедиции Р. Пампелли на буграх Анау.

Раскопки, как всегда, начались с верхней части поселения Анау, относящейся к сравнительно позднему периоду существования людей на этом месте. Чем глубже опускались рабочие-землекопы, тем более древний материал извлекали они. Сначала им попадалась посуда, украшенная разнообразными рисунками двух цветов — черного и красного. Наряду с такими сосудами встречались орудия и украшения из меди. По мере углубления вниз полихром-

ная посуда постепенно стала исчезать. Вместо нее появилась более древняя керамика.

Извлеченные черепки были украшены уже скромными одноцветными (черная краска) орнаментами. Самыми распространенными рисунками оказались треугольники, расположенные горизонтальными полосами вдоль всего тулова сосуда. Метр за метром углубляли рабочие котлован, а из-под лопат извлекались черепки все с тем же орнаментом из треугольников. Изредка археологам попадались медные украшения. Неожиданно почти у самого низа котлована посуда с изображением треугольников пропала, и вскоре пошла керамика с иной орнаментацией.

Ее черепки резко отличались от предыдущих. На них имелись не простые треугольники, а сложные орнаменты в виде заштрихованных в косую сетку ромбов, каких-то остроугольных фигур. Больше того, новой оказалась и сама форма сосудов, а в глине, из которой они были изготовлены, исследователи обнаружили песок, а не мелкорубленые растения. В этом слое не были найдены медные изделия.

Свои раскопки Пампелли производил в начале нашего века, когда о людях новокаменного века ничего не было известно. Поэтому не удивительно, что людей, выделявших посуду с изображением косой сеткой ромбов, приняли за наиболее древних поселенцев южной Туркмении. Теперь-то мы знаем, что древнейшими были джейтунцы. Однако и после открытия джейтунской культуры некоторое время оставалось непонятным, когда жили и что представляли собой люди, открытые Пампелли.

Разгадка опять пришла с Востока. Недалеко, буквально в 4—5 километрах, от поселения Чагыллы археологи обнаружили небольшое возвышение с обломками посуды на поверхности. По орнаментам эти черепки отдаленно напоминали найденные в самом низу котлована на Анау.

Результаты раскопок на новом месте, названном Монджуклы-тепе, превзошли все ожидания. Заложенный котлован прорезал шестиметровую толщу древнего поселения. Ниже лежала лишь «чистая» глина без каких-либо следов деятельности человека. Последний трехметровый слой содержали черепки, украшенные орнаментом из волнистых, зигзагообразных полос, аналогичных рисункам на посуде жителей Джейтуна и Чагыллы.

Наряду с этими черепками исследователи нашли много

орудий из кремня и кости, но не встретили ни одного медного. Вместе с тем в верхних слоях котлована кремневые орудия встречались реже, но зато удалось обнаружить несколько украшений из меди. Главное же заключалось в том, что черепки посуды из этой верхней части котлована совсем не походили на найденные внизу. Они близко напоминали геометрические орнаменты посуды, найденной в нижнем слое Анау.

Все это натолкнуло на мысль, что поселок Монджуклы-тепе возник в новокаменное, джейтунское время, когда в ходу были сосуды, украшенные простыми зигзагообразными орнаментами. Позднее эту посуду сменила иная — со сложными геометрическими рисунками, подобными узорам на черепках в нижней части котлована в Анау. Правда, в этом слое Пампелли не обнаружил металлических изделий. Но их «отсутствие» объяснимо — достаточно сослаться на плохое качество раскопочных работ, проведенных американцами в Анау, на их небольшой масштаб и т. п. Все это говорит о том, что американцы попросту не заметили следов металлических изделий, которые сейчас найдены в нижнем слое анауского котлована.

Можно с уверенностью утверждать, что создатели этой посуды жили позже, чем джейтунцы, но раньше, чем те, кто изготовлял сосуды с простым орнаментом из треугольников. Но отчего рисунки на их посуде иные, чем на аналогичных сосудах, изготовленных более поздними жителями этой местности, со сложной орнаментацией, найденных на Монджуклы-тепе? Почему они напоминают узоры на черепках, обнаруженных в 300 км отсюда, в основании бугра Анау?

В поисках ответа на эти вопросы ученые обратили внимание на следующий факт. Оказалось, что за пределами Туркмении, у южной оконечности Каспийского моря, в Иране, на древних поселениях Чешме-Али и Шир-и-Шайн, зарубежные археологи обнаружили обломки посуды с поразительно сходной орнаментацией.

В научной литературе даже высказывалось предположение, что жители тех мест в свое время перешли горы и вторглись в пределы современной Туркмении. Действительно, сходство в расписных украшениях на сосудах как-то связывает отдельные области Туркмении с этими древними поселениями за рубежом. Однако и в иранских памятниках эта керамика стоит обособленно.

История существования этих племен уходит в далекое, пока еще неясное прошлое. К тому же при раскопках верхней части Монджуклы археологи обнаружили детское погребение. Специалисты-антропологи, изучив найденный здесь череп, пришли к выводу: ребенок по ряду признаков напоминает людей, живших некогда в Индии. Но в самой Индии до сих пор не удалось разыскать поселения с черепками подобной орнаментации.

Загадка остается неразгаданной. Ответ дадут последующие раскопки не только на территории Туркмении, но и Ирана и Индии. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать: откуда бы ни пришли эти «загадочные» люди, они уже умели выделывать медные вещи.

Каменный век постепенно уходил в прошлое. Первые робкие опыты кузнецов предвещали наступление нового века — века металла. Выковывая мягкую медь, они выковывали будущее всей металлургии последующих времен. Значение этого факта очень велико: человек, найдя способ обрабатывать металл, вторгся в неживую природу. Отныне он будет приспосабливать ее для своих нужд. С точки зрения истории развития человечества это было величайшее изобретение.

Итак, на смену камню приходит металл. Но еще долго оба эти материала сосуществуют вместе — пройдут еще 2—3 тысячелетия, пока бронзовые орудия окончательно вытеснят каменные. В этом нет ничего удивительного. Ведь металл в те времена был так редок, что использовался в основном для изготовления украшений. Камень труднее поддавался обработке, но зато его было много. Вот почему люди продолжали делать из камня все основные орудия. Дольше всего, вплоть до начала I тысячелетия до н. э., когда бронзу сменило железо, существовали кремневые наконечники стрел, которые, в отличие от другого оружия, чаще всего использовались до первого выстрела. Люди берегли первый металл, предпочитая затратить свой труд и время, нежели потерять металл.

Какие изменения произошли в повседневной жизни человека с появлением металла? Как отразилось это событие на общем уровне культуры людей медно-каменного века?

Чтобы ответить на эти вопросы, возвратимся в Южную Туркмению, но уже к потомкам джейтунцев, жившим в IV тысячелетии до н. э.

На узкой полоске земли, вдоль подошвы горных кражей Копет-Дага, зеленели островки оазисов, образовавшихся около ручьев и речек. Друг от друга они отделены голыми безжизненными участками такыров и песчаных наносов. На первый взгляд кажется, что здесь ничего не изменилось со времен первых джейтунцев. Однако в джейтунское время большинство таких оазисов было заселено полосатыми тиграми и свирепыми кабанами, стадами куланов и джейранов. Теперь же почти в каждом оазисе жили люди, вытеснив отсюда прежних четвероногих обитателей. Богатые охотничьи угодья, плодородные земли, орошаемые горными речками, создавали хорошие условия для жизни потомков джейтунцев. Голодная смерть не являлась больше преградой для роста населения. Когда в одном оазисе людей становилось больше, чем могла прокормить земля, часть жителей уходила в новые, еще не занятые оазисы. Там они строили новые поселки, прочно и надолго обживались на новом месте.

В те времена прогресс намечался во всех областях древней жизни. Наряду с небольшими деревнями основываются огромные по тому времени поселки с населением свыше тысячи человек. Дома в таких поселениях строятся из прямоугольных кирпичей, сделанных в специальных формах. Стены обмазываются плотной штукатуркой и нередко окрашиваются. Деревянные косяки крепятся в каменные подпятники; плоские кровли представляют собой тростниковые перекрытия, укрепленные в несколько слоев глиняной обмазкой. Это уже дома, почти ничем не отличающиеся от современных сельских жилищ некоторых глухих районов Востока. Жители медно-каменного века уже не строят больших каминообразных очагов, дающих слишком много жару. Они заменяют их маленькими очагами в виде неглубокой ямки в полу, иногда обложенной вокруг кусками разбитых сосудов. Зато во дворах устраиваются большие очаги — тандыры, в которых хозяйки пекут свои лепешки — чуреки.

Около поселков из колючек и кустарников устраивались большие загоны. В них под охраной собак находились стада коров и быков, коз и овец. В медно-каменном веке животноводство достигло значительных успехов. Прежде скот шел только на мясо, а теперь люди получали от него молоко и готовили различные молочные продукты.

В те времена человек научился искусству ткачества. Из обожженной глины древние люди делали грушевидной формы пряслица. Очищенная шерсть наматывалась на вращающееся в руках веретено. Так пряли шерстяную нитку. На примитивном ткацком «станке» изготавливали шерстяную ткань. Она постепенно вытеснила одежду из шкур. Новая легкая одежда не стесняла движений, и люди теперь легче переносили жару.

Замена шкур шерстяными тканями повлекла за собой замену кремневых проколов и шильев костяными. Ткань была мягче, чем кожа, ее легко было прокалывать костяными шильями и сшивать с помощью костяных игл. Из красной меди делали украшения в виде булавок и бус. В исключительных случаях кузнецы выковывали небольшие шилья, необходимые для шитья кожаной обуви.

Но особенно преуспели потомки джейтунцев в гончарном искусстве. От небольших миниатюрных чашечек, мисок и кубков до больших, крупных корчаг — таков ассортимент гончаров того времени. Без каких-либо специальных инструментов, вручную, они делали сосуды, поражающие тонкостью выделки.

Приготовленный из сырой глины сосуд покрывали тонким слоем жидкой цветной глины, которая образовывала красновато-желтоватую фоновую облицовку. Поверх этого светлого фона растительными красками, главным образом черными, наносились орнаменты. Сочетанием черного рисунка на светлом фоне достигалось более четкое восприятие орнаментов. Наиболее распространенными в то время были рисунки, изображающие черные контурные треугольники. Правда, изредка гончары позволяли себе некоторую художественную вольность. Вместо треугольников они рисовали «шахматные» узоры, ломаные широкие ленты в виде шевронов и даже схематические силуэты козлов с большими рогами. Однако их фантазия еще не выходила за пределы общепринятых тогда мотивов орнамента; в основном их рисунки сводились к изображению треугольных фигур.

После того как сосуды были расписаны, их сушили на солнце, а потом обжигали на огне. Получалась достаточно прочная посуда, радующая глаз своим ярким внешним видом. Эту посуду как уже говорилось, древние очень ценили. Они употребляли ее лишь во время еды, да и то в особо выдающихся случаях, ремонтировали, если она разби-

васась. Пища приготавлилась в больших глиняных котлах. Для большей жароустойчивости их делали из глины, в которую добавляли специальные примеси.

Кроме бытовых предметов из обожженной глины древние гончары изготавливали всевозможные фигурки животных: небольшие бычки с направленными вперед короткими рогами, козлы и бараны с загнутыми рогами и охраняющие их собаки. Не забывали умельцы прошлого и «Великую женщину» — богиню плодородия. Изображающие ее статуэтки отличаются тонкостью моделировки, хорошим знанием пропорций человеческого тела, естественностью позы. Чаще всего это стоящая обнаженная женщина с нарочито подчеркнутыми признаками пола — ведь она родоначальница всего сущего на земле, она дает жизнь всему роду человеческому.

Подобно ей земля дает жизнь самим людям. Получив от них зерно — семя, земля родит людям новый урожай хлебных злаков — возможность дальнейшего существования. От матери-земли зависит жизнь людей, от внимательного отношения к ней зависит дальнейшая их судьба... Именно поэтому так бережно, любовно изготовлены статуэтки «Великой женщины». Часто бедра и грудь статуэтки украшены специальными рисунками — символами плодородия.

Этим фигуркам молились древние люди, испрашивая хороший урожай и дальнейшее процветание. Но в отличие от своих предков — джейтунцев, поклонявшихся «Великой матери» у домашнего очага, в кругу семьи, они соорудили в центре поселка специальные святилища.

Обычно святилище состояло из двух смежных помещений, соединенных проходом. Их стены были расписаны красочными фресками в виде вертикальных полос, состоящих из ромбических фигур и треугольников. Фигуры наносились красной и черной красками с белой инкрустацией между ними. Такие цветные панели придавали помещениям святилища парадность, подчеркивая этим особое назначение всего сооружения. Вдоль красочного панно шла колоннада из деревянных столбов. В углу второго помещения находился своеобразный алтарь — очаг, где во время обрядовых церемоний горел священный огонь, освещая стоящие рядом женские статуэтки богини-матери. Можно представить, с каким благоговением и страхом входили сюда благочестивые земледельцы для совершения

культовых обрядов. Здесь, у священного алтаря просили они хороших урожаев и успешной охоты; здесь приносили жертвы, стараясь умиловить своих богов.

Святылище находилось под присмотром и наблюдением. По мере необходимости оно подновлялось, поверх старых росписей наносились новые, иных рисунков и цветов. Правда, не во всех помещениях медно-каменного века строились такие грандиозные по тому времени культовые здания. В маленьких захолустных поселках святылища имели более скромное оформление, на стенах не было фресок, но в углу всегда стоял неизменный алтарь-очаг.

Какова же была внутренняя структура поселка? Что представлял собой общественный строй племен, населявших их? Раскопки показали: в новокаменном веке люди жили отдельными парными семьями, т. е. каждая семья состояла из мужа, жены и детей. Все семьи в целом составляли население одного поселка вроде Джейтуна, Чатыллы и др. Такие семьи вели свое хозяйство не изолированно друг от друга, а коллективно. Они вместе охотились, вместе обрабатывали землю, поровну делили добычу.

Вопросы, касавшиеся всего поселка в целом, решались коллективно, на общем совете. Это был первобытно-общинный строй — без бедных и богатых, без царей и рабов. Повседневная жизнь основывалась не на насилии и принуждении, а на авторитете наиболее умудренных житейским опытом соплеменников. Дух коллективизма, круговой поруки диктовался самой жизнью, исключая резкие проявления индивидуализма. В одиночку человек новокаменного века не только не смог бы прокормить свою семью, но и прожить несколько дней — он погиб бы от голода.

Принципы всеобщего коллективизма сохранялись и в раннемедном веке. При раскопках поселений, относящихся к тому времени, археологи находили большие закрома — хранилища общего зерна, целые склады общественных продуктов.

Чтобы нагляднее показать некоторые стороны быта древних земледельцев, а также историю развития керамического искусства, расскажем о раскопках теперь уже известного и хорошо изученного поселения Кара-депе.

Осенью 1952 г. Куфтин, приступая к археологическим работам в Южной Туркмении, обратил внимание на огромное поселение, расположенное в ста километрах к востоку от Ашхабада, у железнодорожной станции Артык.

Кара-депе. Орнаментированные сосуды
(начало III тысячелетия до н. э.)

Среди местного населения этот памятник старины получил название Кара-депе, что означает «черный холм». Еще раньше, в довоенные годы, ашхабадские археологи производили поверхностное обследование Кара-депе. При этом они обратили внимание на эффектные экземпляры — черепки глиняной посуды, украшенные великолепными рисунками животных и птиц. На обломках сосудов были изображены пятнистые гепарды, горные козлы, утки, орлы. Можно было предполагать, что в глубине поселения могли встретиться целые сосуды с подобными орнаментами. Все это и побудило Куфтина начать раскопки на Кара-депе.

Местом своей работы он избрал наиболее возвышенную часть этого огромного поселения. Здесь решено было рыть большой котлован. По мере углубления археологам попадались сосуды, украшенные одноцветными черными расписными рисунками птиц и животных, глиняные фигурки, изображающие женщин, всевозможные каменные и медные украшения. На глубине 3,5 м от поверхности посуда с зооморфными рисунками исчезла, а ниже, на глубину от 1,5 м стали встречаться черепки, украшенные многоцветными, измельченными орнаментами геометрических

рисунков. В орнаменте этой посуды отсутствовали изображения птиц и животных, столь характерные для рисунков на сосудах верхних слоев. Лишь изредка встречались отдельные рисунки схематично нарисованных козлов. В основном орнаменты изображали мелкие треугольники, широкие ломаные зубчатые ленты, скомбинированные в различных сочетаниях и выполненные в двух цветах — красной и черной краской. В целом эти скромные орнаменты удачно сочетались с формами сосудов.

Куфтин предполагал углубить котлован до самого основания памятника. Однако наступившие холода помешали осуществлению его планов. Раскопки на Кара-депе были продолжены известным нам XIV отрядом Южно-Туркестанской археологической экспедиции, которой теперь возглавил Вадим Михайлович Массон. С этого момента размах раскопочных работ принял большие масштабы. К настоящему времени Кара-депе — наиболее изученный памятник среди известных древних поселений подгорных оазисов Копет-Дага.

Вначале В. Массон продолжил раскопки котлована, начатого еще под руководством Б. А. Куфтина. Первое, с чем столкнулись археологи, были уже знакомые черепки с красно-черной орнаментацией. Но за ними пошли обломки сосудов с орнаментом из крупных треугольников, напоминающих рисунки на посуде, найденной при раскопках холма Анау. Все это говорило о том, что нижние слои поселения Кара-депе относятся к раннемедному веку.

Общая высота холма Кара-депе (от подошвы) достигала 10 м. Однако, углубив котлован на метр ниже окружающей поверхности и достигнув общей глубины 11,5 м, археологи находили все новые и новые находки. И лишь на глубине 12,5 м пошли чистые речные отложения без каких-либо следов деятельности человека. На первых порах этот факт озадачил исследователей. Ведь не могли же древние люди строить поселения на пониженном участке, в своеобразной яме. Все известные раскопки других многочисленных памятников свидетельствуют о том, что они всегда выбирали для строительства нового поселения естественные возвышения рельефа.

Ответ подсказали специалисты-геоморфологи. Дело в том, что в подгорных районах ежегодные бурные силевые потоки выносят на равнину массу глинистых и галечных наносов. Глинистые и галечные осадки постепенно на-

слаиваются друг на друга очень тонкими слоями, и поверхность равнины, примыкающей к горам, «растет» вверх. В результате гидрологических изменений, происходивших на протяжении десятков, сотен и тысяч лет, слои памятников древней культуры, расположенных в непосредственной близости от гор, оказываются погруженными под плоскость окружающих такыров.

Но вернемся к раскопкам на Кара-депе. Материалы, полученные из нижних слоев котлована, подтвердили предположение археологов: первое поселение на этом месте возникло в раннемедном веке.

Общая площадь Кара-депе в настоящее время достигает примерно 15 га. Но какие размеры имело это поселение в раннемедном веке? Чтобы ответить на этот вопрос, на другом краю холма исследователи заложили второй котлован. На дне его были также встречены черепки с орнаментом из крупных треугольников. Все это лишний раз говорило о том, что Кара-депе с самого начала своего основания имел площадь едва ли меньше 10 га. Это было одно из крупнейших поселений начала IV тысячелетия до н. э. среди остальных памятников надгорных оазисов Южного Туркменистана.

Как мы знаем, люди джейтунского, новокаменного времени жили в однокомнатных домах. А как же жили их потомки в раннемедное время? Казалось, ответить на этот вопрос легко — стоит лишь раскопать участок поселения, относящегося к тому периоду. Однако следы этого времени на Кара-депе, найденные лишь в основании котлована, находились под мощными, многометровыми слоями, оставленными людьми последующих веков. Чтобы добраться до них, пришлось бы убрать всю вышележащую толщу. Эта работа требовала много средств, а главное — времени. И археологи решили пойти другим путем. Они начали обследовать поверхность окраинных частей поселения Кара-депе в надежде встретить там непокрытые слои раннемедного времени. Поиски увенчались успехом. У самого основания Кара-депе удалось найти участок, где прямо на поверхности встречались отдельные черепки, расписанные крупными треугольниками.

Начались тщательные раскопки. Сняв небольшой слой наносов, археологи наткнулись на стены, образующие какое-то большое помещение. Внутри него обнаружили обломки сосудов с рисунками из контурных треугольников.

Не оставалось сомнений: эта постройка относилась к раннемедному веку. Вскоре отчетливо проступили контуры обширного здания. У его внутренних стен стояли целые крупные сосуды. К стенам были пристроены небольшие отсеки. Они могли служить закромами. Выходило, что археологи обнаружили не жилое здание, а хозяйственное. Скорее всего это было складское помещение.

Но исследователи все же надеялись «зацепить» какое-нибудь жилое помещение. Для этого они распирили раскопочную площадку. Однако их ждала неудача — оказалось, что с внешней стороны раскопа стены древних зданий начисто смыты, и раскопанное помещение оказалось самым крайним из сохранившихся. С другой стороны раскопа, стены помещений уходили под руины зданий последующего времени. Продолжение раскопок требовало большой, трудоемкой работы. Таким образом, вопрос о характере жилых зданий раннемедного времени Южного Туркменистана пока остался до конца невыясненным. Однако большие размеры раскопанного складского помещения позволили предположить: жители этого поселения в отличие от своих предков обитали уже в обширных многокомнатных домах.

Новый раскоп (площадью в 400 м² и глубиной свыше 2 м) на северном участке Кара-депе полностью подтвердил это предположение. В середине IV тысячелетия до н. э. действительно люди жили в многокомнатных домах, причем каждый большой дом состоял из нескольких жилых и складских помещений, связанных в одну скомпонованную группу.

Внутри этих помещений археологи собрали много черепков. Кроме того, они нашли здесь и несколько целых сосудов, украшенных причудливыми красно-черными орнаментами. Однако мы не смогли объяснить происхождение этой новой раскраски посуды. С одной стороны, эти новые орнаменты имеют мало общего с рисунками крупных треугольников на сосудах предшествующего времени. С другой стороны, хотя посуда раннемедного века вся выполнена только черной краской, стены святилищ расписаны многоцветными панно. Очевидно, техника полихромных росписей была издревле известна местным южнотуркменским племенам, однако посуду свою они поначалу расписывали только одним цветом.

Вместе с тем отдельные мотивы орнаментов красно-

черной посуды встречаются на черепках, найденных в Иране. Но в то же время там пока не обнаружены предметы древности с многоцветной росписью: вся найденная посуда расписывалась исключительно черной краской. Возможно, что в середине IV тысячелетия до н. э. в Южную Туркмению в порядке дружественного обмена стали попадать сосуды, сделанные гончарами родственных иранских племен. Сосуды понравились местным мастерам, владевшим секретом многоцветной росписи. Они и стали изготавливать черно-красную посуду, используя отдельные элементы орнаментов, бывших в ходу у их южных соседей. Но это лишь очередное предположение, требующее научного подтверждения.

Черно-красная раскраска посуды продолжалась сравнительно недолго: через полтора-два столетия на сосудах опять появились одноцветные черные рисунки. Почти всю вторую половину IV тысячелетия до н. э. сосуды украшались орнаментами, где наряду с геометрическими фигурами довольно широко распространены волнистые, зигзагообразные и другие линии, выполненные только в черном цвете. Несмотря на некоторые новшества в орнаментации этой посуды, в целом стиль ее остается старым и имеет несомненно местное происхождение. Где-то на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. эти орнаменты заменяются совершенно новыми — с рисунками в виде птиц и зверей. Они характерны для черепков, которые изредка встречались на поверхности Кара-депе. Эти обломки сосудов можно было отнести к последнему, заключительному периоду существования Кара-депе.

Надо заметить, что этот период в истории существования поселений подгорных оазисов Копет-Дага давно интриговал археологов своей загадочностью. Как и почему возникла столь необычная роспись посуды, ранее совершенно неизвестная? Для ответа на этот и многие другие вопросы археологи вновь обратились к Кара-депе. Здесь слой интересующего их времени не были перекрыты другими, более поздними наслоениями.

В течение пяти лет шли раскопки верхнего слоя восточной части этого огромного поселения. Постепенно удалось раскопать обширную площадь, расположенную в центре этого участка. От нее радиально отходили прямые улицы. С четырех сторон площадь окружали стены домов и заборы дворов со специальными выходами на площадь.

Каждый дом состоял из центрального двора, вокруг которого в строгом порядке располагались жилые и хозяйственные помещения (в некоторых домах их было до 20). В середине жилых комнат размещались небольшие отопительные очаги — вкопанные в пол большие сосуды с отбитым дном. Хозяйственные помещения представляли собой небольшие глухие отсеки-хранилища. Многокомнатные дома отделялись друг от друга либо узкими улочками, либо толстыми глухими разграничительными стенами. Раскопанный участок поселения поражал хорошо продуманной планировкой.

Вместе с тем строения Кара-депе не располагались строго по горизонтали. Они как бы «обтекали» холм, создавая определенное понижение к окраинам и более низким частям внутри поселения. Благодаря такой планировке талые и дождевые воды не застаивались во дворах и улицах, а самотеком стекали наружу, за поселение. Все это помогало карадепинцам поддерживать чистоту и порядок в поселке. Не удивительно, что несмотря на скученность населения, поселок того времени выглядел чистым и аккуратным. Весь мусор жители его свозили в отведенные для этого места. Две мусорные свалки были обнаружены при раскопках окраинных частей Кара-депе. Эти свалки дали в руки археологов весьма ценные материалы. И это легко понять. Как бы красива ни была посуда, но, разбитая по какой-либо причине на множество кусков, она уже не годилась в употребление и поэтому выбрасывалась. Однако искусные руки реставраторов теперь восстанавливают найденные археологами сосуды. Отныне они — украшения столичных музеев. И многие люди могут любоваться искусством декоративной отделки древних мастеров.

Центральная площадь являлась местом своеобразного «народного веча». Здесь устраивались общественные собрания, старейшины поселка обсуждали насущные вопросы, касающиеся всех жителей, а в часы отдыха происходили различные празднества, столь распространенные у многих земледельческих народов мира. Особенно пышно отмечались весенние праздники плодородия. Под тонкие звуки тростниковых дудок и глухие удары барабанов в центр выходили лучшие танцоры, к которым постепенно присоединялись остальные жители. Двигаясь по кругу в ритмичном танце, карадепинцы славили богиню плодородия.

дия, благодарили ее за ожившую природу, за яркое весеннее солнце, за новые обильные урожаи.

При раскопках зданий, расположенных в верхнем слое Кара-депе, археологи обнаружили множество интересных вещей — немых свидетелей прошлого. Здесь были терракотовые фигурки животных, всевозможные глиняные и каменные поделки, медные, костяные и каменные украшения, женские и мужские статуэтки. В большом количестве были представлены черепки расписной посуды, причем попадались и неповрежденные сосуды. Особенно эффективно выглядели глубокие полусферические чаши, украшенные снаружи крупными фигурками пятнистых гепардов (в редких случаях идущие в ряд гепарды скombинированы с расположенными над ними фигурами птиц и козлов). Правда, рисунки этих животных, выполненные довольно схематично, археологи поначалу приняли за изображения барсов. Однако тщательное изучение орнамента найденной посуды убеждает в том, что на ней действительно видны фигуры гепардов. Как известно, пятнистые длинноногие гепарды на территории СССР очень редко встречаются только в предгорьях и тугаях Туркмении. Поэтому естественно, что их изображали древние гончары на своих изделиях. Кроме того, гепарды имеют большие невтяжные когти. Эту деталь также отметили древние умельцы. На некоторых их рисунках лапы гепардов имеют четко выделенные когти.

Не менее популярны у карадепинских гончаров и рисунки козлов с заброшенными на спину рогами и небольшими бородами. Но особенно выразительно они рисовали орлов. Обычно они изображали этих птиц с распростертыми крыльями и повернутыми вправо гордыми головами с хищными клювами. Изображения орлов в классической геральдической позе поразительно напоминают аналогичные символы национальных гербов таких современных государств, как, например, Польша или Объединенная Арабская Республика.

Часто встречаются на карадепинской посуде рисунки неизвестных птиц. Возможно, это были утки. Нередко древние художники рисовали на сосудах целые стаи таких птиц. Все эти зооморфные сюжеты очень часто комбинировались в разнообразных сочетаниях с фигурами ступенчатых пирамид и с солнечными кругами. Карадепинские гончары вообще отличались большой фантазией

и выдумкой при красочном оформлении своих изделий. Но иногда их творческие поиски новых форм приводили к курьезам: птице пририсовывались рога и т. п.

Сколько ни была красива и эффектна эта посуда, археологов она интересовала прежде всего с точки зрения ее происхождения. Формально все персонажи зооморфных сюжетов были хорошо известны местным племенам: горные козлы, гепарды и птицы обитали в близлежащих окрестностях. Казалось, нет ничего удивительного, что именно их изображения украшали сосуды карадепинских гончаров. Но прежде чем сделать окончательный вывод, исследователи решили выяснить, не имелись ли аналогичные рисунки на посуде каких-либо других соседних народов?

Оказалось, что на территории современного Ирана, по другую сторону от Копет-Дага, в непосредственной близости от южнотуркменистанских памятников, находятся поселения, при раскопках которых найдена посуда, украшенная такими же зооморфными рисунками. Особенно много такой посуды археологи обнаружили при изучении древнеземледельческих поселений Тепе-Гиссар и Тепе-Сиялк (Северный Иран), раскопки которых были произведены еще в 30-х годах нашего века. На этой посуде имеются точно такие же, как и на карадепинской, рисунки пятнистых гепардов, козлов и птиц. Однако по целому ряду признаков находки Тепе-Сиялк и Тепе-Гиссар относятся к более раннему времени, чем карадепинские. Значит, кое-что в своем творчестве карадепинские умельцы заимствовали из этих североиранских памятников. Но что кроется за этими документально установленными фактами? Каким образом иранская посуда попала в Южную Туркмению?

Тщательное изучение черепков, сопоставление их с остатками посуды, найденной при раскопках других памятников, привело к еще более любопытным выводам. Оказывается, некоторые сюжеты рисунков сиялковских гончаров (геральдические позы орлов, изображение птиц в сочетании с солнечными кругами) придуманы не ими. В Сиялк, расположенный в Северном Иране, эти сюжеты попали из каких-то других мест. В дальнейшем выяснилось, что аналогичные рисунки имеются на посуде других древнеземледельческих поселений, расположенных на крайнем юго-западе Ирана. Таким образом, в руках уче-

ных оказалась целая цепочка памятников, где в хронологической последовательности прослеживались комплексы сосудов с одинаковой орнаментацией. Дальнейшие исследования показали, что под влиянием каких-то исторических событий в то время на территории Ирана происходило перемещение целых племенных союзов. Переселение шло с юга на север. Его последний отзвук мы и находим в южнотуркменистанских поселениях.

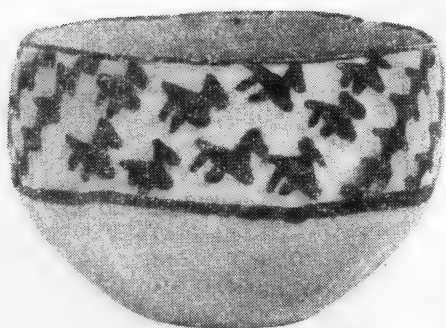
Итак, мы знаем, откуда попали зооморфные сюжеты на посуду южнотуркменистанских племен. Но явилось ли это следствием простого культурного влияния или эти сюжеты принесли в Туркмению непосредственно новые племена из Ирана? Можно полагать, что в подгорные оазисы в свое время проникли довольно большие группы людей. Однако это предположение требовало проверки и подтверждения фактами.

И здесь археологам помогла смежная наука — антропология. За многолетние раскопки Кара-депе было обнаружено по нескольку десятков умерших карадепинцев. При этом археологи установили, что начиная с раннемедного века местные жители хоронили умерших следующим образом. Они клали их в могиле головой на юг, повернув на правый бок — в позе спящего. Это была устойчивая местная традиция погребального ритуала. Иная картина наблюдается в последний период существования людей на этом поселении, совпадающий с появлением и широким распространением новой, зооморфной орнаментации местной посуды. В это время часть усопших уже кладут на правом боку головой на восток или запад, вместе с тем другие скелеты сохраняют позу старого погребального обряда. Как известно, заупокойные культы строго соблюдались древними людьми, поэтому иное положение скелета в могиле чаще всего свидетельствует о захоронении чужеземца. Как бы далеко ни забрасывала судьба человека, он всегда просил, чтобы после смерти его похоронили по обычаям, распространенным на его далекой родине. Все это натолкнуло археологов на мысль, что захоронения на Кара-депе, отличающиеся по своему погребальному обряду от местных, принадлежат выходцам с иранских поселений Тепе-Сиялк и Тепе-Гиссар.

Однако и это вероятное предположение нуждалось в более убедительном доказательстве. Последнее слово оставалось за антропологами. Опираясь данными своей науки,

Кара-депе. Изображения птиц и животных на посуде
(начало III тысячелетия до н. э.)

a

b

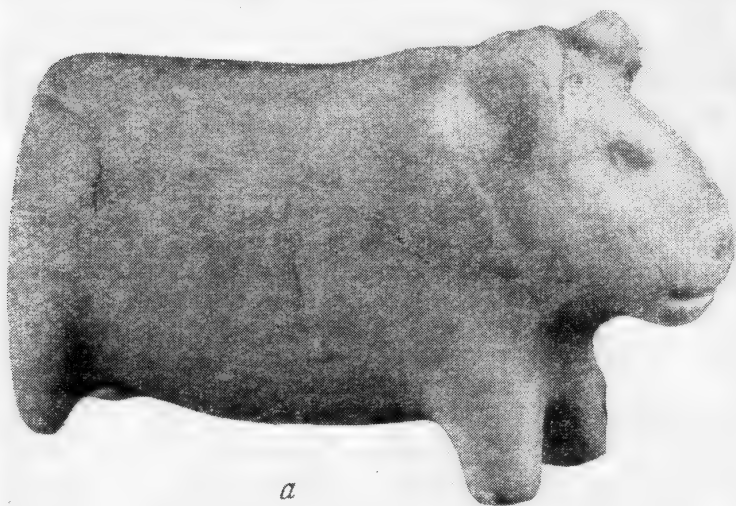
Кара-депе. Сосуды с изображениями: *a* — птиц, *b* — козлов
(начало III тысячелетия до н. э.)

они могли по специфическим особенностям строения черепа, особенно его лицевого скелета, определить, к какому антропологическому типу относится погребенный. Специалистам-антропологам и были переданы для изучения скелеты, найденные в могилах Кара-депе. Археологам оставалось лишь терпеливо ждать их приговора. А ждать пришлось долго — ведь найденные черепа карадепинцев пролежали в земле около пяти тысяч лет и, естественно, сохранились не лучшим образом. В лабораториях тщательно собирали обломки рассыпавшихся черепов, скрупулезно подбирали отдельные кусочки лицевых костей, воссоздавая былую форму лицевых скелетов. Особенно трудно было воссоздать форму носа, которая имеет решающее значение для антропологических определений. Хрупкие носовые косточки рассыпались при малейшем неосторожном движении.

Наконец, вся подготовительная работа закончилась и черепа были полностью восстановлены. И тогда в лаборатории известного антрополога М. М. Герасимова удалось воссоздать портретную скульптуру одного карадепинца — мужчины среднего возраста с длинным, узким черепом и большим отвислым носом.

Результаты специальных измерений всех остальных черепов с Кара-депе насторожили антропологов. Дело в том, что черепа людей, издавна живущих на одном месте, с течением многих сотен и тысяч лет подвергаются определенным изменениям. Наиболее древние люди имеют более массивные черепа, но с течением времени черепа их потомков, как правило, принимают более тонкие черты. Точно такая же перемена наблюдалась и у карадепинцев на протяжении всего IV тысячелетия до н. э. Однако в самый поздний период, когда их лица должны были приобрести более тонкие очертания, стала наблюдаться иная картина. Вновь появились люди с массивными черепами. Все говорило о том, что эти черепа не принадлежат людям, издревле жившим на Кара-депе. Ими могли быть скорее всего какие-то пришельцы.

Дальнейшее антропологическое изучение находок пролило свет на эту загадку. Оказалось, что часть карадепинских черепов отличается от черепов скелетов, относящихся к тому же времени, но найденных при раскопках других южнотуркменистанских памятников. Зато они близко напоминают черепа, обнаруженные на Тепе-Сиялк

Кара-дөңе. Мраморная статуэтка быка
(начало III тысячелетия до н. э.).
а — вид сбоку; б — вид спереди

и Тепе-Гиссар. Теперь уже не оставалось сомнений: на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. из районов Северного Ирана в Южную Туркмению проникли группы каких-то племен. Они и принесли с собой сосуды, украшенные зооморфными орнаментами. Однако вскоре пришельцы смешались с местным населением, полностью переняв их обычаи. И лишь в погребальном обряде они продолжали придерживаться традиций, распространенных на их бывлой родине.

К середине III тысячелетия до н. э. жители как-то внезапно покидают Кара-депе. Причины их ухода остаются до сих пор неясными. Можно лишь догадываться, что жители покидали родное поселение не по своей воле, поспешно. На это указывают несколько наиболее поздних по времени помещений, погибших от пожара. Кроме того, в одном помещении остались забытыми свыше десяти целых богато орнаментированных сосудов. Последняя находка свидетельствует о каких-то трагических событиях древности, которые со временем будут разгаданы археологами.

Колонисты в дельте Теджена

Сквозь пески и такыры пролегла современная железная дорога. Но только на крупных станциях останавливается, и то ненадолго, скорый поезд Москва — Ашхабад. Равнодушно мчатся вагоны мимо маленьких незаметных станций и разъездов, участки плоских такыров сменяются вздыбленными барханами сыпучего песка.

Внешне ничем не отличается от других крошечная станция Геоксюр, расположенная в 20 км от г. Теджена. На первый взгляд ничем не отличаются от обычных барханов и высокие конусы холмов вблизи станции. Но обманчиво первое впечатление! Полузасыпанные надувным песком холмы у Геоксюр не имеют ничего общего с внешне похожими, но вечно мертвыми барханами. Не видно из окна вагона, что вершины холмов усыпаны битыми черепками, до которых еще не добрались пески. Здесь, в Юго-Восточных Кара-Кумах жили некогда люди. Но откуда и почему пришли они в этот край, далекий от подгорных

оазисов? Кто были эти люди? Когда и как жили они здесь и куда ушли потом?

Неуютна тедженская долина. Вряд ли встретишь другое такое место, где так часто дуют песчаные бури. Степной идет песок, засыпая все вокруг. Прячутся в наглухо закрытые дома немногочисленные станционные жители, и только дежурный, еле удерживая на голове красную форменную фуражку, встречает и провожает длинные товарные составы. Спотыкаясь бредут вдоль железнодорожной колеи путевые обходчики, очищают стрелки от песка — в такую погоду все может случиться! Быстро затягивает песчаная дымка холмы, станция погружается в мглу, и только светофоры говорят о ее существовании.

Но дошла очередь и до этих холмов, и сюда добралась археологическая экспедиция. Пешком и на машинах обследовали открыватели древности этот район. Собрали они и остатки древней посуды, лежащие на поверхности холмов. Однако ничего не говорили им эти черепки. Это был редкий случай в археологической практике: груда орнаментированных и... совершенно безмолвных черепков. Ничего подобного никто из археологов до сих пор не видел. Орнаменты на черепках не походили ни на зигзаги, которыми джейтунцы украшали свои сосуды, ни на контурные треугольники, распространенные в раннемедном веке, ни на другие более поздние рисунки. Заставить заговорить их могли только раскопки.

Поиски в песках привели к открытию девяти холмов-поселений. Они отстояли друг от друга на расстоянии 5—8 км, образуя своего рода компактную группу. Все найденные поселения оказались сравнительно небольшими — в 2—5 га, и только площадь одного поселка превышала 12 га при общей высоте холма около 10 м.

Обычно археологи, открыв какой-нибудь безымянный памятник, дают ему название близлежащего современного поселка или города. Так поступили они и на этот раз, назвав этот центральный холм — Геоксюр по имени местной станции. Если глядеть на этот памятник со стороны, он своей формой напоминает длинного зеленого кита. Неудивительно, что позднее, расспросив местное население, исследователи установили: задолго до прокладки железной дороги местные чабаны называли этот холм Геоксюр, что обозначает «зеленый, вытянутый». Желез-

подорожная станция получила свое название от этого огромного холма-поселения. После раскопок все девять памятников получили название «геоксюрской группы поселений». Это название ныне прочно вошло в научную литературу, причем не только отечественную, но и зарубежную.

Но вернемся к самим раскопкам. Прежде чем приступить к ним, археологи тщательно обследовали все девять холмов, собрав с них черепки, случайно оказавшиеся на поверхности. Находки вызвали новое недоумение: лишь на двух поселениях были найдены черепки, украшенные сложными многоцветными орнаментами, орнамент всех остальных состоял из скромных одноцветных рисунков. Поселения находились рядом, а черепки, встреченные на них, имели разные рисунки — не могли же быть приняты разные орнаменты у таких близких соседей?

Со многими загадками пришлось столкнуться при раскопках геоксюрской группы поселений. Не все они были разгаданы. Но раскопки еще не окончены. И мы надеемся прочесть еще не одну страницу удивительной истории земли Геоксюр.

В предыдущих главах мы неоднократно отмечали, что дошедшие до нас древние поселения имеют вид бугров высотой до 3—5 м. В отличие от них Геоксюр достигал высоты около 10 м. Каким же образом выросли многометровые поселения?

Все стало ясно при последующих раскопках. Они-то и позволили воссоздать картину образования этих интересных памятников. Первые поселения строились на голой равнине или на небольших естественных возвышениях. Их жители обычно выкидывали мусор и отбросы прямо за порог домов. Постепенно эти уплотненные под ногами мусорные слои заполняли всю улицу, так что пороги домов оказывались ниже их. Чтобы дождевые воды, скапливавшиеся между узкими пространствами домов, не заливали дома, их обитатели надстраивали пороги. В ряде случаев встречались пороги высотой до полуметра!

Эта мера предосторожности неизбежно вела к искусственному повышению нижнего косяка самих дверей, упавшихся в каменные подпятники. С течением времени, когда дома становились дряхлыми, а пороги слишком высокими, старые стены обрушивали и на их основании возводили фундаменты новых домов. Таким образом, пол по-

вого дома уже оказывался несколько выше, чем у предшествовавшего ему. Больше того, в крупных поселениях жители покидали вконец замусоренный участок и перемещались на другое место, где строили новые жилища. Оставленный участок превращался в мусорную свалку, куда выбрасывались отходы из близлежащих домов. Так в течение десятков и сотен лет поселок незаметно разрастался. Однако рос он не столько вширь, сколько вверх. Археологи высчитали; для того чтобы поселок «поднялся» на высоту в один метр, требовалось приблизительно около ста лет.

Итак, каждый искусственный бугор напоминает «слоеный пирог» — чередование остатков фундаментов домов, обвалившихся кровель, мусорных отбросов и т. д. Самые нижние руины зданий со всеми вещами, которые остались в них, — самые древние. Верхушки бугров относятся к последнему этапу существования поселения. Дожди и ветры, развеяв и смыв верхние слои, обнажили остатки последних домов и их содержимое. Поэтому и встречаются на поверхности черепки, обломки орудий труда и украшений — все то, что осталось от самых последних обитателей древнего поселения.

Но вернемся к холму Геоксюр.

Вначале на самом верху центрального поселения Геоксюр мы вырыли большой котлован. Рабочие вскрыли двухметровый слой, состоявший из кусков кирпича-сырца и домашних отбросов. Среди них в большом количестве встречались украшенные замысловатыми разноцветными рисунками черепки (точно такие же были найдены нами раньше прямо на поверхности). Ниже шел почти метровый слой кирпича и отбросов, который сразу же насторожил нас: в нем не было найдено ни одного черепка с орнаментом! Встреченные обломки глиняной посуды относились к разряду нерасписной керамики. Углубившись еще на пять метров мы установили, что пятиметровая толща содержала большое количество орнаментированных глиняных черепков.

Эта посуда была украшена одноцветными простыми рисунками. Они резко отличались от эффектных орнаментов черепков, обнаруженных выше, но вместе с тем близко напоминали роспись посуды, найденной на поверхности маленьких поселений, расположенных вокруг центрального Геоксюра.

Новые находки несколько прояснили картину. Очевидно, люди, изготавливавшие эту одинаковую посуду в центральном Геоксюре и в маленьких деревушках, жили в одно время. В период, когда делали такую посуду, жизнь на маленьких поселениях прекратилась, а на Геоксюре продолжалась еще долгое время. Но когда это было?

Ответ «лежал» на самом дне котлована. Здесь, на глубине 10 м от поверхности, мы обнаружили сосуды, украшенные большими контурными треугольниками, напоминающими треугольники на посуде жителей Анау. Ниже шли чистые речные отложения без каких-либо следов человеческой деятельности.

Итак, мы нашли посуду, которая и по своим формам и особенно по рисункам соответствовала посуде, бывшей в обращении у людей медно-каменного века, обитавших в оазисах предгорий Копет-Дага. Следовательно, в геоксюрский оазис первые люди пришли в раннемедном веке. Возникла цепь новых вопросов: образовали ли эти первые переселенцы только одно поселение или сразу несколько? Каковы были масштабы первого заселения геоксюрского оазиса? Ответить на них могли лишь нижние слои, лежащие под многометровой толщей в основании остальных геоксюрских холмов. Однако на проведение таких раскопок требовалось много средств и времени.

Особенно заинтересован был в выяснении этих вопросов молодой археолог Игорь Хлопин, специалист по исследованию медно-каменного века. Не раз бродил он у основания маленьких геоксюрских холмов в надежде найти хоть один черепок, относящийся к тому времени. Но его поиски были безрезультатны. Оставалось одно — найти такое поселение, где люди жили только в медно-каменном веке: на поверхности такого холма обязательно должны встретиться черепки с орнаментацией из контурных треугольников.

К тому времени, когда Хлопин ломал голову над этой проблемой, экспедиция открыла уже восемь геоксюрских холмов. Все они располагались к югу от линии железной дороги. А что если и к северу имеются поселения? До сих пор их там никто не искал. Правда, в том направлении видны лишь песчаные гряды. Ну, а вдруг?

Для начала Игорь расспросил всех знакомых чабанов: не знают ли они какого-нибудь холмика к северу от лагеря экспедиции, где встречались черепки, обломки медных

и каменных изделий? Первые ответы оказались неутешительными. Но потом один пастух припомнил, что в нескольких километрах к северу от Геоксюра он встречал такое место. Больше того, оно даже имеет местное название: Дашлыджи-депе.

По-туркменски Дашлыджи-депе — «холм с камнями». Игорь задумался. Откуда в песках — камни? Наверное, их на холме немало, раз по ним дали название. А не принес ли их туда человек? -

В первое же воскресенье мы все выехали на поиски этого холма. Пастух, рассказавший о нем, давно уже ушел со своим стадом, — поиски велись по карте. Вскоре дорога потерялась в песках, и машина двигалась, петляя между барханами, ежеминутно грозя забуксовать. Вокруг не было видно ничего похожего на поселение. Только море песка. Мы уже отчаялись найти этот «мифический» памятник, и только наш экспедиционный шофер Николай Иванович Наймушин продолжал упорствовать. Лишь его виртуозному искусству вождения машины обязаны мы интереснейшей находкой. Чудом проскочив по самой кромке длинной песчаной гряды, за которой, судя по карте, находился предмет наших поисков, Николай Иванович круто затормозил; прямо перед нами лежал небольшой холм. На поверхности виднелись черепки и каменные поделки.

Беглое знакомство с ними показало: это поселение относится к медно-каменному веку — черепки были украшены точно таким же орнаментом, что и посуда, найденная на самом дне котлована центрального Геоксюра. Выходило, что колонисты основали в этом районе сразу несколько поселков.

Но почему Дашлыджи-депе так скоро оказалось заброшенным? Его руины лишь слегка возвышались над окружающими такырами. И вообще, как жили здесь люди?

Найденный памятник позволил выяснить все эти вопросы без больших земляных работ. В течение двух полевых сезонов Дашлыджи-депе было полностью раскопано. Приоткрылась еще одна страница быта и культуры обитателей раннемедного века.

Что привлекло в Геоксюрский оазис его первых обитателей? Конечно, вода! Раскопки геоксюрских поселений установили, что некогда здесь находился древний дельтовый веер реки Теджен. В весенние дни широко разливались

воды этой реки. Но уже через несколько дней после бурного паводка река входила в свое русло, оставляя в округе настоящие озера разливов и массу плодородного ила.

Это был поистине благодатный край. Вдоль многочисленных протоков росла густая зелень, под тенью которой отдыхали лишь стада джейранов и куланов. В зарослях бродили свиреные кабаны, а иногда бесшумные тигры и стремительные гепарды. В прохладной воде плескалась рыба, а в прибрежных камышах жировали бесчисленные стаи гусей и уток. Между протоками лежала мягкая плодородная земля, поросшая красивыми, но бесполезными сорняками. Манящий край ждал своих хозяев, и они наконец пришли.

Где-то в начале IV тысячелетия до н. э. из подгорных районов двинулась на север большая группа людей. Гоня перед собой стада коров, коз и баранов, с небольшим скарбом за плечами, запасшись зернами ячменя и пшеницы, двигались они вдоль русла современной реки Теджен. Они шли и шли, все дальше удалялись от родных, насиженных мест. Выйдя на дельтовую равнину, люди выбрали несколько небольших естественных возвышений, образованных речными наносами. Пионеры освоения новых земель решили строить здесь поселения. Вскоре на солнце сушились уже тысячи сырцовых кирпичей, закладывались фундаменты и быстро росли стены домов.

Новая земля сулила богатую, спокойную жизнь. Прочно и надолго основывались здесь колонисты. Из года в год увеличивались посевы, множились стада домашних животных. На первых порах жизнь их ничем не отличалась от прежней жизни у самых гор. Как и прежде, женщины, изготавливая свои сосуды, украшали их контурными треугольниками черного цвета. Но с годами все реже навещали местные жители своих родичей в подгорных оазисах, все более смутно вспоминали они былых соседей, их обычаи, традиции. А родившиеся в третьем, четвертом поколениях в геоксюрском оазисе уже не знали и не признавали иной родины. Постепенно геоксюрцы забывали о старой жизни, а женщины — о былых традициях в гончарном искусстве. Все чаще вместо крупных контурных треугольников воспроизводили они на своих сосудах их жалкое подобие. Новая посуда раскрашивалась простыми рисунками в виде мелких треугольников. Позд-

нее их сменили четыре горизонтальные полосы, соединенные попарно вертикальными черточками.

С удивлением и завистью смотрели геоксюрцы на посуду, которую изредка привозили с собой жители подгорной зоны. Эти редкие пришельцы хвастались богато орнаментированными, многоцветными сосудами. Причудливые измельченные узоры были нанесены на них красной и черной красками. Ни в какое сравнение не шли с ними скромные рисунки на сосудах геоксюрцев, которые нашли мы в пятиметровой толще котлована. Во многом другом геоксюрцы мало отличались от своих южных соседей.

На протяжении нескольких сот лет геоксюрцы полностью освоили восточную часть дельты Теджена. Первые колонисты основали три-четыре поселка, а к концу IV тысячелетия количество поселений удвоилось. Рост благосостояния, обусловленный достаточно хорошими урожаями и обилием мясной пищи, приводил к довольно быстрому росту населения. Маленькое поселение становилось перенаселенным. Но расширять его было невыгодно. Это требовало увеличения количества пахотной земли — освоения новой целины, расположенной уже далеко от поселка. Последнее сильно затруднило бы не только сев, но и сбор урожая, да и транспортировать собранный урожай на большие расстояния тогда было нелегко. Куда удобнее оказалось строить новые поселки в нескольких километрах от старых, где-нибудь вблизи небольшой протоки. В этом случае новые поля возделывались рядом с домами, тут же располагались и кошары со стадами домашних животных.

Это было время расцвета жизни в геоксюрском оазисе. Вырастали новые деревни, осваивалась целина, увеличивались стада домашних животных. Слава о богатых, плодородных землях геоксюрского оазиса распространялась далеко за пределы Туркменистана. Об этом свидетельствуют удивительные находки археологов, сделанные при раскопках геоксюрских поселений этого времени. Например, обширные круглые здания, явно не местной архитектуры, или остатки посуды, украшенной необычными рисунками, или единичные статуэтки со сложенными под грудью руками — все это было чуждо искусству геоксюрцев. Раскопки памятников старины, произведенные зарубежными исследователями в Иране и Месопотамии, показали: такие необычные для геоксюрцев предметы

и новшества встречаются у племен, проживавших некогда на юго-западе Ирана и в Месопотамии. В свою очередь, советские археологи доказали, что новые веяния в архитектуре, керамическом искусстве и глиняной пластике геоксюрцев — результат культурных контактов. Уже в середине IV тысячелетия до н. э. между племенами, обитавшими в Туркменистане и сопредельных областях, существовали достаточно прочные культурные связи.

Со временем изменяется облик геоксюрских поселений. Главную роль в этом процессе играет уже внутреннее развитие южнотуркменистанских племен. Вместо старых идиллических основ братства и дружбы намечались споры и разногласия; все отчетливее вставал вопрос о внешней безопасности. Каждый поселок обносится высокой глухой стеной, местами укрепленной круглыми башнями. Спокойнее чувствуют себя геоксюрцы за толстыми стенами: не застанет врасплох тигр-людоед, не проберется темной ночью чужак.

Длинной оборонительной стеной с башнями обносится и центральное поселение — Геоксюр. К тому времени в нем проживает уже свыше тысячи человек. Это настоящая столица геоксюрского племенного союза. Здесь живут не только земледельцы и скотоводы, но и мастера-кузнецы и даже ювелиры.

В центре каждого поселка строились святилища — большие помещения с прямоугольными двухчастными жертвенниками по середине. Главное место в таинствах, происходивших здесь, занимал огонь. Во время молитв на приподнятой плоскости жертвенника жарко тлели раскаленные угли, в нишах стен смутно очерчивались женские глиняные статуэтки.

В центральной нише находилась статуэтка «Великой женщины». Отблески пламени жертвенника освещали большую фигуру сидящей женщины. Ее маленькая головка с круглыми глазами и четко очерченными бровями запрокинута вверх, на шее нарисованы три связки ожерелий. Рук у нее нет, зато выделяются большие полные груди, на бедрах нарисованы солнечные круги.

К «Великой женщине» и обращались постоянно со своими просьбами молящиеся, обычно сидевшие вдоль стен, вокруг жертвенника. Благочестивые соплеменники ждали от нее земных милостей. В ее честь над жертвенником резали молодых барашков, вымаливая тучные

a

b

Терракотовые статуэтки. *a* — мужское божество (Кара-дере, начало III тысячелетия); *b* — богиня-мать (Геоксюрский оазис, середина IV тысячелетия до н. э.)

стада животных, бросали в горящие угли зерна пшеницы и ячменя, прося хороших и обильных урожаев. Равнодушно смотрела на молящихся глиняная статуэтка. Казалось, она знала: все это зависит от самих людей, а не от нее. Но боясь засухи и неурожая, пугливо поглядывая на безоблачное небо, геоксюрцы изображали на бедрах богини-матери рисунки солнца. Они верили, что лишь от нее зависит живительный дождь. Их страшила картина выжженного поля без единого колоска, луга без густой травы. Погибнет урожай, падет скот, наступят тоскливые голодные дни... Ведь не от людей же зависит, пойдет или не пойдет дождь... Там, наверху «Великая женщина» распоряжается ливнями и грозами — стоит лишь хорошо попросить ее, не пожалеть жертвенных приношений — и людям будет обеспечена сытая жизнь...

Здесь мы подошли к интересной особенности культовой религии народов, живших в медно-каменном веке. Дело в том, что все они изображали своих богов лишь в виде женских статуэток. Известно, что в те отдаленные времена женщина олицетворяла собой первоисточник всей новой жизни. Она считалась продолжательницей рода человеческого (в этом отношении, по представлению древних, отец не имел никакого значения). Поэтому-то с древнейших времен символом плодородия и считалась именно женщина — мать, первопричина всего существующего на земле. Кроме того, женщины играли очень важную роль в повседневной жизни племен того времени. Преимущественно женщины занимались полеводством, т. е., по существу, от их стараний зависело благосостояние остальных обитателей. Женщины вели домашнее хозяйство, готовили пищу, занимались гончарным делом и выполняли тысячи других мелких, обыденных вещей, от которых, в конечном счете, зависело благополучие и процветание всего поселка. Ни в какое сравнение с ними не шли мужчины — охотники и скотоводы.

Экономическая роль женщин не могла не сказаться на всем укладе жизни. Им принадлежал решающий голос в обсуждении различных вопросов, касающихся всего племени в целом. Это было время матриархата, т. е. преимущественного господства женщин над остальными соплеменниками. До сих пор его влияние чувствуется в жизни некоторых племен Африки. Даже сейчас в тех случаях, когда от имени всего племени выступают мужчины-ста-

Где же это
узнал?

рейшины, они это делают только после тайной консультации с женщинами своего рода. Отдавая дань современности и сохраняя видимость главенствующих лиц, они на самом деле выступают лишь в роли формальных глашатеев решений женщин.

Подобный матриархальный строй существовал и у геоксюрцев медно-каменного века.

Но, надеясь на милости богини-матери, геоксюрцы упорным трудом приспособливали оазис для своих нужд. Не довольствуясь блуждающими протоками, они создают первые и древнейшие в мире водосборные бассейны. На пониженном участке вблизи деревни геоксюрцы прорыли небольшие арыки, через которые в весенние паводки вода быстро наполняла огромный бассейн. При спаде воды мелкая перемычка становилась своеобразной пробкой. Она плотно закупоривала бассейн, предотвращая обратную утечку воды. С тех пор рядом с поселком всегда плескалась холодная вода, ее с избытком хватало людям, а при необходимости и их стадам.

Вот такую картину жизни в геоксюрском оазисе удалось нарисовать археологам в результате многолетних раскопок. Сами археологи находились в худших условиях. Давно уже оазис превратился в пустыню. Мы не могли подобно геоксюрцам окунуться в холодную воду — даже питьевую воду мы привозили на машине за несколько километров от своего лагеря.

Но вернемся к древним жителям оазиса. Как уже отмечалось, в котловине, выше пятиметровой толщи слоев с черепками, покрытыми скромными орнаментами, шел метровый слой без расписных обломков глиняной посуды. Почему геоксюрцы перестали украшать свою посуду как раз в то время, когда в остальных областях своего хозяйства они достигли замечательных успехов?

Ответ не найден до сих пор. Исследователи лишь установили: к концу IV тысячелетия до н. э. несколько геоксюрских деревень оказались совсем заброшенными, а жители их переселились в центральный Геоксюр. Может быть, к этому их принудили какие-то воинственные пришельцы? Но на заброшенных поселениях мы не нашли каких-либо следов катастрофы: больших пожарищ, военного побойща и т. п. В таких случаях на месте остаются забытые в спешке необходимые вещи, видны следы разрушений. Нам же встречались лишь черепки. Все говори-

ло о том, что люди постепенно уходили из своих деревень: спокойно собрав все необходимое и оставив ненужное, жители покидали эти края. Может быть, их уход вызван сокращением воды в оазисе? Изучение остатков водоемов-бассейнов дает основание предполагать, что водный режим в оазисе к этому времени изменился. Вместо постоянных регулярных дельтовых протоков появились блуждающие протоки, год от года менявшие свое направление. Возможно, эти причины и заставили жителей геоксюрских деревень перебраться в центральное поселение, рядом с которым протекало основное русло древней реки Теджен.

К концу IV тысячелетия до н. э. в геоксюрском оазисе было заселено лишь центральное поселение и две небольшие деревеньки в его окрестностях. Казалось, жизнь в оазисе постепенно угасала. Но данные, полученные в результате раскопки верхнего двухметрового слоя котлована, говорят о другом. Мы помним, что именно в этом слое археологи обнаружили чрезвычайно эффектные, богато орнаментированные многоцветные черепки. Это указывает не на общий упадок культуры, а скорее, наоборот: только люди, обеспеченные всем необходимым, могли тратить много времени на изготовление парадной, красивой посуды.

Сначала у нас возникло предположение, что в конце IV тысячелетия до н. э. из подгорных оазисов Копет-Дага в геоксюрский район вновь пришли родственные племена. Однако несмотря на специальные поиски, поселения, где бы встречались черепки с подобным орнаментом, ни в одном подгорном оазисе Южной Туркмении обнаружены не были. Но откуда же появились в Геоксюре люди, изготовившие эту посуду?

Оставался последний путь поисков. Ученые сменили пески и такры на библиотечные залы и кабинеты, лопаты и археологические ножи — на ручки и карандаши, а раскопки — на книги и журналы. Заново пересматривалось и перечитывалось все, что имело хоть малейшее отношение к древней истории и археологии Ирана и Афганистана, Месопотамии и Индии.

Длительными и утомительными оказались эти поиски. Орнаменты загадочных геоксюрских черепков сравнивались с многочисленными рисунками расписных сосудов, найденных на территории, лежащей к югу от Копет-Дага.

Постепенно отпадали районы, где при раскопках древних поселений были обнаружены черепки, совершенно не похожие на геоксюрские — огромная территория между-речья Тигра и Евфрата, Индия, большая часть Ирана и Афганистана. Наконец, круг замкнулся вокруг плохо изученных районов Юго-Западного Ирана. Здесь почти не проводились раскопки, но зато на поверхности древних поселений были найдены черепки, орнаменты которых напоминали геоксюрские. Очевидно, в древности существовала какая-то связь между племенами, некогда населявшими побережье Персидского залива, и геоксюрцами. Но как осуществлялась она — ведь даже по прямой расстояние между этими пунктами составляет свыше 1000 км. К тому же их разделяет бесплодная, труднопроходимая и в наше время центрально-иранская пустыня Дашти-Лют. Вполне допустимо, что где-то ближе к Копет-Дагу находятся еще не открытые поселения, жители которых украшали свою посуду теми же орнаментами, что и геоксюрцы. Но археологи имеют дело только с фактами, только с вещественными доказательствами. Приходилось искать ответ, исходя из того, что уже документально известно.

Вот что удалось установить. В конце IV тысячелетия до н. э., незадолго до того, как в геоксюрском оазисе появились люди — создатели загадочной посуды, далеко на юге, на побережье Персидского залива, произошли важные исторические перемены. Какие-то события внезапно нарушили спокойную, безмятежную жизнь местных земледельцев и скотоводов. Может быть, на них напали с целью грабежа воинственные дикие племена с Загросских гор: многочисленные стада животных, богатая утварь и многое другое уже издревле манили и соблазняли воинственных горцев, не умевших и не желавших вести жизнь, подобную жизни мирных поселян на равнинах. При удачной вылазке, хотя и рискуя жизнью, за несколько дней они могли заполучить все то, что было нажито и создано десятками и сотнями лет упорного труда! Быть может, были и другие причины. Но именно в то время народ, чьи мастера изготавливали протогеоксюрскую посуду, двинулся с насиженных мест.

С одной стороны от беженцев находился Персидский залив, с другой — пустыня Дашти-Лют. У них оставался один путь — вдоль Загросских гор на север современного

Ирана. Достигнув этих мест, пришельцы, в свою очередь, потеснили дальше на север часть местных племен, населявших в те времена такие поселения, как Сиалк и Гиссар. У последних не оставалось другого выхода, как бежать через Копет-Даг в подгорные оазисы Южной Туркмении.

Действительно, следы их пребывания мы находим на многих древних поселениях Южной Туркмении (например, Намазга-депе, Кара-депе и др.). Однако местная посуда украшена совсем другими орнаментами, не похожими на геоксюрские. Очевидно, следовавшие за ними племена беженцев из Юго-Западного Ирана прошли вдоль северной кромки Копет-Дага до Геоксюрского оазиса. Здесь они встретили мирных жителей, таких же земледельцев и скотоводов. Вскоре пришельцы уже смешались с аборигенами. Много переняв у них, они не отказались от своих вековых традиций в орнаментации посуды. Такая история путешествия посуды с песчаных берегов Персидского залива на глинистые берега древней дельты Теджена. В ней — и решение основной геоксюрской загадки.

А как жили пришельцы из Юго-Западного Ирана на новом месте? Какой след оставили они в истории развития древнеземледельческих племен всей южной Туркмении? Чтобы ответить на эти вопросы, на месте центрального поселения Геоксюр, помимо описанного котлована, были произведены раскопки самих домов, в которых жили геоксюрцы.

Взорам археологов открылось огромное поселение, разбитое на своеобразные кварталы, разделенные в свою очередь на узкие переулки и площади. По общему виду оно мало отличалось от некоторых современных городов Востока. Квартал составляли несколько многокомнатных домов. Каждая комната имела определенное назначение. Археологи встретили обширные спальни с отопительным очагом в середине в виде круглого углубления в полу — подобие современных среднеазиатских сандалов. Жители Геоксюра спали на полу — исследователи не обнаружили каких-либо следов глинобитных лежанок. Небольшие помещения служили общими кухнями: в них было установлено несколько очагов, на которых готовилась пища для всех домочадцев. Маленькие, глухие помещения служили зернохранилищами. Здесь хранилось главное богатство геоксюрцев — пшеница и ячмень.

Каждый такой многокомнатный дом имел двор, куда выходили двери всех помещений. Двери были деревянные, их косяки упирались в специальные каменные подпятники. Высокие пороги предохраняли помещения от потоков воды, скапливавшейся в период сильных дождей во внутренних дворах и особенно в узких улицах. Плоские крыши домов делались из камыша, скреплявшегося для прочности глиной. В душные летние ночи геоксюрцы предпочитали спать на крышах.

В целом дома жителей Геоксюра отличались спартанской простотой: вся «мебель» состояла из нескольких шерстяных и войлочных подстилок, типа современных кошм. Интересно отметить, что их быт поразительно напоминает быт людей, населяющих в наши дни наиболее глухие и отсталые районы Востока. Глина и сейчас служит главным строительным материалом, наилучшим в условиях жаркого климата. В летнюю жару в глиняных домах всегда прохладно. Геоксюрцы нередко даже делали внизу стен сквозные отверстия — продухи, через которые все время тянуло прохладным ветерком. Можно понять и отсутствие у них специальной мебели: чем ниже находишься к земле, тем прохладней, а при некотором навыке сидеть на полу удобней и приятней, чем за столом. Поэтому кажущаяся скромность их обстановки свидетельствует не о какой-либо «отсталости», а является следствием разумного приспособления к окружающей природе.

В основном дома в Геоксюре были одноэтажными. Однако при раскопках встречались помещения, совершенно не имеющие дверей. Это наводило на мысль, что они, возможно, состояли из двух этажей и сообщались между собой при помощи приставной лестницы.

Большинство домов поселения было выстроено по одному образцу — замкнутое здание вокруг внутреннего центрального двора. Каждый такой дом населяла большая семья, доходившая порой до 30—40 человек. При раскопках мы постоянно обнаруживали стремление геоксюрцев жить одной семьей, одним домом: многие комнаты имели следы перестройки, когда первоначально большая комната разделяется стеной на два помещения. В тех случаях, когда семья слишком увеличивалась, к крайним комнатам пристраивались новые или же внутри двора строились добавочные комнатухи.

Особенно хорошо характеризует замкнутость отдельного семейного мирка геоксюрцев следующая деталь. Оказалось, что каждый многоквартирный дом, помимо бытовых помещений, имел по одной особой комнате специального назначения. Это были домашние святилища. Для них строились обширные помещения, в середине которых сооружались глинобитные «алтари» в виде диска до 1 м диаметром, с бортиком по краю и центральным отверстием, заполненным золой. Именно здесь, около зажженного алтаря, все члены семьи справляли культовые обряды и церемонии.

Случайная находка позволила установить более широкое назначение этих святилищ. Раскапывая одно жилое помещение, мы натолкнулись на две смежные комнаты, резко отличавшиеся от расположенных рядом. Изнутри оба помещения оказались заполненными горелым слоем. Под ним находились обычный алтарь — диск, каменная курильница и ступка с пестиком. При дальнейшей расчистке на полу были найдены три человеческих скелета с сильно обожженными костями.

Отчего погибли эти люди? Быть может, в результате обычного пожара, попав под рухнувшую горящую кровлю? Найденные скелеты опровергли это предположение. Оказалось, что один из них сохранил характерную для местных покойников позу — на боку с сильно согнутыми в коленях ногами. Так его могли положить во время обряда погребения. Кроме того, у головы одного скелета стоял целый сосуд — свидетельство специального заупокойного культа. Не оставалось сомнений: все три покойника были преднамеренно похоронены в святилище. Однако геоксюрцы обычно хоронили своих умерших в специальных склепах. Здесь же налицо было нарушение этой традиции. Больше того, все три скелета лежали на слое горелого хвороста, а кости их были сильно обожжены.

Очевидно, мы обнаружили следы преднамеренного сожжения. Подобных захоронений до сих пор в Туркмении не встречалось, и нам не с чем было сравнить нашу находку. Оставалось только предположить, что в результате какого-то несчастного случая или болезни умерло сразу три члена семьи, жившей в этом доме. Их смерть и побудила остальных домочадцев бросить несчастливый дом, возможно, уже старый и обветшалый к тому времени. Но прежде чем переселиться на другой участок посе-

ления, они постарались уничтожить все старые беды, очиститься от старых грехов — сжечь все, что связано с преследующим их несчастьем (очищение огнем было широко распространено у земледельческих племен того времени). Самым подходящим местом для этого являлось святилище, символ дома, домашнего очага, центр всей жизни семьи. Они устлали пол слоем хвороста, положили вокруг алтаря трех покойников и в последний раз зажгли огонь над алтарем-дисксом. Пламя быстро охватило сухое топливо и в обеих комнатах запылала языки пламени. Полностью скелеты не успели сгореть — падавшие кирпичи стен и перекрытия засыпали костяки, предохранив их от окончательного сожжения. Очистившись огнем от прежних бед, оставшиеся домочадцы перешли на новое место и больше не возвращались сюда.

Но вернемся снова к «живым» геоксюрцам. Как мы уже говорили, они жили большими семьями. Каждая такая семья состояла из нескольких семейных пар, их детей и ближайших родственников. Во главе семьи стояли самые старые домочадцы — старшие женщины и мужчины, возглавлявшие весь этот маленький мирок. Они руководили домашним хозяйством, улаживали внутрисемейные споры и недоразумения, представляли интересы своей семьи на общественных собраниях. По-видимому, они же составляли вместе родовой совет, который решал уже общие вопросы, касающиеся всего поселка в целом. На авторитете и уважении к этим старейшим жителям базировалась вся общественная жизнь геоксюрцев.

Находки, сделанные во время раскопок домов, свидетельствуют и об определенных успехах, достигнутых геоксюрцами в различных областях хозяйственной и общественной жизни.

Далеко вперед шагнуло в те времена их кузнечное мастерство. Специальные новейшие лабораторные исследования показывают: геоксюрские кузнецы открыли прием термообработки, или отжига, меди, широко применяющийся и в наше время. Суть его заключалась в следующем: послековки изделие вновь сильно нагревали, и это придавало предмету первоначальную пластичность, мягкость и меньшую ломкость. Вместе с тем кузнецы Геоксюра изготавливали наконечники дротиков и массивные топоры, обладающие большой твердостью и прочностью. Все это говорит о значительных успехах древней металлургии.

Однако отсутствие достаточного количества медной руды мешало полному вытеснению каменных орудий. Так, для жатвы по-прежнему употреблялись кремневые, а не металлические серпы. Наконечники стрел также изготовлялись из кремня, а не меди. Но уже тогда появились медные иглы.

Ювелирные украшения геоксюрцев в основном представлены длинными булавками с художественно оформленными навершиями, бусами и пронизками. Искусные камнерезы Геоксюра умели делать из полудрагоценных камней — бирюзы, лазурита, агата, сердолика — крупные разнообразных форм бусы. Большинство бусинок имело гладкую тщательно заполированную поверхность, а некоторые были отделаны тонким гранением. Из мягких пород коричневого сланца изготовляли они всевозможные амулеты с выгравированными на лицевой стороне изображениями. Амулеты имели круглое отверстие для нитки. Очевидно геоксюрцы носили их на шее или на груди. Эти амулеты-обереги призваны были охранять их владельцев от всех превратностей жизни. Но больше всего бус делалось из гипса. Гипсовые ожерелья являлись неотъемлемым украшением почти всех геоксюрцев.

Древние кузнецы и ювелиры научились изготовлять не только медные, но и золотые украшения. Тонкими листами золота обертывали они гипсовые бусы, придавая им вид массивных золотых украшений. Раскопки установили, что в маленьких деревнях не было своих ювелирных мастеров. Очевидно, деревенские модники и модницы выменивали золотые и серебряные бусы у столичных ювелиров на зерно и мясо. Однако золотые изделия были в то время еще очень редкими и ценными, и лишь немногие жители могли щеголять на праздниках в этих украшениях.

Наибольших успехов достигли геоксюрцы в керамическом искусстве. Свои сосуды они обжигали уже в небольших специальных гончарных печах. Первые примитивные одноярусные горны состояли из двух отделений: топки и камеры обжига. Пламя из топки попадало в камеру обжига, где стояли приготовленные сосуды. Это новшество позволяло регулировать температуру в печах и получать хорошо обожженную, высококачественную посуду.

В этих очень простых керамических печах древние гончары изготовляли тонкостенные высокохудожественные сосуды, до сих пор поражающие своим великолепием,

Население вавилонян

Больше того, они замечательно расписывали их. Это свидетельствовало о знании геоксюрскими гончарами сложной природы красок и их температурных свойств. Перед обжигом весь сосуд покрывался красочной облицовкой, создающей общий фон для орнамента. На отдельные места фона краска наносилась с разной степенью интенсивности. Этим достигалась большая гамма оттенков — от цвета яичного желтка до ярко-красного. Затем фоновая облицовка размечалась красными линиями, на поверхность сосуда наносилась общая композиция рисунка. После этого черными линиями окончательно обводились контуры орнамента. Сочетание черных, коричневых, темно-фиолетовых фигур с желто-красным фоном придавало посуде нарядный вид. Каких-либо шаблонов или трафаретов древние умельцы не знали — точность линий орнамента зависела от натренированной руки мастера.

Сами орнаменты были подчинены строгой геометризации: на сосудах не встретишь ни одной изогнутой или плавной линии. Композиционную основу составляли всевозможные виды крестов, мальтийских крестов, крестообразных фигур, ромбов и треугольников, квадратов и широких зубчатых полос. Часто такие крупные фигуры разделены на несколько лучеобразных долей. Их количество было различно: четыре, шесть, восемь и т. д. В разбивке внутреннего картуша древние мастера проявляют вполне определенные знания деления целого на частное. Очевидно, в то время геоксюрцам были уже знакомы начатки математики, столь необходимой в практике земледельцев.

Расписные сосуды украшались фризами. Их композиционная основа строилась на ритмичном чередовании одних и тех же фигур, отделенных друг от друга специальными фигурами-разделителями. Центральное место обычно занимают фигуры крупных крестов, выделенные специальными картушами ярко-красного цвета. Внутри эти фигуры либо сплошь залиты черной краской, либо заштрихованы прямой или косой сеткой. Несомненно, рисунки крестов в системе орнамента занимают особое положение. Древнейшие земледельческие племена вообще придавали изображению креста особое, магическое значение. Пока еще точно не установлено, являлся ли у них крест символом солнца или он имел более универсальное значение. Однако постоянное изображение креста на амулетах, печатях, керамике не оставляет сомнения в его

культовом характере. Интересно, что позднее рисунк креста составит главную символику христианства.

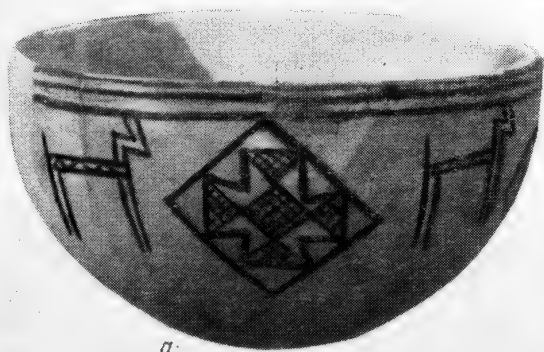
Эта специфичная орнаментация геоксюрской посуды резко отличалась от рисунков на керамике племен из оазисов подгорной зоны Туркмении. Вместе с тем в ряде случаев она напоминала керамические рисунки жителей Юго-Западного Ирана. В то время, когда в геоксюрском оазисе посуда украшалась геометрическими орнаментами, на керамике предгорных оазисов Копет-Дага были распространены совершенно другие рисунки, в частности зооморфные. Пятнистые гепарды, козлы с заброшенными за спину ветвистыми рогами, утки или дрофы и даже коровы — все эти орнаменты выполнены в монохромной технике — только одной черной краской по светлому фону.

Правда, при раскопках таких поселений, как Кара-депе и Намазга-тепе, расположенных в подгорных оазисах Южной Туркмении, найдены несомненно геоксюрские привозные сосуды. В свою очередь, чаши с рисунками пятнистых гепардов, козлов и уток в единичных случаях обнаружены в центральном Геоксюре. Подобные находки свидетельствуют о мирных добрососедских отношениях между этими племенами. Больше того, привозные сосуды могли попасть на эти населения и в качестве «приданого» при взаимных браках.

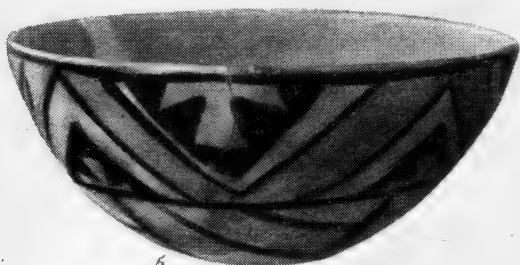
Большой популярностью пользовались у геоксюрцев изделия мастеров мелкой глиняной скульптуры. Археологи собрали довольно большое количество глиняных фигурок животных. Правда, все они вылеплены очень схематично: в них с трудом угадываются рогатые коровы и быки, козы и бараны. Как и джейтунские фигурки новокамennого века, геоксюрские статуэтки имеют следы от «колотых» ран. По-видимому, за полторы тысячи лет магические обряды охотников не претерпели особенных изменений.

Большим реализмом исполнения, в отличие от фигурок животных, отличались глиняные изображения женщин. Особенно много женских терракотовых статуэток нашли мы в Геоксюре. В этом отношении «столица» геоксюрского оазиса резко отличалась от других памятников древности Южной Туркмении.

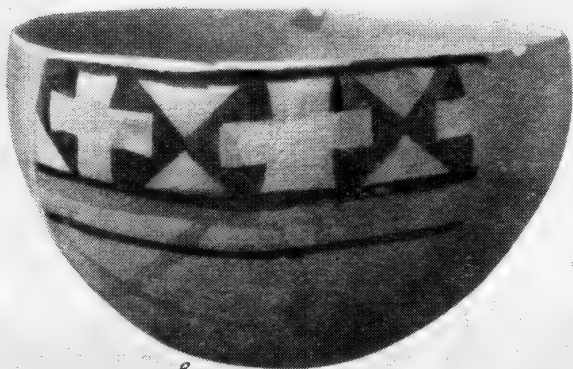
Первоначально мы приписали это обстоятельство особому благочестию геоксюрцев — женские статуэтки

a

б

в

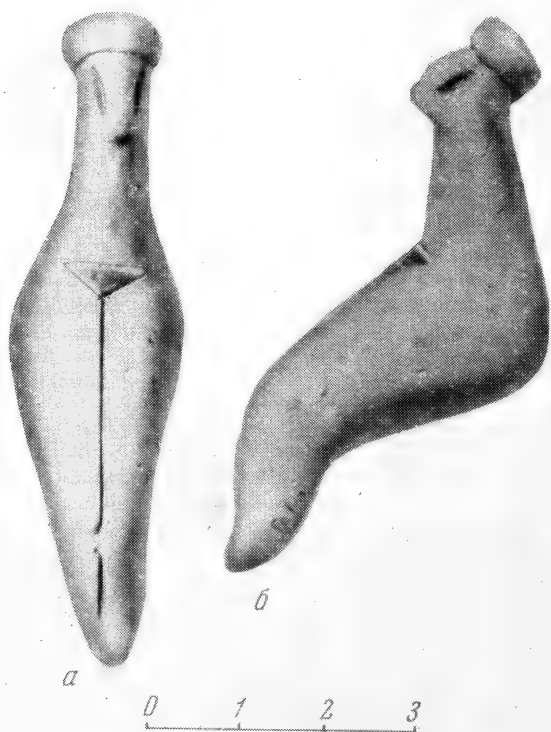
Геоксюр. Чаши с изображениями: *a* — козлов, *б* — треугольников, *в* — крестов (конец IV тысячелетия до н. э.)

в основном изображали богиню-мать, богиню плодородия. Однако уже первые раскопки зданий Геоксюра опровергли наше предположение. Дело в том, что остатки статуэток мы находили очень часто далеко не в священных местах, например в мусорных отходах. Наиболее крупные обломки фигур богини были заложены в основание стен домов, наряду с кусками камня, черепками и другими предметами. Столь утилитарное использование геоксюрцами даже сломанных божков говорило о другом: божки не оправдывали надежд простых смертных, терпение последних лопалось, и они безжалостно разбивали своих недавних кумиров.

Как бы то ни было, но при изготовлении этих статуэток гончары проявляли максимум мастерства и искусства. Обычно такая статуэтка изображала сидящую женщину. Ее небольшая головка посажена на длинную шею, переходящую в туловище. У нее покатые плечи, опущенные руки, узкая талия и широкие бедра. Глиняные женщины имеют длинные с небольшой горбинкой носы и миндалевидные глаза, очерченные изогнутыми бровями. Головы некоторых статуэток украшены специальными налепами, изображающими либо длинные косы, либо сложные прически в виде горизонтальных буклей. Нередко на шее глиняной фигурки нарисованы ожерелья из бус, а плечи украшены косыми линиями. Некоторые специалисты рассматривают эти линии как следы существовавшей в те времена татуировки. В редких случаях на бедрах статуэток изображены животные, что лишний раз подчеркивает их культовое назначение.

Приятным сюрпризом для нас явились первые единичные образцы мужских фигурок, найденных при раскопках Геоксюра. Эти наиболее древние мужские статуэтки изображают горбоносых людей с длинной, разделенной на две пряди бородой и круглой шапочкой на голове. По-видимому, это были обожествленные вожди — предки геоксюрцев. Большой интерес представляют и фигурки «воинов». Лица их имеют длинный клювовидный нос, рельефные миндалевидные глаза, длинные разлетающиеся в стороны брови. Особенно нам запомнилась статуэтка «воина» с гордо запрокинутой вверх головой и кольцевым налетом вокруг шеи. К сожалению, шлемы «воинов», найденных на Геоксюре, полностью не сохранились. Мы могли судить о них лишь благодаря счастливой находке на южнотурк-

взрослые

Геоксюр. Женская статуэтка
(конец IV тысячелетия до н. э.)
а — вид спереди; б — вид сбоку

менистанском поселении Кара-депе. Археологи обнаружили здесь целую головку «воина». На ней сохранился налестной шлем, поверх которого наложен кольцевой валик. От верхушки шлема на спину спускается витой султан; боковые нащечники свободно охватывают ушные раковины.

До нас не дошли какие-либо графические изображения внешнего облика геоксюрцев. Поэтому глиняные статуэтки в какой-то мере восполняют этот досадный пробел.

Например, мы можем предполагать, что женщины того времени большое внимание уделяли своим туалетам и особенно прическам. Очевидно, не один час просиживали они перед медными зеркалами, сооружая сложные прически из S-видных завитков и множества рядов булелей. У некоторых фигурок завитые волосы составляли целые «вавилонские башни» на голове, а отдельные находки позволяют предположить, что уже в то время существовали даже парики! Геоксюрские женщины, видимо, подводили брови: многие статуэтки имеют нарисованные широко разлетающиеся брови, преднамеренно соединенные на переносице. Шею, грудь и запястья рук женщины древнего Геоксура украшали ожерельями из всевозможных бус и пронизок. Нередко бусами расшивались воротники и другие детали платьев, а сама ткань раскрашивалась пестрыми орнаментами, похожими на рисунки геоксюрских сосудов. Надо полагать, в праздничные дни геоксюрские модницы производили эффектное впечатление на кавалеров того времени.

Находки мужских статуэток того времени свидетельствуют о возрастании роли мужчин в жизни древнего общества. Особенно показательно в этом отношении наличие статуэток «воинов». Женщины постепенно утрачивали свое былое влияние — на смену матриархальному строю приходил патриархальный, где господствующее положение занимали уже мужчины.

Судя по реалистично выполненным головкам «воинов», геоксюрцы, видимо, не носили усов, а бороды подбрасывали с боков, разделяя их на две узкие длинные пряди. Они изготовляли шлемы, отличавшиеся удобством и практичностью. Изображения геоксюрских шлемов — наиболее древние на Ближнем Востоке. До сих пор науке был известен лишь золотой шлем царя Мескаламдуга, найденный в Уре (Месопотамия). По форме он близко напоминает шлемы геоксюрских статуэток «воинов», но относится к несколько более позднему времени.

Многолетние раскопки в Геоксюрском оазисе пролили свет на многие стороны жизни его древнейших обитателей. Мы смогли документально подтвердить, что где-то в конце IV тысячелетия до н. э. с берегов Персидского залива в этот район Южной Туркмении пришли племена земледельцев и скотоводов. Достигнув новых мест, пришельцы быстро смешались с местным населением. Они,

a

b

v

z

Головки воинов: *a, б* — Кара-дене; *в, г* — Геоксюр
(начало III тысячелетия до н. э.)

так же как и местные жители, возделывали пшеницу и ячмень, разводили мелкий и крупный рогатый скот. Свои былые навыки пришельцы сохранили лишь в керамическом искусстве.

К тому времени в Геоксюрском оазисе опустело большинство мелких поселений — люди жили лишь в центральном Геоксюре и в одном маленьком поселке. Судя по специальным подсчетам, в центральном поселении тогда обитало около 1000—1200 человек. Для своего времени это был крупный центр. Его население составляли большие коллективные семьи, жившие в многоквартирных домах-квартирах. Все это мы установили с документальной точностью. Но оставался неясным вопрос о древнем орошении этого оазиса — жизненно важный вопрос для страны с жарким климатом.

Геоксюрские ирригаторы

Уже первые работы в районе расположения древних Геоксюрских памятников показали: этот уголок Юго-Восточных Кара-Кумов — идеальное место для проведения специальных палеогеографических исследований. Здесь не встречались следы более поздней человеческой деятельности, которые могли бы запутать картину жизни первых здешних обитателей. Кроме того, если в подгорных оазисах бурные горные силы за несколько тысячелетий настолько изменили рельеф, что искать там следы древнего орошения было совершенно бессмысленно, то в Геоксюрском оазисе пески прочно законсервировали остатки земледельческой базы геоксюрцев. Пустынные условия Кара-Кумов как бы сфотографировали земледельческий уголок пяти-тысячелетней давности, сохранив нам негатив, который требовалось проявить, пользуясь новейшими данными науки.

Уже во время первых экспедиций мы замечали на поверхности около древних поселений какие-то затакыренные участки, отдаленно напоминающие русла рек. Но сказать что-либо определенное по этому поводу мы не могли. Это могли сделать лишь специалисты-палеогеографы, изучающие географическую среду, окружавшую че-

ловека в древности. С этой целью в состав археологической экспедиции включили новую специальную группу палеогеографов, которую возглавила Горислава Николаевна Лисицина. Ее мнение о перспективах изучения системы древнего орошения в Геоксюрском оазисе вначале было малоутешительным — наземное обследование неровностей окружающего рельефа почти не дало результатов. Но раз здесь веками жили земледельцы, то где-то под песчаными наносами должны находиться русла некогда полноводных протоков.

Приступая к изучению древнего орошения, палеогеографы предполагали, что в основе его скорее всего лежал так называемый «лиманный способ». Это предположение еще пятьдесят лет назад высказал их талантливый предшественник, археолог-ирригатор Дмитрий Демьянович Букинич. Суть «лиманного орошения» заключалась в следующем. Во время паводковых разливов с помощью оградительных валиков вода удерживалась на отдельных участках, где затем производился посев семян. Но как проверить это предположение, а если возможно, то и уточнить его?

Как уже говорилось, наземное обследование не дало положительных результатов. Тогда мы решили применить аэроразведку. На небольшом самолете У-2 наши палеогеографы поднялись в воздух. Часами «утюжили» они сверху территорию Геоксюрского оазиса. Пролетая вдоль хорошо заметного древнего русла реки Теджен, они медленно приближались к месту раскопок памятников. Но чем ближе подлетали они к ним, тем уже становилось само русло. Временами оно вовсе терялось под песчаными грядами.

В один из таких полетов при косом вечернем освещении удалось заметить линии древних русел, густой сетью покрывавших пространства между памятниками. По-видимому, это были боковые протоки древней дельты Теджена. На следующий день географы решили повторить тот же маршрут на машине, но не смогли ничего найти. Хорошо видимые с воздуха русла в наземных условиях сливались с окружающей поверхностью. Оставался последний выход — специальная аэрофотосъемка всего Геоксюрского оазиса. С этой целью в следующем году нами был зафрахтован самолет АН-10, оборудованный для производства аэрофотосъемки.

Почти две недели летали палеогеографы в районе станции Геоксюр. Каждый квадратный километр интересующей нас территории засняли они на пленку. Съемку можно было производить только рано утром и вечером, когда косые лучи солнца резче оттеняли малейшие неровности рельефа. В дневные часы летчики вместе со специалистами намечали очередной воздушный маршрут. От памятника к памятнику, от одной песчаной гряды к другой — таким оказался утомительный и сложный путь поисков древних орошаемых земель геоксюрцев. Позднее в лаборатории были проявлены десятки метров снятой пленки, отпечатаны сотни снимков.

Тщательно, с лупой в руках изучала Лисицина каждый сантиметр снимка, отмечая карандашом еле заметные следы каких-то прерывистых линий. Шла самая ответственная часть работы — дешифрирование аэрофотоснимков. Около года внимательной и кропотливой работы ушло на составление схем и карт. И наконец по отдельным фрагментам была вычерчена предварительная гидрографическая схема оазиса.

Оказалось, что с юга к Геоксюрскому оазису подходило широкое магистральное русло древней реки Теджен. Где-то южнее станции Геоксюр оно разбивалось на огромный дельтовый веер, восточную окраину которого и занимали древнеземледельческие племена.

В процессе работы над снимками Лисицину заинтересовала следующая деталь: от бокового дельтового протока, проходившего в километре от столичного Геоксюра, на фотографии отходили почти под прямым углом три тонкие темные ниточки. Обычно естественные протоки отходят под острым углом и только искусственным путем можно заставить воду течь в направлении, перпендикулярном к основному руслу. Неужели каналы? Но тогда это — древнейшие из известных в мире!

Лисицину охватило волнение при одной только мысли об этом. Но археологи скептически отнеслись к ее предположению. Уж кому-кому, а им известно, что при раскопках даже высокоразвитых земледельческих центров Ирана и Месопотамии того времени пока не удалось обнаружить какие-либо искусственные ирригационные сооружения. А тут каналы, созданные человеком, — на краю древнеземледельческого мира? Да и как появились они здесь? Ведь строительство их требует высоко развитой

техники ирригационного дела, высокого уровня хозяйственной и общественной жизни. Кто-то должен организовать коллективные работы по рытью каналов, их очистке от заиления и заносов, распределять и регулировать подачу воды на поля — одним словом, каналы предполагают, хотя и первичную, но уже централизованную власть. Но ее следов археологи пока не нашли. Впрочем, дальнейшие детальные раскопки могли установить истину.

С нетерпением ждали мы следующего полевого сезона. Как только экспедиция прибыла в Геоксюрский оазис специалисты в первый же вечер, ориентируясь по аэроснимкам, нашли русло бокового, дельтового протока. Высчитав расстояние, они определили место, где от протока должны отходить предполагаемые каналы. Но вокруг находили лишь незначительные всхолмления, поросшие редким черкезом.

На другой день палеогеографы снова внимательно изучали еле заметные неровности расстилавшейся перед ними поверхности такыра, сверяя их со схемой Лисициной. Постепенно их воображение «соединило» эти разрозненные неровности в единые линии. Прямо, как стрела, устремились они к центральному Геоксюру и, огибая его с северо-запада, терялись под барханными песками. Перед глазами исследователей проявлялась целая ирригационная система.

Выбрав место, где все три пока еще воображаемые линии ближе всего подходили друг к другу, палеогеографы приступили к земляным работам. С помощью ковша трактора «Беларусь» они заложили глубокую поперечную траншею длиной 60 м, которая должна была перерезать сразу все три канала. Сначала стенки траншеи представляли собой обычные земляные слои. Но уже вскоре стали появляться песчаные прослой. Через несколько дней работы на вертикальной плоскости суглинка траншеи ясно обозначились три огромные, корытообразные линзы чистого мелкозернистого песка. Такой песок может образоваться только от быстро текущей воды. Дно линз было покрыто тонкими слоями зеленовато-коричневатой илистой глины, принесенной из основного русла. Все это говорило о том, что когда-то в древности в нескольких метрах от центрального поселения протекала вода.

Но может быть, она текла естественными протоками дельтового веера? Лисицина развеяла и эти сомнения,

показав нам небольшие бугры отвалов, лежащие по берегам каналов. Это были следы регулярной очистки их ложа. Итак, упорные поиски увенчались блестящим успехом. Мы нашли древнейшую ирригационную систему, созданную почти пять тысяч лет назад!

Много еще пришлось работать палеогеографам, чтобы уточнить отдельные детали древнего ирригационного сооружения. Так, они установили, что длина древних каналов — свыше 3 км, ширина — 5 м, а глубина — почти 1,5 м. Трасса каналов была прослежена в соответствии с естественным понижением, по которому обычно стекали паводковые воды. Древние ирригаторы строго следили за чистотой своих сооружений: каналы регулярно очищались от заиливания.

Подсчеты показали, что для сооружения одного такого канала нужно вынуть 8000 м³ земли. Но ведь геоксюрцы построили целых три канала! Грандиозность земляных работ на первых порах озадачила наших палеогеографов. Но они знали, что в древности на Востоке, например в Египте, большие земляные работы с успехом выполнялись деревянными мотыгами. Некоторые шумерийские тексты указывают даже нормы земляных работ; например, один землекоп должен был вынуть в среднем 3 м³ в день. Зная эти цифры, легко вычислить, что для проведения одного геоксюрского канала требовалось примерно 2500 человеко-дней, иначе говоря, 100 человек должны были работать всего 25 дней. Население центрального Геоксюра, как известно, составляло минимум 1000 человек, так что геоксюрцы могли свободно соорудить один такой канал. Больше того, при археологических раскопках на Геоксюре неоднократно встречались остатки больших круглых плетеных корзин, в которых, видимо, и относили выкопанную землю. Показательно, что изображения людей с корзинами, наполненными землей, встречаются и в памятниках древнего Египта.

Но почему геоксюрцы прорыли три канала, да еще рядом, в 3—4 метрах один от другого? Вряд ли они без причин пошли на столь значительное увеличение объема земляных работ. Надо думать, их толкнули на это чрезвычайные обстоятельства.

Так оно и оказалось. Дополнительные раскопки и тщательное изучение всех трех русел показали: каналы построены не одновременно. Вначале древние ирригаторы со-

орудили один канал. Со временем ложе его сильно заилилось. Работы по очистке канала из-за отсутствия технических возможностей оказались недостаточными. И через несколько десятков лет легче было выкопать новое русло, чем очищать вконец залившееся старое. В результате у Геоксюра и образовалось три русла каналов — свидетельство драматической борьбы человека с силами природы.

Попробуем восстановить картину древних ирригационных работ. По-видимому, сначала геоксюрцы намечали трассу будущего канала. Они выбирали место, где дольше всего сохранялись лужи от паводковых разливов, и намечали здесь прямую линию по направлению к поселку. После того как лужи подсыхали, но почва оставалась еще влажной и мягкой, начинались земляные работы. Вытянувшись длинной цепочкой вдоль намеченной трассы, мужчины деревянными мотыгами вскапывали землю. Они откалывали большие комья и вручную отбрасывали их в сторону. Женщины насыпали эту землю в корзины и, поставив их на голову, относили далеко от места работы. Часть земли переносилась к головной части, где текла вода бокового протока. По окончании работ, когда проток обмелел, геоксюрские ирригаторы соорудили в этом месте из насыпной земли и кустарника прочную дамбу, укрепив ее камнями и бревнами. На следующую весну часть воды протока, задерживаемая дамбой, через перемычку устремилась в русло канала и вскоре уже плескалась рядом с поселком у его западной окраины. Боковые арыки открывали воде путь на поля, расположенные вдоль оросительных каналов. Теперь уже урожай геоксюрцев не зависел всецело от капризов дельтовых протоков. Регулируя подачу воды, они могли вовремя и в меру орошать свои поля.

Человеческий гений и на этот раз победил природу, приспособив ее к своим нуждам. С тех пор закрома геоксюрцев были полны пшеницей и ячменем. Древние люди легче переносили неурожайные годы. У них появилось свободное время. Женщины смогли теперь больше внимания уделять изготовлению красивых и красочных сосудов, глиняных скульптур и т. п., кузнецы и ювелиры — проявлять большую выдумку и фантазию при изготовлении своей продукции, мастера-камнерезы с большей тщательностью гранить и полировать бусы, пронизки, амулеты и подвески. Умножались стада коров и овец — достаточно

было соломы на зимнее время, реже происходил падеж скота.

Но вместе с тем усложнилась и общественная жизнь геоксюрцев. Каналы поставили их перед необходимостью дать своим старейшинам право решать вопросы равномерного полива, трудоемкой коллективной очистки сооружений и т. д. В результате власть старейшин упрочилась — их голоса приобретали все большее влияние при решении многих других вопросов, касавшихся всех геоксюрцев в целом. Идиллические устои всеобщей демократии, общего равенства и братства постепенно подтачивались всем ходом развития повседневной жизни древних племен.

Пройдет еще немало столетий, прежде чем старейшины начнут повелевать и приказывать, а остальные жители покорно выполнять, прежде чем люди разделятся на богатых и бедных, на рабов и господ. А пока земледельческие племена Южного Туркменистана пожинали плоды своих трудов, развивали свою самобытную культуру и вряд ли задумывались о грозном будущем.

Гробницы, мертвые и живые

Весной 1957 г. на центральном Геоксюре шли раскопки главного котлована, о котором упоминалось выше. В процессе работы мы решили вырыть на краю поселения еще один, маленький котлован и на нем проверять последовательность смены одних орнаментальных черепков другими. Таким образом, исключался элемент случайности в определении местонахождения черепков в главном котловане.

По существу маленький котлован — узкая вертикальная щель, из которой два квалифицированных рабочих-землекопа, предварительно проинструктированные, сами отбирали черепки строго по горизонтам. На каждой кучке черепков они записывали глубину их залегания: 50 см, 100 см и т. д. Никто из нас не ждал ничего особенного от этой ямы. Но неожиданно один из рабочих вызвал нас на консультацию. Оказалось, пошел очень твердый грунт, лопаты с трудом прорезали обломки кирпича-сырца.

Заинтересовавшись, мы приостановили дальнейшее углубление и расширили раскопочную площадку на несколько метров в сторону. Сняв верхний слой расправшихся кирпичей, мы обнаружили какое-то строение необычной конструкции. Кирпичи были уложены не в ряд, как обычно, а кругами, по спирали. Опускаясь все ниже по кирпичам, мы добрались наконец до основания этого странного сооружения. Перед нами была круглопланная купольная постройка.

Что находится внутри? Этот вопрос интриговал каждого из нас, пока фотографировалась и зарисовывалась эта находка. Но вот можно приступить к разборке купола. Осторожно сняты верхние кирпичи. Что это? Внутри находится человеческий скелет. Не оставалось сомнений, мы нашли кирпичную геоксюрскую гробницу.

Наша находка явилась поистине сенсационной: до сих пор не только в Туркмении, но и на всем Ближнем Востоке никто еще не находил подобных гробниц. Правда, науке известны прямоугольные цисты, в которых хоронили своих мертвецов племена Юго-Западного Ирана (Сузиана). Однако конструкция верхних частей этих сооружений остается неясной из-за плохой сохранности.

Вскоре удалось полностью расчистить найденный нами склеп. К нашему удивлению, в нем оказался не один, а целых шесть скелетов! Костяки производили странное впечатление: они лежали друг на друге, некоторые черепа находились в ногах скелетов, челюсти были разбросаны по всему полу. В этой куче бессистемно наваленных костей было трудно разобрать, где кончался один скелет и начинался другой. Тысячелетия загадывали нам новую головоломку.

Посоветовавшись, мы решили расширить раскопочную площадку — нами овладело желание найти новые гробницы. Расставив рабочих-землекопов на участке размером в 600 м², археологи принялись за работу. Каждый из нас не сомневался, что на такой большой площади обнаружатся десятки новых гробниц.

Однако на всем этом участке удалось откопать всего три гробницы, причем все они сохранились гораздо хуже, чем первая. Мы обнаружили лишь самые нижние части склепов, до предела заваленные человеческими костями. Утомительная, кропотливая расчистка отнимала массу времени. Каждый сантиметр стены гробницы приходилось

расчищать, зарисовывать, описывать, фотографировать и лишь потом разбирать. Но именно эта, на первый взгляд неблагодарная, работа позволила выяснить причину столь необычных захоронений.

Сначала мы предполагали, что в гробницах лежат жертвы какой-то внезапной катастрофы или даже битвы. Оставшиеся в живых собрали тела убитых и кое-как, наспех похоронили их в своеобразных «братских могилах» (действительно, первое впечатление — в гробницы кучей свалены несколько трупов). Но тщательная расчистка склепов показала, что в каждой гробнице покойники хоронились не одновременно, а в течение многих десятков лет. При постройке такой гробницы сбоку оставлялся проход, заложённый кирпичом. Когда человек умирал, родственники разбирали кирпичи прохода и втаскивали труп внутрь. Здесь они укладывали его в центре в позе спящего — на боку, с согнутыми ногами, а вход опять закладывали кирпичом. Со смертью ещё одного члена племени вход вновь разбирался, предшествующий уже разложившийся труп отодвигали в сторону, к стене гробницы, а на его место, в центре, в той же позе укладывали нового покойника. И так происходило до тех пор, пока гробница не оказывалась забитой до отказа.

Находка четырех гробниц разожгла наше воображение, но, несмотря на специальные поиски, больше мы тогда ничего не нашли.

Прошло пять лет. За это время ученые достаточно хорошо изучили прошлую жизнь геоксюрцев. Но из по-прежнему нужны были скелеты и черепа геоксюрцев, чтобы правильно воссоздать их облик. Археологи даже подумывали о том, чтобы проложить серию длинных пробных траншей на окраинных частях центрального Геоксюра. По их мысли, какая-нибудь из траншей могла пройти через новую гробницу, рядом могли оказаться и другие. Но все это требовало больших материальных затрат, да и проводя работы вслепую, мы попросту искали бы иголку в стоге сена. Ведь площадь поселения достигала 12 га, а гробницы имели размеры до 1,5—2 м в диаметре.

И все же весной 1963 г. экспедиция за геоксюрскими черепами прибыла на место. Устроив лагерь и поужинав, мы обсуждали планы, связанные с поисками гробниц. По старой экспедиционной привычке сидели в темноте, не зажигая лампы, — на свет всегда приползали малоприветные

Геоксюр. а — раскопки склепа;
б — остатки человеческих скелетов внутри склепа
(начало III тысячелетия до н. э.)

гости: скорпионы, тарантулы, каракурты и змеи. Уже собравшись расходиться по палаткам, мы слышали какой-то шум, доносившийся из-под наших ног. Через мгновение все сидели в кузове машины. Шофер включил фары и, развернув машину, подъехал к столу. Ничего подозрительного не было видно, только у ножки стола валялся обрывок веревки.

Шофер прыгнул на землю и, поминая «бабьи страхи», двинулся вперед. Однако один из нас, опередив его, метнул в «веревку» острую туркменскую лопатку. Вскоре мы уже рассматривали прекрасный экземпляр степной афы. Укус этой змеи смертелен, а многие из нас сидели за столом босиком. Противозмеиной сыворотки ни у кого не было, зато сразу нашелся справочник — «определитель змей». Вслух прочитали мы о симптомах укусов, которые без оказания помощи «обычно бывают смертельны». С тех пор мы перестали ходить босиком, а перед сном регулярно вытряхивали спальные мешки.

Несмотря на это «грозное предупреждение», экспедиция приступила к работе. Весна выдалась на редкость дождливой. Частые ливни затопили окружающие такыры, превратив их в опрочное озеро, посреди которого гигантским островом возвышался Геоксюр.

Но вот солнце окончательно пробило тучи и через несколько дней нам удалось подойти к поселению. Весь Геоксюр был окутан клубами испарений подсыхающих луж. Под горячими лучами солнца быстрее всего подсыхали возвышенные части. Резко выделялись на них красные обломки черепков, начисто отмытых дождем от грязи, песка и пыли. В такое время хорошо побродить по поселению в поисках какой-нибудь случайной, но редкой находки, открывшейся на поверхности. После обильного дождя особенно заметны яркие бусинки, зелень медных украшений, коричневатый кремнь, желтоватая терракота статуэток.

Все сильнее грело солнце, последние лужи быстро исчезали и в пониженных частях поселка. Мы с нетерпением ждали этого момента, потому что знали: на подсыхающей после дождя земле медленно, как на негативе, будут проступать фундаменты кирпичных домов. Дело в том, что рыхлая поверхность памятника, высыхая, становится светлой, в то время как более плотные кирпичные стены былых домов, медленнее отдавая влагу, еще некоторое вре-

мя остаются более темными. В результате поселение как бы начинает постепенно просвечиваться изнутри: становятся видными отдельные комнаты, соединяющиеся в многокомнатные дома. Несколько часов палящего солнца и перед вами — вся планировка поселения: можно ходить по узким улицам, переулкам, заходить во дворы, через двери попадать в дома, смежные комнаты. Но через день-другой солнце подсушит кирпичи стен, видение древнего города исчезнет, растворившись в безликой серой поверхности. Памятник вновь замкнется в себе, и уже трудно будет представить, что еще вчера мы ходили вдоль глухих стен, «перепрыгивали» через заборы, чтобы «попасть» во дворы древних домов.

На этот раз, воспользовавшись дождями, мы решили поискать склепы. Ведь они тоже сложены из кирпича-сырца и должны проявиться под солнцем. Вскоре на пониженном склоне Геоксюра кто-то из нас заметил следы какого-то маленького сооружения с остатками костей внутри. Окрыленные удачей, мы приступили к его расчистке. В конце концов нам удалось откопать небольшую древнюю кухню с многочисленными остатками от съеденных коз и баранов. Несмотря на разочарование, поиски продолжались. И вот при косом солнечном освещении мы увидели круг, сложенный из кирпича. Несколько движений щеткой — и под тонкой корочкой засохшей земли выступил человеческий череп. Сомнений не оставалось — это была гробница. Методика поисков оказалась правильной.

Однако приходилось спешить — земля быстро подсыхала и местами силуэты стен уже исчезали под тонким слоем пыли. На следующий день все члены экспедиции, вооружившись рейками, рассыпались по всему Геоксюру. Отмечалось каждое место, где проступавшая кладка имела не прямолинейное, а изогнутое направление. Вскоре поверхность поселения покрылась лесом торчащих реек. Правда, не все отмеченные места оказались гробницами, но за два дня лихорадочных, до рези в глазах, поисков, удалось застолбить 25 новых склепов. Это была величайшая удача: почти без материальных затрат, без дорогостоящих и трудоемких траншей наука обогатилась уникальными погребальными памятниками.

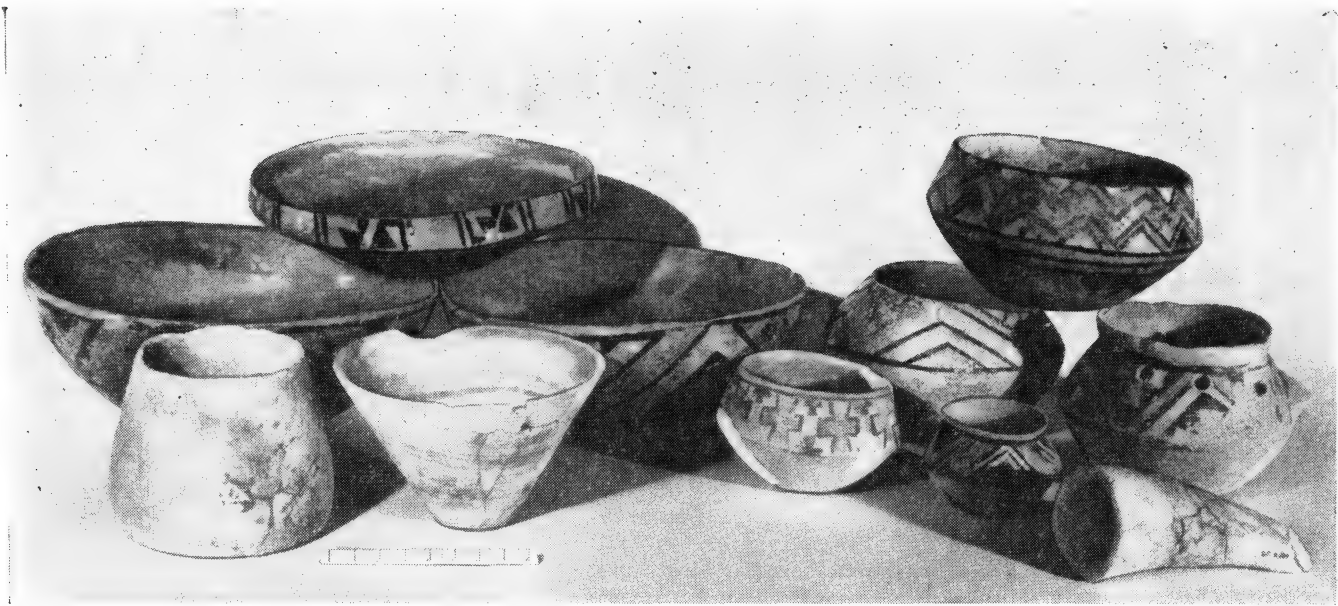
Теперь предстояла кропотливая расчистка и обработка каждой гробницы, каждого скелета, каждой кости. Лопату землекопа попеременно сменяли нож, щетка и скальпель.

Нередко кости скелетов (в некоторых гробницах их оказывалось 10 и больше) лежали в несколько ярусов, так что приходилось расчищать, зарисовывать, фотографировать каждый слой отдельно, пока не добирались до пола гробницы. Больше того, во время очередных захоронений кости предыдущего покойника отодвигались в сторону, где они смешивались с другими. В результате трудно было установить, какой череп какому костяку принадлежит или какая челюсть — какому черепу.

Еще с большими трудностями столкнулись мы при разборке костей. За прошедшие тысячелетия они так уплотнились, что буквально зацементировали черепа. Нередко приходилось просто вырубать черепа из сплошного конгломерата костей. Очень часто изо рта черепа торчали длинные кости, глазницы были забиты мелкими косточками. Приходилось часами извлекать их оттуда иглой и пинцетом, чтобы не разрушить сам череп. В дополнение ко всем трудностям необходимо было в каждой гробнице установить подлинную очередность захоронений. Постепенно совершенствовалась наша методика расчисток, стали проявляться некоторые закономерности в погребальных обрядах геоксюрцев. Оказалось, что геоксюрцы жили в центральной части поселения, а окраины его приспособили под могилы. Каждая большая семья, облюбовав себе подходящее место на пустыре, строила здесь кирпичную гробницу. При этом на месте будущего склепа предварительно возжигали ритуальный огонь.

Поражает высокое мастерство геоксюрских строителей. Они применяли оригинальную кладку зданий с круглыми стенами, при которой внутренние углы кирпичей соприкасались, а внешние разводились в стороны. Каждый следующий верхний ряд кладки делался с напуском внутрь, на высоте около полутора метров свободный пролет сокращался до необходимого минимума и перекрывался сводом. Этим сложным техническим приемом достигалось купольное сооружение без какой-либо опоры внутри. Малейшая ошибка, неточность в расчете кладки — и сооружение могло развалиться.

При погребении вместе с покойником клали его вещи: бусы из полудрагоценных камней, медные булавки, наколечники стрел, женские статуэтки, каменные и глиняные сосуды, плетеные корзины, инструменты. В одной из гробниц мы обнаружили круглое медное зеркало в плетеном

Геоксюр. Сосуды из склепов
(начало III тысячелетия до н. э.)

футляре, пожалуй, одно из самых древних зеркал. Как правило, около покойника клали куски мяса, а иногда даже части туш коз или баранов. Особенно заботливо хоронили младенцев; их трупы аккуратно уложены среди остальных скелетов, и им чаще, чем взрослым, оставались разноцветные бусины и даже специальные сосудики с носиками.

И все же мы ожидали найти в могилах более богатые приношения. Остается предположить, что родственники покойников не отличались особой щедростью и не помещали в могилы особо ценные вещи. Кроме того, слишком велик был соблазн перенести к новому покойнику вещи со старых скелетов. Показательно, что погребальные приношения почти всегда находились у наиболее позднего по времени захороненного и нередко совсем отсутствовали у предшествующих.

Когда гробница заполнялась до отказа, дверь ее замуровывали, а рядом строили новую. Гробницы каждой семьи теснятся друг около друга, иногда образуя целую группу, обнесенную глухим забором. Нередко, когда старая гробница ветшала и верх ее обваливался, она аккуратно закладывалась сверху кирпичом и на ней строился следующий склеп. Во всем чувствуется стремление геоксюрцев обособить свои семейные мавзолеи от соседних.

Всего в гробницах мы нашли свыше ста скелетов. Значение этой находки трудно переоценить. Уже предварительные исследования антропологов показали: геоксюрцы внешне сильно отличались от современных им обитателей Южного Туркменистана, но зато напоминали людей, некогда живших в сопредельном Иране. Таким образом, смежная наука документально проверила предположение, сделанное нами на основании археологических фактов. Оказывается не только геоксюрская посуда похожа на иранскую, но и в облике их владельцев было много общего. Все это лишний раз подтверждает старую археологическую истину: «вещи без людей не ходили».

Антропологи, изучая геоксюрские черепа, надеются после реставрации выявить у них определенные черты сходства, что дает возможность определить степень родства погребенных внутри каждой гробницы.

Геоксюрская трагедия

Раскопки в Геоксюрском оазисе рисуют картину вполне обеспеченной мирной жизни его обитателей. Казалось, ничто не предвещало здесь каких-либо больших изменений. И все же жизнь в этом районе прекратилась. Где-то в начале III тысячелетия до н. э. весь этот некогда цветущий край оказался заброшенным. И снова, как тысячу лет назад, только дикие звери изредка забредали сюда в погоне за своей добычей.

Но что побудило геоксюрцев покинуть веками обжитые места — ведь они оставляли не только творения рук своих — дома, поля, каналы, но и могилы своих предков? Ответ на этот вопрос нам предстояло найти.

Во время раскопок археологи не нашли свидетельств каких-либо опустошительных нашествий или губительных катастроф. Геоксюрцы ушли, забрав все ценное и необходимое: на поселении остались лишь черепки да кое-что из случайно забытых или потерянных вещей. Тогда, быть может, существуют какие-то внутренние причины их ухода? Но о них археологи могли лишь догадываться. Более четкий ответ подсказали нам опять палеогеографы.

Оказывается, в течение тысячелетий крупнейшая река юго-восточных Кара-Кумов Теджен постепенно меняла свое направление. Ее воды незаметно подмывали левый берег так, что русло смещалось с востока на запад. Теперь известна причина этого явления — колебания земной коры. В западном направлении перемещались не только русла рек, но и их дельты со всеми многочисленными протоками. Восточные протоки все больше заиливались.

В результате за 7—10 тысяч лет современная дельта реки Теджен оказалась в 20 км к западу от Геоксюрского оазиса.

Все дальше к западу от Геоксура плескалась вода, все тяжелее становилось нести кувшины с водой, все дальше от дома располагались поля. Перед геоксюрцами вставал жизненно важный вопрос: уходить на новые места или попытаться приблизить воду к домам. В первом случае рушился жизненный уклад оседлого земледельца — его мирная, монотонная, веками устоявшаяся жизнь. Родная земля, исхоженная вдоль и поперек, политая потом и кровью натруженных рук, старые домашние очаги в знакомых с

детства родных стенах, могилы предков — казалось, все они протестовали против ухода геоксюрцев из своего поселка. Перед животным страхом неизвестности геоксюрцы готовы были пойти даже на невозможное. И они рискнули ценой тяжелого изнурительного труда сохранить свою прежнюю жизнь. Спасительные каналы повернули воду к прежним полям, на какое-то время отсрочив страшный конец.

Но дельта уходила быстро: природа опережала технические возможности геоксюрцев.

Это была подлинная трагедия! Слишком далеко приходилось проводить новые каналы. Это оказалось не под силу древним жителям. Надо было уходить на новые места, где еще имелось вдоволь воды.

Не один зимний вечер собирались старейшины в главном святилище Геоксюра, ища другой выход. Много молитв возносили они своим богам, прося остановить уходящую реку. Но их мольбы не помогли. И вот небольшая группа смельчаков пустилась на поиски новой родины. С надеждой и страхом смотрели им вслед геоксюрцы — от успеха разведчиков зависела их жизнь.

Рано утром двинулся отряд смельчаков вверх по главному руслу реки. Все дальше на юг спускались они, пока не увидели расстилавшееся вдали огромное зеленое плато. В этом месте река делала крутой изгиб, образуя своего рода треугольник. Внутри него лежали плодородные, никем не занятые земли. Пологий берег был изрезан множеством естественных протоков, густо поросших высоким тростником. Вокруг было полно охотничьих угодий, заливных лугов для скота, мягкой земли для пахарей. Лучшего места для поселения они не могли желать.

Вскоре в Геоксюре шли шумные приготовления к отъезду. Женщины собирали домашние пожитки, мужчины укладывали оружие, снимали деревянные двери с косяков, засыпали зерно в шерстяные мешки. Внизу, у окраины поселения, мычали и блеяли коровы и овцы. Деревянные повозки, в которые впрягались верблюды, все больше оседали под тяжестью нагруженного скарба. Крик и шум стоял над Геоксюром, страшными провалами зияли пустые входы домов, во дворах вертелись дети, подбирая то, что забыли взрослые.

Постепенно шум утих, люди были готовы к отъезду. Но никто не трогался с места — ждали приказа старей-

пии. А они лишь молча оглядывали опустошенный поселок. И тогда, не сговариваясь, геоксюрцы потянулись к родным могилам.

Надрывно рыдали женщины, упав на кирпичные своды гробниц. Им вторили плачущие дети. Мужчины в последний раз подправляли входы гробниц, всовывая в щели куски кирпичей и камни. Медленно, от мавзолея к мавзолею, передвигались старики и старухи, прося прощения у мертвых, которых они отныне навсегда оставляли. Просили они «великую богиню» сохранить могилы от разрушения, оградить мертвых от лисиц, корсаков и шакалов, от разграбления злыми людьми.

И вот уже печальный караван двинулся на юг, по пути, указанному разведчиками. Скорбно брели геоксюрцы от родных очагов, громкие рыдания заглушались безучастным блеянием и мычанием покорно идущего стада. Опрямное облако пыли отмечало их последний путь. Никто из беженцев не помнил, что тысячу лет назад этой же дорогой пришли сюда их предки, полные ожидания и надежд. Все дальше уходили геоксюрцы на юг и все чаще будничные заботы настоящего и будущего вытесняли печальные воспоминания прошлого. Живым предстояло жить дальше — и это было главное.

Уже через несколько месяцев на новом месте выросло поселение. На первых порах жизнь переселенцев ничем не отличалась от прежней. Строго придерживались геоксюрцы старых обычаев, старых традиций. Археологические раскопки показали, что посуду украшали прежними орнаментами, всевозможные украшения и орудия имели старые формы. И все же прогресс медленно, но неуклонно входил во многие области их хозяйства и культуры.

Особенно ощутительные изменения происходят в древней металлургии. На смену мягкой, легко гнущейся меди приходит бронза. Кузнецы научились подмешивать олово к меди и получать твердую бронзу. Теперь уже все основные орудия земледельческого труда изготавливаются из металла, прочные бронзовые орудия почти вытесняют каменные. В истории человечества наступил бронзовый век.

И все же бронза на первых порах была еще дорогой и редкой. Поэтому наконечники стрел по-прежнему делаются из кремня. Техника кремневого дела достигает в то время поистине ювелирных вершин. Тонкая отделка поверхности наконечников стрел поражает своим законченным

совершенством и может служить замечательным образцом древнего искусства. Больших успехов добиваются и мастера камнерезного искусства. Из полудрагоценных камней вытачивают они различной формы бусы и пронизки, амулеты и подвески, покрывая их тонкой гравировкой. Из белого и розового алебаstra и более твердых пород разноцветного камня в большом количестве изготавливаются разнообразные сосуды. Для их производства применяются уже специальные сверлильные «станки».

Но особенных успехов достигает гончарное искусство. На смену небольшим, простым по устройству одноярусным печам приходят большие сложные горны — двухъярусные керамические печи. Они состоят из топки и расположенной над ней обжигательной камеры. Через специальные отверстия жар попадал в камеру обжига, где стояли приготовленные полуфабрикаты. Эта сложная конструкция позволяла регулировать температуру обжига и производить несравненно более прочные и качественные сосуды.

Постепенно усложнялись и совершенствовались орнаменты, принимая все более дробный, «ковровый» характер. Если посуда геоксюрского времени украшалась крупными геометрическими рисунками, то теперь эти фигуры дробились, образуя измельченные узоры красочных фризов. Вскоре эти рисунки вытесняют все остальные орнаменты на посуде племен всей подгорной части Южного Туркменистана. Раскопки любого памятника в подгорных оазисах Копет-Дага эпохи бронзы дают черепки и целые сосуды, украшенные только былыми геоксюрскими орнаментами.

Это было триумфальное шествие нового стиля в орнаментации посуды! Вместе с тем эти рисунки знаменовали собой вершину орнаментального искусства племен древнего Туркменистана. Посуда с этими пестрыми ковровыми орнаментами своим величием затмила многие образцы гончарной росписи Месопотамии и Ирана.

На фоне общего прогресса культуры и техники бывшие геоксюрцы проявляют поразительную консервативность в погребальных обрядах. Своих покойников они продолжают хоронить в кирпичных гробницах, правда, уже не круглых, а прямоугольных. Как и прежде особой заботой окружают они умерших детей. Позднее они начинают хоронить их не в гробницах, а в огромных сосудах отдельно от

взрослых. При раскопках мы встречали такие сосуды, внутри которых были заботливо уложены детские трупы. Рядом с некоторыми из них мы находили трогательные миниатюрные сосудики, из которых младенцы при жизни пили молоко.

До конца III тысячелетия существовало поселение на этом месте. Но коварная река Теджен пробивала новые протоки, в стороне от старых. Ее воды опять уходили на запад. Не ожидая трагического конца, большая часть жителей заблаговременно снималась с места и спускалась еще дальше на юг, к подножию Копет-Дага. Здесь горные речушки, хоть и бывают бурными весной и нередко подтапливают поселки, но зато всегда текут в одном направлении. Однако эти места оказались уже давно заселенными — пришельцам не оставалось ни единого свободного клочка земли. Они вынуждены идти дальше вдоль русла реки Теджен. С большими трудностями пройдя горную долину, потомки геоксюрцев вступили в пределы современного Афганистана, где брала начало непокорная река Теджен, по-местному Гери Руд.

Дальнейшая их судьба окутана тайной. Известно лишь, что западноевропейские археологи раскопали в Южном Афганистане и Белуджистане несколько поселений, обнаружив уже в верхнем слое черепки с геоксюрскими орнаментами, геоксюрские статуэтки и т. д. Очевидно, это следы многострадальных геоксюрцев, вернувшихся через две тысячи лет назад в те места, откуда происходили их далекие предки.

Но вернемся к оставшимся южнотуркменистанским племенам, которые продолжали мирно и безмятежно жить в подгорных оазисах, на берегах традиционных горных речек. На протяжении всего III тысячелетия до н. э. они занимаются земледелием и скотоводством, украшают свои сосуды великолепными «геоксюрскими» орнаментами.

В конце этого периода на смену расписной богато орнаментированной посуде приходит простая, ничем не украшенная посуда. На первый взгляд это свидетельствует об упадке искусства древних гончаров. Однако на деле исчезновение красочных орнаментов совпало с появлением сосудов самых разнообразных форм. Вместо глубоких чаш, мисок и сферических сосудов распространяются различные кувшины, имеющие сливы и ручки, тонкостенные кубки и вазы.

Вскоре вся посуда приобретает сложные, нередко вычурные формы. В употребление входят всевозможные чайники, вазы на высоких гофрированных ножках, разнообразные кубковидные сосуды. Вся эта посуда отличается изящными, вытянутыми пропорциями, тонкими профилями самих форм, высоким качеством обжига. Дальнейшее развитие керамического творчества выражается уже не во внешнем красочном оформлении, а в технике выделки сосудов.

Что же представляла собой гончарная техника того времени? При тщательном изучении найденных черепков на них обнаружили следы равномерных концентрических кругов. Обычно такие круги на глиняной посуде получают только от применения гончарного круга. Сомнения исключались: перед нами была древнейшая в нашей стране керамика, сделанная не вручную.

Подобное новшество, как известно, — начало технической революции. Ручной труд в таком массовом виде, как гончарное производство, заменялся «машинным». Используя гончарный круг, мастера затрачивали во много раз меньше труда и времени и, следовательно, могли изготавливать несравненно больше продукции. И если первые сосуды они еще украшали по старинке орнаментами, то вскоре отказались от этого — слишком много времени уходило на отделку, во много раз больше, чем на само изготовление сосуда.

Постепенно в их мастерских скапливались высокие стопки готовых изделий, которых уже хватало не только для себя и своих соплеменников, но и на обмен и даже продажу на сторону. Довольно скоро гончарный круг повсеместно вытеснил ручной труд, а вычурные, но неорнаментированные сосуды заменили расписные. Эстетические вкусы были принесены в жертву практическому техникцизму.

Но технический прогресс во все времена развивался по своим собственным объективным законам, не сообразуясь с желанием самих творцов — людей. Так случилось и на этот раз. Первоначальное желание облегчить свой труд привело к большим и важным последствиям, имевшим всемирно-историческое значение. Из массы земледельцев и скотоводов стали выделяться люди, переставшие заниматься традиционным земледельческим трудом. Обладая навыками в керамическом деле и используя гончарный

Хапуз-депе. Женские терракотовые статуэтки
(середина III тысячелетия до н. э.)

круг, они специализируются на изготовлении сосудов. Мастерские их ломаются от готовой продукции, на которую всегда есть спрос. Так складывались предпосылки к замене простого обмена куплей-продажей, к замене коллективной собственности частной. Однако пройдет еще много сотен лет, пока изменения в производственной деятельности людей приведут к изменению в общественном строе.

На протяжении всей первой половины II тысячелетия до н. э. земледельческие племена Южного Туркменистана достигли новых успехов во многих областях своей жизни. Все более разнообразная по формам, высококачественная посуда выделяется на гончарном кругу. Но по-прежнему жители изготовляют статуэтки богини-матери. Новые шаги вперед делает и древняя металлургия. Помимо всевозможных украшений из металла, мастера Южного Туркменистана изготовляют и оружие в виде кинжалов, наконечников копий, ножей. Все чаще к меди специально добавляются свинец и олово — изделия из бронзы становятся все более прочными.

Примерно в это время у местных жителей появляются круглые и овальные печати — знаки собственности. Появление таких печатей свидетельствовало уже о постепенной замене коллективного пользования личным. В языке людей того времени вместо слова «наше» чаще употребляется слово «мое». Времена всеобщей демократии постепенно уходят в прошлое. Если раньше во главе племени стояли наиболее авторитетные и уважаемые люди, то теперь на первое место выдвигаются наиболее богатые и влиятельные.

К сожалению, памятники этого времени изучены археологами еще далеко не достаточно. А между тем изучение именно этого периода имеет первостепенное значение для выяснения ряда важнейших исторических вопросов. Документально установлено: в середине II тысячелетия до н. э. многие поселения подгорных оазисов Южного Туркменистана резко сократились в размерах и даже были совершенно заброшены, а жители их ушли на новые места. Известно также, что одна большая племенная группа из подгорных оазисов ушла в дельту реки Мургаб, основав там новые поселения. Вторая племенная группа двинулась в противоположную сторону, на запад, и заселила плато, примыкающее к юго-восточной части Каспийского моря, так называемую Мисрианскую равнину.

Причины столь внезапного ухода племен на новые места до сих пор остаются неизвестными. Некоторые ученые предполагают, что наступившая в то время засуха побудила скотоводческие племена, обитавшие к северу от Туркестана, оттеснить мирных земледельцев с насиженных мест. Другие считают причиной быстрый рост населения в подгорных оазисах, заставивший людей искать новые незанятые земли.

Но существуют и другие мнения, подтвержденные в некотором смысле документально. Оказывается, примерно в то же время пришли в запустение и поселения северного Ирана, а на одном из них — Тепе-Гиссаре — обнаружены явные следы побоища и пожара. Здесь, в слое, относящемся к верхнему, заключительному периоду существования Тепе-Гиссара, археологи встретили здания, разрушенные пожаром, скелеты, лежащие в неестественных позах, много стрел, очевидно выпущенных нападающими. Больше того, археологические раскопки в других странах Древнего Востока свидетельствуют об одновременном упадке городской цивилизации Индии, о гибели таких огромных городов, как Мохенжо Даро и Хараппа. По-видимому, в середине II тысячелетия до н. э. на огромной территории Древнего Востока происходят крупные исторические события, которые сдвинули со своих мест целые племенные союзы.

Науке известно примерное время этих событий, но во многом остаются неясными причины. Правда, ученые не теряют надежды разгадать эту сложную загадку. У них даже есть небольшой трамплин, от которого можно оттолкнуться в новых поисках. Сейчас точно установлено, что в XVI в. до н. э. в северо-западную Индию, в долину Инда и Ганга, продвинулись племена ариев. Вместе с тем существует предположение, что эти племена, занимавшиеся в основном скотоводством, обитали тогда в Евразийских степях. Арии отличались большой смелостью и воинственностью: следы их временного и не всегда мирного пребывания отмечены в Южной Туркмении и даже в Иране. Сопоставив все эти данные, некоторые ученые предположили, что в середине II тысячелетия до н. э. большой союз этих скотоводческих племен двинулся с севера на юг, грабя и разрушая все на своем пути. В конечном результате арии проникли через промежуточные территории Туркменистана и Ирана в Индию.

Но вся эта сложная история пока представляется в самых общих чертах. И пройдет еще много лет, прежде чем она прояснится в своих деталях. Сейчас ясно одно: все эти вопросы выходят далеко за рамки интересов собственно Туркмении, они тесно связаны с одной из интереснейших проблем — проблемой происхождения индоевропейских народов. Эта проблема также еще далека от своего окончательного разрешения, однако многие ученые считают: Средняя Азия — то место, где складывалась индоиранская часть этого огромного союза племен, причем Южный Туркменистан играл здесь не последнюю роль.

В этом смысле интересна следующая характерная деталь. Археологические раскопки древних городов в Индии показали, что у племен, разрушивших городские цивилизации Инда, — у предполагаемых пришельцев-ариев, в быту были распространены печати, совершенно отличные от местных, но зато очень напоминающие печати жителей древнего Ирана и Южного Туркменистана. Этот документально подтвержденный факт — свидетельство реальной связи, некогда существовавшей между областями, примыкающими к южному Прикаспию и северо-западной Индии. Отныне эти два интересующих науку пункта как бы соединены своеобразным мостом.

Дальнейшее накопление новых археологических данных, собранных на промежуточной территории (Иран и Афганистан), поможет выяснить подлинную картину событий тех времен.

Но вернемся непосредственно к нашему рассказу. Итак, во второй половине II тысячелетия до н. э. в дельте реки Мургаб продолжали обитать местные земледельческие племена, выходцы из подгорных оазисов Южного Туркменистана. На рубеже II—III тысячелетий до н. э. у них появились первые железные изделия. Постепенно железное оружие и орудия полностью вытесняют бронзовые. Из бронзы теперь изготавливают в основном лишь украшения.

Но еще более знаменательные изменения наблюдаются в общественной жизни. Примерно в начале I тысячелетия до н. э. наряду со старыми поселками кое-где появляются новые, более крупные. Они уже имеют высоко поднятые на многометровых кирпичных платформах укрепленные цитадели. Это принципиально новое явление в жизни древних людей имеет огромное значение для историков. Такие

цитадели, своеобразные акрополи, где бы они ни появлялись, свидетельствуют уже о разделении бывших равноправных соплеменников на богатых и бедных, на господ и зависимых. В них проживала местная знать — все «власть имущие» во главе с местным царьком, — которая противопоставляла себя остальным, рядовым жителям. Неудивительно, что цитадели строились и укреплялись не только для защиты от нападения внешних врагов, но и рядовых соплеменников. Цитадели являлись неотъемлемой частью процесса создания наиболее древних, но еще сравнительно мелких государств Средней Азии, где уже окончательно выделилась прослойка знати во главе с царем, господствующая над остальной массой народа. Здесь начинается тот период древней истории, который уже освещен в письменных источниках греческих авторов. Теперь археологические факты проверяются и контролируются письменными документами.

Однако значение археологической науки от этого несколько не уменьшается, а даже наоборот, возрастает. В письменных источниках почти всегда содержатся названия городов и сел, где происходили неоднократные битвы между персидскими завоевателями и среднеазиатскими народами. Археологи проводят большие раскопки таких городов, уточняя характер того или иного события. В ряде случаев, когда античные авторы писали об определенных событиях, не будучи их очевидцами, в их повествованиях вкрадывались отдельные неточности. Вот в этих-то случаях археологические раскопки уточняют и исправляют ошибки в летописях древних историков.

В середине I тысячелетия до н. э. почти вся Средняя Азия входила в состав огромной ахеменидской державы, во главе которой стояли персидские государи. Наряду с прочими областями под эту зависимость попали и поселения в дельте Мургаба. Об этом свидетельствовали письменные источники, и, казалось, что археологические раскопки в этом районе не дадут ничего нового по сравнению с сообщениями древних историков. Однако раскопки наиболее крупного поселения этого оазиса — Яз-депе — во многом уточнили их сведения. Оказалось, что эта мощная цитадель пришла в запустение лишь после присоединения этого района к владениям ахеменидского царя Кира. Это натолкнуло ученых на мысль: персидские цари с опаской и недоверием относились к вновь покоренным облас-

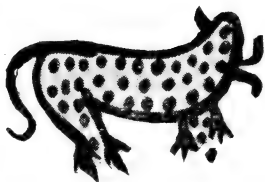
тям и поэтому насильственно разрушали укрепленные цитадели — оплот возможных восстаний.

Опасения ахеменидских правителей были небезосновательны. «Отец истории» — Геродот пишет, что персидский царь Кир во главе огромного для того времени войска двинулся через Аму-Дарью на среднеазиатские кочевые племена. В результате ожесточенной битвы персидская армия оказалась наголову разбитой, а сам Кир был убит. В другом месте Геродот сообщает о народном восстании в Маргиане в 522 г. до н. э. Восстание, приведшее к временной победе, возглавил некто Фрада. Интересно отметить, что это событие — одно из первых народных восстаний на территории нашей родины.

В конце IV в. до н. э. ахеменидская держава погибла под ударами войск Александра Македонского, на территорию Средней Азии вступили греческие войска. После недолговременного господства греческого полководца Средняя Азия распалась на ряд отдельных государств, история развития которых полна драматических и интересных событий.

Этому и последующему периоду посвящена вторая часть нашей книги.

По следам пленных легионов

Битва в пустыне

Прекрасно раннее утро в пустыне. После недолгой холодной ночи воздух прозрачен и чист. С радостью выходишь из палатки навстречу удивительно ясному и бодрому утру. Солнце кажется ласковым: после неожиданного для непривычного человека холода пустынной ночи так приятно греться в солнечных лучах, на минуту даже забыв, что очень скоро солнце станет совсем другим — горячим и безжалостным. Отвесные лучи его будут жечь как через увеличительное стекло, в воздухе заструится марево, а ласковый свежий ветерок превратится в самого злого врага, срывающего песок с верхушек холмов и секущего раскаленными песчинками обожженное лицо.

Таким же, вероятно, было и утро 6 мая 53 г. до н. э. в северной Месопотамии, недалеко от древнего города Карры, где стояла лагерем римская армия. Без обычного шума строились когорты тяжело вооруженных пехотинцев и отряды всадников — турмы и илы, ожидая выхода своего полководца, старого Марка Красса. Вот он показался, и легкий шум удивления прошел по рядам воинов, вздрогнули ошетилившиеся ряды копий, подались вперед даже обычно невозмутимые седые центурионы, прошедшие в битвах не один десяток лет. Полководец был в черном плаще.

Черный — траурный, а не обычный для римских полководцев пурпурный плащ смутил закаленных воинов. Но в этом нет ничего удивительного, ибо древние римляне были исключительно суеверны. Вера в приметы, чудесные знамения, широко распространенная в древнем Риме,

стала традицией, часто более сильной, чем любые законы. Ни одно дело, государственное или частное, не начиналось без предварительных гаданий по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных и еще множествам самых различных способов. И хотя Красс, заметив свою ошибку, тут же переоделся, тяжелое предчувствие овладело римскими солдатами. Вскоре появились новые предзнаменования, быстро распространявшиеся среди легковерной толпы. С тревогой сообщали воины друг другу о том, что многие знаменосцы с большим трудом выдергивали воткнутое в землю и, казалось, вросшие в нее древки знамен.

Была еще одна причина (помимо суеверности римлян) распространения подобных слухов среди солдат армии Красса — общая непопулярность этого похода и его руководителя — Марка Красса. Один из самых богатых людей в Риме, жадный и честолюбивый, он мечтал о грандиозных завоеваниях. Ему не давали покоя подвиги Александра Македонского. Со своей армией Красс стремился дойти по стопам Александра до Индии. Первым препятствием на этом пути было парфянское государство, владевшее тогда и древними землями Месопотамии. Впервые римляне познакомились с парфянами за 40 лет до похода Красса, в 92 г. до н. э., и все же эта страна оставалась для них темной и загадочной. Они надеялись на быстрые и легкие успехи, на большую добычу, на разграбление богатых городов и скорое возвращение домой. Действительность оказалась иной.

Летом 54 г. до н. э. Красс со своими отрядами вторгся в Северную Месопотамию; ему удалось без большого труда захватить несколько городов. В них он оставил гарнизоны, а основные силы армии отвел на зимовку в Сирию. Красс и эту зиму, последнюю перед своим решающим походом, остался верен себе. Не полководцем, готовящим войска к тяжелым и опасным боям, предстает он перед нами со страниц древних книг, а бесчестным торгашом и грабителем, торгующим даже своими приказами о наборе вспомогательных войск и освобождениях от него.

Между тем в войсках росла тревога. Среди зимы в Сирию прорвалось несколько человек. Лишь они уцелели из всего семитысячного отряда, оставленного Крассом в Месопотамии. С ужасом слушали солдаты их рассказы об огромной парфянской армии, о штурмах городов, о скорости, с которой двигалась вражеская кавалерия, о необык-

новенной твердости панцирей парфян и их страшных тяжелых стрелах, пaskвозь пробивающих человека, одетого в доспехи. Боевой дух римлян падал.

Но особенно цоколебалось их уважение и доверие к своему полководцу, когда весной следующего года он вновь повел свои войска в Месопотамию, причем повел их не вдоль Евфрата, вопреки советам своих помощников, а напрямик, через степи и пустыни. Вот отчего волновалось римское войско в роковой для него день 6 мая 53 г. до н. э.

Уныло шагали римские легионы по безводной равнине, вспоминая родную Италию. На этот раз война обернулась для них своей самой тяжелой и страшной стороной. В рядах воинов не было слышно обычных шуток. Все переживали утреннее событие, и память подсказывала подобные случаи, либо виденные ими самими, либо рассказанные у костра каким-нибудь очевидцем. Вспоминался и уход из Рима. Ведь в постановлении народного собрания, в котором говорилось о назначении Красса, ни слова не говорилось о войне с парфянами — очень многие римляне не одобряли этого похода. Вспоминали и народного трибуна Атея, использовавшего всю свою власть для того, чтобы заставить отказаться от этого похода, и его страшные заклятия у городских ворот, когда Красс пренебрег его приказами и мольбами. Вспоминали и речь полководца после перехода Евфрата. В ней, обмолвившись, он сказал, что мост через реку разрушен для того, чтобы никто из его воинов не вернулся назад.

Легион за легионом, поднимая песок, шли римляне на восток. Впереди пылила конница. Еще не было полудня, когда навстречу войскам прискакало несколько человек — остатки посланной утром разведки. Они принесли безрадостную весть: враг в несметном количестве быстро движется навстречу римлянам, сами они спаслись с большим трудом, а большая часть разведчиков погибла. Это известие совершенно ошеломило Красса. Он растерялся, не зная, что предпринять. Его полное презрение к противнику поразительно быстро сменилось ужасом перед ним. А ведь Красс еще не видел вблизи ни одного парфянского отряда. Один за другим последовали беспорядочные приказы. Сначала Красс, по совету своего помощника Кассия, приказал растянуть строй по равнине на возможно большее расстояние, затем он повелел построить главные силы

сплоченным четырехугольником и сам встал во главе этой части армии. На левом и правом флангах он построил по 12 когорт, причем к каждому из фланговых отрядов он прикрепил конницу. Красс рассчитывал, что главный удар нанесут основные силы, составленные из шести легионов. Их сплоченный строй, по его мнению, мог опрокинуть в рукопашном бою любую неприятельскую армию. Маневренным отрядам на флангах поручалось защищать главные силы от фланговых охватов. В случае, если неприятель обрушит удар на главные силы, фланговая конница должна помочь им перестроиться. Исход боя предназначалось решить главным силам.

Легионы приободрились. Все-таки надежнее, когда вместо растянутой походной колонны ты стоишь в боевом строю, с оружием, готовым к сражению. Совсем по-иному чувствуешь себя рядом с хорошими воинами, плечом к плечу с которыми участвовал не в одном сражении, брал не один город, во главе с надежными военачальниками. Пусть плох старый Красс, но ведь одним из флангов командует опытный и умелый Кассий, а другим — молодой Публий Красс, сын полководца, храбро воевавший в Галлии и присланный Цезарем на помощь отцу со многими знаками боевых отличий и тысячей отборных галльских всадников. Слишком редко в те времена римляне терпели поражения — при звуке труб, игравших сигналы боевого построения, в них вновь зарождалось упавшее было мужество.

Продвигаясь в боевом порядке, римляне подошли к реке Баллис. После жары и безводья этот маленький ручей показался им счастливой находкой. Большинство опытных полководцев советовало разбить здесь лагерь и остановиться на ночевку, чтобы вступить в бой с парфянами только после отдыха и основательной разведки. Но с Крассом происходит новая перемена. Только что смертельно испуганный и растерявшийся при известии о приближении врагов, он вдруг становится безрассудно храбрым. Не дав воинам даже передохнуть, Красс приказывает двигаться дальше. Он торопится. Легионы идут быстро и без остановок, совсем не так, как предписывает римский военный устав (перед боем солдатам полагалось идти, не торопясь, с остановками, чтобы не быть измотанными). Ведь именно мастерство и упорство в рукопашном бою делали римскую армию лучшей армией того времени.

Вскоре на горизонте появилась неприятельская армия. Против ожидания отряды врагов не казались особенно многочисленными и грозными. Но римляне не знали, что это одна из уловок опытного врага. Сурена — полководец парфян — приказал нескольким сравнительно небольшим отрядам выдвинуться вперед, чтобы прикрыть развертывание главных сил. Поднятая всадниками пыль как нельзя лучше скрывала основные силы армии, готовящиеся к решительному удару. Кроме того, он приказал войнам прикрыть оружие и доспехи плащами — теперь блеск металла не выдавал главные отряды всадников, строившиеся в тылу.

Неожиданно раздается низкий, похожий на отдаленное прохотание грома звук парфянских военных труб, и вслед за ними по сигналу Сурены все всадники сбрасывают плащи. Как будто зарница вспыхивает на востоке. Парфянские всадники закованы в доспехи из маргианского железа, в броню одеты и их кони. Можно понять, как трудно было римским войнам сохранять спокойствие духа, когда из-за передовых отрядов на них стали надвигаться основные силы парфян во главе с самим Суреной. Подобно неудержимому валу, опустив огромные тяжелые копьа, ряд за рядом мчались всадники на тесно сплоченный строй легионеров.

Мы знаем о парфянских всадниках не только по описаниям древних писателей, но и по рисункам, сохранившимся на стенах домов древнего города Дура-Европос. Парфянский всадник едет верхом в кольчужной рубахе, покрывающей все тело; такая же кольчуга закрывает и коня. По внешнему виду парфянский всадник очень напоминает средневековых рыцарей. Вместе с конем он кажется чем-то вроде подвижной железной башни. И конечно, трудно не поддаться панике, когда несколько тысяч таких башен, выставив длинные копьа, готовы обрушиться на тебя. История всенного дела даже в новое время знает немало случаев, когда один вид мчавшейся в атаку конницы обращал в бегство пехотные соединения, вооруженные огнестрельным оружием.

Но римляне недаром славились своей стойкостью в боях. Тесно сплотив строй, они мужественно встретили натиск парфянских копьеносцев. Конная атака захлебнулась. Копьеносцы отошли, и вперед выдвинулась легкая конница. Огромной лавиной обтекала она со всех сторон

неподвижный четырехугольник римской армии. Между тем, надеясь развить первый успех, Красс выдвигает вперед своих легко вооруженных воинов. Но их атака не имеет ни малейшего успеха.

Зато парфянам смена тактики приносит первые плоды. Сплошной ливень тяжелых стрел, пущенных из огромных луков, останавливает римскую легкую пехоту. Остатки ее бросаются назад, под прикрытие щитов легионеров, устраивая их монолитный строй. Расположившись на безопасном расстоянии, парфянские лучники продолжают обрушивать свои смертоносные стрелы на римские легионы. Им даже не приходится целиться — римляне стоят таким плотным строем, что почти каждая стрела находит жертву. Пущенные из огромных луков стрелы пробивали любые римские доспехи.

Попытки перейти в атаку на эти подвижные отряды также не приносят римлянам успеха. Парфянские лучники продолжают осыпать врага стрелами. Остается лишь надеяться, что вот-вот у парфян кончатся запасы стрел. Но скоро и этой иллюзии приходит конец — римляне замечают позади лучников верблюдов с огромными व्यюками. Время от времени парфяне отходят назад и, возвращаясь, обрушиваются на римлян с новой энергией. В огромном обозе у парфян — поистине неисчерпаемый запас стрел.

Это известие повергает в замешательство римского полководца: он не знает, на что решиться. Стоять на месте — значит обреć свою армию на смерть. Идти в атаку бесполезно — обстрел стрелами не прекратится, и конница врага все равно будет недостижима для медленной римской пехоты. Кроме того, Красс помнит, что главные силы парфян где-то неподалеку, и если римляне сами разрушат свою живую крепость, то удар конного кулака разом уничтожит всю их армию. Как последний шанс он бросает на парфян галльскую конницу во главе с Публием Крассом. 1300 всадников, 500 лучников и восемь когорт — около 1600 тяжело вооруженных воинов кидаются в отчаянную атаку.

И снова удар римлян приходится в пустоту. Легкая конница стремительно уходит назад. Воодушевленные их отступлением воины Публия с радостью устремляются вперед, от них не отстают и тяжеловооруженные римские легионеры. Но военное счастье снова обманывает римлян. Отступающие враги внезапно останавливаются, развора-

Дура-Европос. Парфянский тяжело вооруженный всадник
Рисунок на стене здания (II в. н. э.)

чивают строй и обходят немногочисленный отряд римлян с обоих флангов. Больше того, прямо перед попавшими в кольцо римскими солдатами оказывается железный строй главных сил парфянской армии. Опять начинается безжалостный расстрел римлян.

Не желая бессмысленно гибнуть от вражеских стрел, отряд молодого Красса бросается на железную стену панцирной конницы. Завязывается неравный бой: тяжелая броня против легкой полотняной одежды, небольшие дротики против огромных тяжелых копий. Через несколько

минут храбрая галльская конница, лучники и восемь когорт легионеров перестали существовать. Раненный Публий Красс и его ближайшие сподвижники, не желая попасть в плен, кончают с собой. Только небольшая горстка римлян была взята в плен, остальные нашли свою смерть от парфянских копий и стрел.

В течение всего дня старому Крассу казалось, что его военная судьба качается как чашки весов. В те минуты, когда гибла лучшая часть его войска, он думал о победе: ему донесли, что враг бежит перед Публием. Надеясь, что скоро вернется отряд, преследующий врагов, Красс отводит свои легионы назад, на небольшой холм. Но вслед за надеждой приходит отчаяние: вновь появляется парфянская конница, а на копьях у передних воинов видны отрубленные головы молодого Публия и его друзей. Беспощадный обстрел деморализованных римлян продолжается до вечера. С темнотой парфяне отходят.

В римском лагере начинается агония. Красс безучастно лежит в палатке, ему уже все равно — армия распадается, отряд за отрядом бегут из лагеря, не погребая погибших, бросая на произвол судьбы раненых. Но только немногие из римлян сумели за ночь уйти достаточно далеко и скрыться на холмах, недоступных парфянской коннице. Большая часть их погибает утром следующего дня: раненых добивают в брошенном лагере, отступающих в беспорядке солдат настигает беспощадная конница. Гибнет и Красс, обманутый предложением начать переговоры. Больше десяти тысяч римских солдат захвачены в плен.

Таков итог первого столкновения гордых римлян с парфянским государством. Страшная катастрофа ударила по Риму в один из самых сложных моментов его истории. Эта битва и последовавшие за ней походы парфян поставили на грань гибели всю восточную часть римского государства.

Зачем об этом рассказывается в книге, посвященной археологии? Читатель вправе задать нам этот вопрос. Но ведь археология — наука исторического цикла. Для нас, археологов, ценность раскопок определяется тем, что они дают новый материал для воссоздания более полной картины политической, социальной и культурной истории человечества. Отсюда — тесная связь археологии и истории. Но перейдем непосредственно к сути нашего вопроса: почему мы рассказываем здесь о римско-парфянской битве? Еще из школьных учебников вы знаете о существовании древнего

Рима, владевшего в рабовладельческую эпоху огромными территориями Средиземноморского бассейна. Римская история, памятники греко-римской культуры хорошо знакомы каждому культурному человеку. Но что известно вам о самом опасном сопернике Рима — парфянском государстве? Наверное, очень немного. А ведь для Римской империи не было более важного вопроса, чем взаимоотношения со своим восточным соседом. Мир и войны, торговля и взаимное вмешательство во внутренние дела друг друга — все это переплеталось, чередовалось и перемешивалось во взаимоотношениях двух крупнейших государств античного времени. Но современная наука располагает очень небольшими сведениями, касающимися парфянского государства, его истории и культуры.

Если посмотреть оглавления книг, посвященных истории этой страны, то чаще других там встречается слово «забытый» — забытый народ, забытая империя и т. д. Возьмем к примеру самую последнюю книгу, посвященную Парфии, написанную американским исследователем Ричардом Фраем в 1962 г. И в ней первая же глава, посвященная Аршакидскому государству, называется «Забытая династия». История Парфии еще полна белых пятен, и только археологические работы последних десятилетий начинают понемногу стирать их.

Родилось это государство в итоге героической борьбы народов Средней Азии против греческого владычества — результата победоносных походов Александра Македонского. Возникшее в предгорных равнинах Копет-Дага (на территории современной Южной Туркмении) в середине III в. до н. э., оно постепенно распространило свою власть на всю территорию современного Ирана, Ирака, часть Сирии, Афганистана, Пакистана. Это огромное государство, населенное различными народами и племенами, играло большую роль в истории человечества с середины III в. до н. э. по 20-е годы III в. н. э.

Но почему мы так мало знаем об этом государстве? Причин здесь несколько.

Прежде всего, до нас почти не дошла собственно парфянская литература, сочинения парфянских писателей, поэтов и историков. То немногое, что мы знаем об истории Парфии, черпается из трудов ее врагов — римлян и греков. Для римлян парфяне — «варвары». Варварской они считали и своеобразную парфянскую культуру. Вот, например,

что писал о парфянах римский писатель II в. Лукиан: «Не заботило аршакидов¹ прекрасное, и, выставя что-либо напоказ, думали они не о наслаждении зрителей, не об их одобрении, а лишь о том, чтобы поразить взоры, ибо варвары — друзья не красоты, а одного лишь богатства»². Подобные оценки, широко распространенные в римской и греческой литературе, принимались западноевропейскими исследователями при изучении парфянской истории как аксиомы. Они широко использовались в научной литературе до тех пор, пока в Парфии не начались археологические работы и сама древняя страна не заговорила собственным языком.

Как известно, парфянское государство погибло от внутреннего восстания. В начале III в. н. э. против аршакидских царей восстал один из местных правителей, правитель Фарса. После нескольких лет борьбы аршакиды пали. Пришедшая к власти Сасанидская династия сразу стала доказывать свои законные права на престол, пытаясь заставить народ забыть о прежних владыках. Переименовываются города и области, переписываются исторические хроники, разрушаются исторические памятники, связанные со свергнутой династией, — всеми силами узурпаторы вытравливают память о прошлом. Во многом им это удалось. В народе постепенно забывали о старых царях, их деяниях. Однако до сих пор в некоторых языках иранской группы слово «пахлаван» (парфянин) означает легендарного богатыря. Народная память все же сберегла этот маленький осколок большого прошлого.

Но не только правители Сасанидской династии повинны в том, что человечество почти не знакомо с историей аршакидского государства. Немалая доля вины падает на некоторых ученых XIX и начала XX в. Дело в том, что с середины прошлого века на всем Ближнем Востоке развернулись опромные по своим масштабам археологические работы. Раскапывались вавилонские и ассирийские дворцы и храмы, открытия следовали одно за другим. В те годы музеи многих стран мира украсились великолепными древними экспонатами. Но в этой лихорадочной спешке тогдашние археологи допустили непростительные упуш-

¹ Аршакиды — название династии, правившей в Парфянском государстве. Поэтому очень часто само Парфянское государство называют аршакидским.

² Лукиан. О доме. § 5.

ния. Города, которые они раскапывали, очень часто продолжали существовать и после падения Вавилонского и Ассирийского царств, жизнь в них не прекращалась и в парфянское время. Значит, парфянские слои стояли на пути исследователей. Но они, стремясь достичь более древних слоев, безжалостно разрушают остатки парфянской культуры — находки из парфянских слоев не фиксируются, архитектурные объекты не изучаются. Лофтус раскапывает древнемесопотамский Урук ценой гибели ценнейших памятников парфянского города Варки, стоявшего над ним. Ж. Петерс стремится найти древний Нишпур — гибнут парфянские слои этого города. Этот скорбный список можно продолжить, включив в него Ниневию, Вавилон, Сузы и т. д. Только в XX в. прекратилось это варварское уничтожение памятников парфянского прошлого самими учеными.

В следующих главах мы попытаемся воссоздать картины из жизни древней Парфии. Собственно говоря, рассказ о ней уже начался повествованием о битве римлян с парфянами. И чтобы в дальнейшем он выглядел живописнее и ярче, мы прибегнем к «помощи» 40 тысяч безвестных римских пленных, захваченных парфянами в этой битве. Всех их отправили в Маргиану — в Мерв — на самую восточную окраину Парфянского государства. Значит, они прошли всю страну с запада на восток. Постараемся вместе с ними пройти этот путь.

Твердыня на Евфрате

Итак, мы отправляемся вместе с караваном римских пленников в долгое путешествие по городам Парфии.

Первоначально наш путь лежит на юг. Там, в месте, где ближе всего сходятся Тигр и Евфрат, недалеко от древнего Вавилона и современного Багдада, находился жизненный центр всей западной половины Парфии — ее столица Ктезифон. Неподалеку расположился и другой огромный город, один из самых больших ремесленных, торговых и культурных центров всего античного мира — Селевкия на Тигре, насчитывавшая в то время 600 тысяч жителей. В нем и решил Сурена отпраздновать победу над римлянами.

Гвоздем этого праздника должно было стать торжественное шествие по улицам города победителей в сопровождении закованной в цепи плененной римской армии. Этому празднеству предназначалось сыграть большую политическую роль. Жители Селевкии, в значительной мере греки, уже около 100 лет находились под властью парфян, но и этот срок еще не успел охладить их свободолюбивых чувств. Проримские симпатии селевкиян не вызывали сомнений. Всего несколько лет назад Сурена с трудом подавил их восстание, взяв штурмом город. И конечно, население Селевкии ждало прихода римлян. Поэтому провести перед ними закованных в цепи пленников было неплохим ходом в политической игре. Для этого пленных не повели прямым путем в Маргиану, а сначала отправили на юг.

Первым большим пунктом на пути от Карр к Селевкии являлся город Дура-Европос. В наши дни его развалины можно увидеть на правом, высоком берегу Евфрата. Но для того, чтобы наш римлянин смог «рассказать» об этом городе, его следовало открыть археологам. Открытие Дура-Европоса произошло при весьма своеобразных обстоятельствах.

Месопотамия, как и почти весь Ближний Восток, к началу XX в. принадлежала Турции. Арабские народы, находившиеся под турецким владычеством, всегда стремились к национальной независимости. Казалось, поражение Турции в первой мировой войне открыло широкие перспективы национального освобождения. Но на смену побежденным туркам пришли победители — англичане и французы, и поражение Турции обернулось для населения Месопотамии лишь сменой эксплуататоров. В ответ арабы подняли в 1920 г. восстание.

В ходе военных операций против повстанцев английский отряд сипаев под командованием капитана Мэрфи занял какие-то развалины. Готовясь к отражению атак восставших, Мэрфи приказал рыть траншеи и строить блокгаузы.

Во время этих работ у одной из стен древней городской стены солдаты обнаружили настенную живопись, как выяснилось впоследствии, украшавшую стены храма, посвященного трем пальмирским богам-воителям — Малакбелу, Агриболу и Яриболу. Росписи прекрасно сохранились.

Об этом открытии капитан Мэрфи немедленно сообщил директору древностей Ирака Гертруде Белл. Какого ученого не взволновало бы подобное событие? Однако Гертруда Белл не спешит на место удивительного открытия. Только через несколько дней она попросила поехать туда случайно оказавшегося в Багдаде известного американского египтолога Джемса Брэстеда. Эта задержка едва не стала роковой для замечательного памятника. Брэстед приехал на место стоянки отряда за один день до его ухода. Задержись он всего на несколько часов — и кто знает, на сколько лет отодвинулось бы открытие археологами этого изумительного города, часто называемого месопотамскими Помпеями. К счастью, Брэстед сумел за этот единственный день зарисовать и сфотографировать фрески, снять план святилища, насколько это можно было сделать без раскопок, и даже в общих чертах набросать план города и его укреплений.

Теперь можно объяснить и причину странной пассивности самой мисс Белл. Дело в том, что эта «дочь пустыни», как называют ее современные английские панегиристы, работала в качестве директора древностей Ирака, так сказать, «по совместительству». Главная ее работа относилась совсем к иной области — мисс Белл являлась шефом английской разведки в Ираке. И конечно, в разгар подавления восстания у шефа разведки было слишком много других забот, чтобы проявлять настоящий интерес к памятникам прошлого.

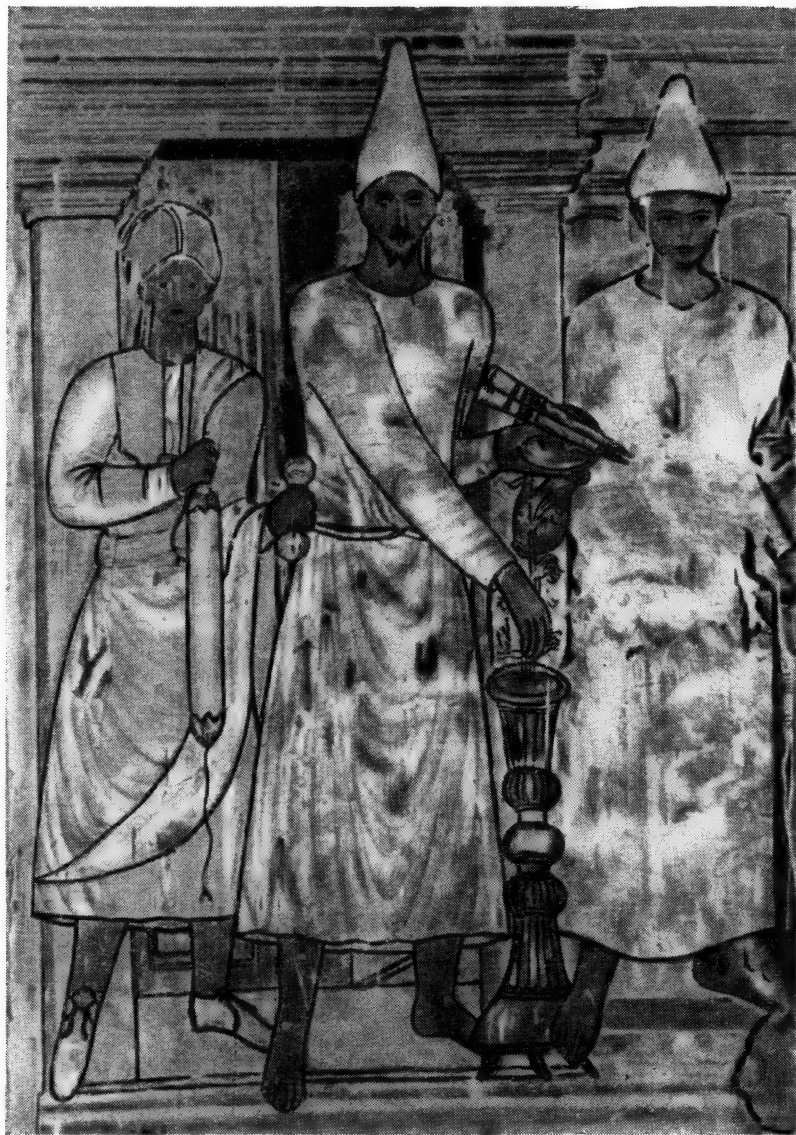
Возвратившись в Европу, Брэстед сделал во французской Академии Надписей доклад о своих раскопках. Вскоре он выпустил книгу, посвященную открытым им памятникам. Брэстед назвал ее «Восточные предшественники византийского искусства». Уже само название книги говорит о колоссальном значении обнаруженных в пустыне северной Месопотамии произведений искусства. Действительно, открытые им фрески поразительно сходны с произведениями византийской живописи, в особенности со знаменитыми равеннскими мозаиками. И там и здесь вместо живых, полных движения и жизни античных картин — монотонный ряд повернутых в фас фигур, одетых в длинные с ниспадающими тяжелыми складками одежды. Человека нет. Художника он совсем не интересует. От человека осталось одно лицо, лишенное каких-либо портретных черт, но с живыми опромными глазами. Действие развер-

тывается не в реальном мире, а на безличном фоне или в фантастическом архитектурном окружении, единственная цель которого — показать человека в нереальном мире. А как похож приносящий жертву жрец, с его неестественно вытянутым вверх телом и суровым, сумрачным, аскетическим лицом, на фреске, найденной в Дура-Европос, на изображения святых с византийских икон. Но ведь фрески Дура-Европос древнее византийских на несколько веков; они — современники живого реалистического искусства античного мира. Несомненно, это была очень своеобразная, самостоятельная ветвь в искусстве, отражающая иные, не античные вкусы, воззрения, культуру, близкую, видимо, по каким-то своим умонастроениям византийской культуре и, вероятно, оказавшую значительное воздействие на нее. Одним словом, открытие фресок в парфянском городе Дура-Европос сразу поставило целый ряд важнейших и интереснейших вопросов, разрешение которых могло по-новому осветить всю культурную историю Ближнего Востока в позднеантичный период. Но для этого следовало провести большие раскопки.

К тому времени район, где было сделано открытие, вошел в состав французского протектората — Сирии. Неудивительно, что первой туда отправилась экспедиция французской Академии надписей во главе с известным бельгийским ученым Францем Кюмоном. Раскопки, продолжавшиеся три года, велись под охраной французского иностранного легиона и руками самих легионеров. Результаты раскопок Кюмон изложил в прекрасной двухтомной работе, вышедшей в Париже в 1926 г. Но вскоре средства экспедиции иссякли и раскопки прекратились.

Они возобновляются только в 1928 г., на средства, предоставленные Иэльским университетом (США). В течение 30-х годов раскопки в Дура-Европос по несколько месяцев в году ведет американская экспедиция, руководимая известным ученым, профессором Иэльского университета М. И. Ростовцевым.

Работать приходится в довольно сложных условиях. С трудом добрались до места раскопок, пройдя 700 км с тяжелым экспедиционным оборудованием по пескам и каменному щебню (от больших городов Сирии в долину Евфрата можно проехать только через пустынные степи, где в то время почти не было дорог, а шоссе Хомс-Тадмор (Пальмира)—Дэйр аз-Зор даже еще не проектировалось),

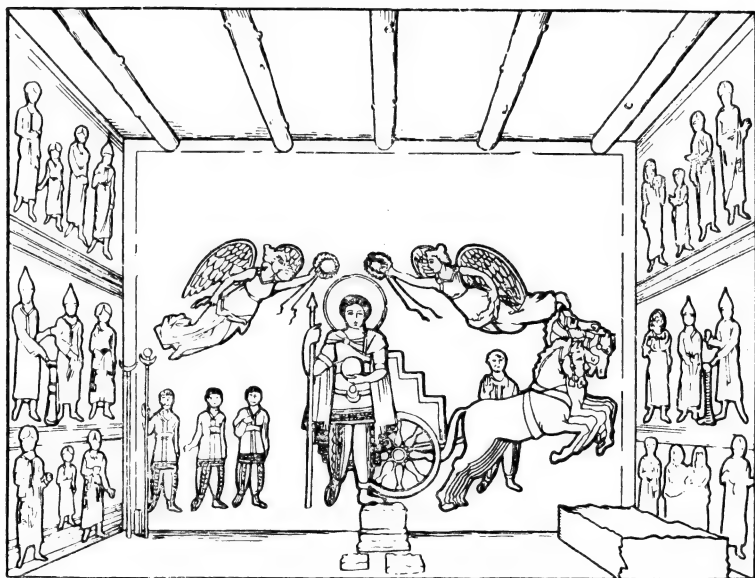
Дура-Европос. Живопись в храме Бела. Жертвоприношение
(I в. н. э.)

исследователи вынуждены были заниматься поисками рабочей силы. Ведь для раскопок нужны рабочие, а где взять их в этом пустынном краю, населенном главным образом кочевниками. Даже значительная плата их мало привлекает: они живут еще в условиях почти натурального хозяйства, деньги им мало нужны. Участники экспедиции обращаются за помощью к французским военным властям. Те выделяют для раскопок солдат иностранного легиона. Но эта «публика» работает только из-под палки, только под постоянными окриками своих сержантов. Мало того, она еще и воровата. Легионеры понимают, что имеют дело с памятниками большой ценности и что за иные археологические находки антиквары могут дать приличную сумму. А следить за ними трудно: вокруг сухая и голая пустыня, воздух неподвижен — чуть тронешь землю — поднимается облако пыли, и стоит, стоит, закрывая собою все.

«Помогла» экспедиции колониальная политика французской администрации, установившей весьма высокие налоги (разумеется, сама администрация об интересах экспедиции не думала). Чтобы получить деньги для уплаты налогов, кочевники вынуждены наниматься землекопами в экспедицию. Но здесь исследователей подстерегает другая трудность. Кочевники — не египетские рабочие, из поколения в поколение привыкшие работать на раскопках и нередко понимающие научный характер работы. Для них все здесь ново. Кроме того, археологов в экспедиции не так уже много, и им трудно совмещать научные наблюдения с наблюдениями за работой землекопов, которые из-за неумения могут не только повредить, но и безнадежно погубить памятник.

Еще труднее обстоит дело с питанием, а главное, с водой: в пустыне пить хочется безмерно. Правда, рядом Евфрат, но нелегко достать его воду — город стоит над обрывом и нужно идти несколько километров, пока не найдешь подходящего спуска к реке. Да и вода в Евфрате цвета кофе с молоком — пить ее в натуральном виде просто нельзя. Приходится долго процеживать, а затем кипятить ее. Тем временем налетит песчаный вихрь и бушует несколько дней, а воды остается все меньше и меньше...

И все же колоссальные трудности не помешали экспедиции провести большую и интересную работу. Сейчас можно, хотя и в общих чертах, представить историю Дура-Европос.

Дура-Европос. Живопись в храме Зевса-Теоса (II в. н. э.)

Город был основан примерно в 300 г. до н. э. Возникновение его было связано со стремлением преемников власти Александра Македонского на востоке — селевкидов (потомков одного из самых известных полководцев — соратников македонского царя) укрепить основы своего владычества над покоренными народами. Они создавали многочисленные города, в которых селились македоняне и греки, приносившие на Восток свои нравы и обычаи. Каждый такой город составлял самоуправляющуюся (хотя и под надзором представителя царской власти) единицу. Полными гражданскими правами в нем пользовались первоначально только греки и македоняне, избиравшие свой совет и магистратов. Окружающие город земли делились на наделы, которые передавались жителям. За право эксплуатации земель и местного населения граждане города обязывались нести военную службу в селевкидской армии.

Дура-Европос был построен на месте деревни Дура, что на языке местных жителей (арамейском) означает «крепость», «укрепление». Вторая половина названия — Европос — видимо, результат того, что местечко с таким

названием, находившееся в Македонии, являлось родиной основателя династии Селевка и, возможно, некоторого числа первопоселенцев. Дура-Европос, по-видимому, был основан по личному указу царя: память о нем чтится населением на всем протяжении существования города.

Дура-Европос придавалось большое значение. И неудивительно — ведь огромное селевкидское государство, первоначально включавшее территории Ирана, Месопотамии, Малой Азии, Сирии, часть территории Индии и Средней Азии, оказалось весьма непрочным государственным образованием. Отдельные области его постоянно восставали, стремясь к освобождению, а наместники на местах не прочь были стать независимыми царьками. Сравнительно небольшое число греческих опорных пунктов, предназначенных удерживать в повиновении народы этой разноплеменной державы, слабо связывали друг с другом ее огромные области. Поэтому селевкидское правительство стремилось в первую очередь твердо держать в своих руках главные стратегические пункты и дороги, связывающие отдельные области. Важнейшей из таких дорог являлся путь из главного центра державы — Сирии — в Месопотамию и далее на восток. Именно на этом пути и находился Дура-Европос.

Этим и объясняется характер города в первый период его существования — военная твердыня, охраняющая главную стратегическую дорогу державы, населенная греческими и македонскими колонистами, обязанными нести военную службу и получающими за это надел земли (вероятно, с рабами из местного населения) и внутреннее самоуправление для всего гражданского коллектива.

Большие изменения происходят после захвата Месопотамии парфянами. Прежде всего, граждане Дура-Европос, как и других греческих городов, лишаются своего привилегированного положения. При селевкидах греки и македоняне как завоеватели составляли господствующий слой населения; теперь, после появления новых хозяев — парфян прежние владыки отброшены в общую массу рядового населения парфянской державы. В городе размещается парфянский гарнизон, кормящийся за счет местных жителей. Кроме того, Дура-Европос отныне находится на самой селевкидо-парфянской, а позднее — на римско-парфянской границе. Пограничное положение в тот богатый войнами век вряд ли способствовало процветанию города. Однако,

как ни странно, именно за период правления парфян город достиг наивысшего расцвета.

Дело в том, что несмотря на постоянные войны и Парфия и Рим были крайне заинтересованы во взаимной торговле. Нарушение правильного товарообмена неблагоприятно сказывалось на внутреннем положении обеих стран. В результате взаимного торгового интереса в сердце Сирийской пустыни — в Пальмире возникло нейтральное буферное государство. Будучи независимо и от римлян и от парфян, оно вело чрезвычайно активную посредническую торговлю. На рынках Пальмиры встречались кунцы всех стран мира, в том числе и враждовавшие друг с другом — римляне и парфяне¹. Заправляли в городе богатые торговцы, снаряжавшие огромные караваны тяжело на-

¹ Пальмирские торговые колонии известны по всему миру — на западе остатки их находят в Британии; в самом Риме на холме Яникул раскопано пальмирское святилище, построенное местной торговой колонией; на востоке их обнаружили в Мерве — самой восточной точке парфянской державы. Впервые европейцы посетили развалины Пальмиры в 1691 г. Тогда здесь побывал англичанин Вильям Галифакс. Однако его рисунки и отчет о путешествии привлекли внимание только специалистов-археологов. Любопытно, что следующее посещение Пальмиры европейцем связано с историей нашей Родины. Во время похода Карла XII на Россию в его штабе находился шведский архитектор Корнелий Лоос. Когда после Полтавской битвы Карл XII бежал в пределы Турции и содержался в плену в Бендерах, Лоос находился при нем. Этот король-авантюрист во время своего пленения занимался от безделья проектированием новых мундиров для своей почти не существовавшей армии; деятельным помощником его был архитектор Лоос, рисовавший по королевским эскизам проекты формы для разных родов войск. Когда королю это занятие прискучило, Лооса отправили в путешествие в Сирию, Палестину и Египет для зарисовки их памятников. В числе прочих он зарисовал и пальмирские руины. К сожалению, значительная часть этих рисунков погибла во время пожара в Бендерах.

Широкую известность пальмирские руины приобрели после путешествия англичанина Вуда в 1753 г. После этого Пальмиру много раз посещали исследователи. Среди них одно из первых мест по праву принадлежит русскому путешественнику прошлого века Абамелек-Лазареву. Именно он обнаружил лучший из эпиграфических памятников Пальмиры — Пальмирский таможенный тариф — основной документ торговой политики Пальмиры. Большую роль в изучении прошлого этого государства сыграла и русская экспедиция Ф. И. Успенского и Б. В. Фармаковского. В последние десятилетия на территории Пальмиры работали многие экспедиции. В частности, в настоящее время там работает археологическая экспедиция Польской Народной Республики.

груженных верблюдов и отправлявшие их под собственной охраной через пески на восток — в парфянские города Месопотамии и на запад — в богатые приморские города Сирии. Огромные богатства, скопившиеся в руках этих торговцев и каравановожатых, привели к тому, что на месте маленького захолустного поселка кочевых арабов возник огромный прекрасный город, слава которого пережила века.

Отсвет коммерческого счастья Пальмиры пал и на Дура-Европос. Это первый город на территории Парфии, куда прибывали торговые караваны из Пальмиры. И идущие в пустыню и выходящие из нее караваны делали длительные остановки в Дура-Европос. Жители города очень умело используют это выгодное положение. Золото непрерывающимся потоком течет в Дура-Европос. Растет и обстраивается лавками шумный городской базар, возникают ремесленные мастерские, строятся дома богатых горожан, возводятся новые и перестраиваются старые храмы.

В течение всего парфянского периода продолжается рост и обогащение города. Однако в 162 г. н. э. парфяне после неудачной войны уступают город римлянам. Город буквально наводняется римскими солдатами. Римляне захватывают всю его северную часть, разрушают дома местных жителей, строя на их месте казармы, бани, цирк для своих солдат. Продолжавшееся почти 80 лет римское владычество обескровливает некогда цветущий город. Окончательный удар его благополучию наносит римско-персидская война середины III в. н. э.: город подвергается осаде, штурму и разграблению. После этого Дура-Европос перестает существовать.

Но эти события еще далеки. В то время, когда к Дура-Европос приближался наш караван пленников, город переживал пору расцвета. Первое, что бросилось в глаза пленным легионерам, — это укрепления города. Как люди военные, они не могли не оценить их мощь. Казалось, сама природа уже сделала город прекрасной крепостью. С востока его омывал Евфрат, крутые, обрывистые берега которого делали невозможным любое нападение с этой стороны. С севера и с юга плато, на котором возвышался город, отделялось от остальной равнины глубокими крутыми оврагами — «вади», как их обычно называют арабы. Вади уже сами по себе являются достаточно серьезным препятствием, однако вдоль их кромки жители Дура-Европос со-

орудили еще оборонительную стену с несколькими мощными башнями. Оставалась только одна уязвимая для нападений врага сторона — западная. Но и здесь — на плоской, как стол, лишенной естественных препятствий равнине жители города возвели мощные стены, толщиной более 3 м и высотой 7—9 м, построили 13 квадратных башен, выступающих за стены. Особенно хорошо они укрепили ворота, которые фланкировались двумя огромными башнями. С них легко можно было поражать противника, который попытался бы прорваться в город в этом месте. Если бы нападающие сумели разбить тараном первые ворота, то через несколько метров они оказались бы перед точно такими же. Зажатые в узком коридоре между башнями, они неизбежно понесли бы большие потери.

Внимательные римляне разглядели большие строительные работы, связанные с подготовкой к отражению римского нашествия. Дело в том, что первые укрепления, построенные сразу после основания Дура-Европос, были сделаны из сырцового кирпича. Но высокий уровень осадного дела римлян заставил парфян модернизировать свои укрепления. Сырцовые стены сносили и на их месте возводили более высокие каменные стены. Проходя под ними, кто-то из римских воинов, может быть, даже и радовался про себя, что ему удалось избежать штурма этих стен.

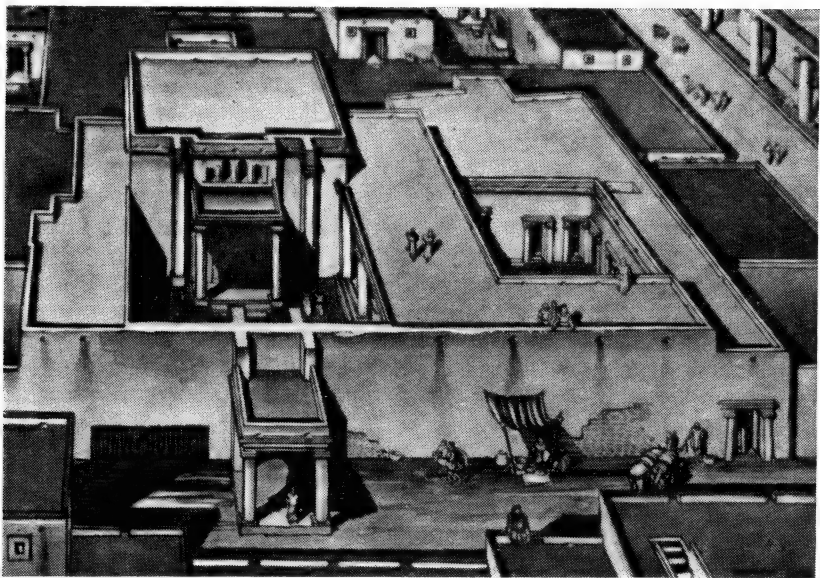
Но вот наконец пленные в городе. Их ведут по главной улице, с запада на восток разделяющей Дура-Европос пополам. Первое впечатление, что они находятся в одном из знакомых им греческих городов; та же правильная сетка прямоугольных кварталов, те же высокие стены домов без единого окошка, с небольшой калиткой — единственным входом внутрь. Но обманчивы первые впечатления. Римляне знают: греческий город — это сочетание кварталов, застроенных жилыми домами с глухими, одинаковыми стенами. Каждый дом обращен внутрь, вся жизнь сосредоточена там. Даже самые богатые дома, роскошные снаружи и богато убранные внутри, смотрят на улицу такими же глухими стенами. И всю монотонную линию улиц разбивают многочисленные великолепные общественные здания, в первую очередь храмы. Построенные первоклассными архитекторами, часто из мрамора, окруженные лесом колонн, нарядные и радостные, они врываются яркими пятнами в общий однообразный фон, создавая неповторимый облик греческого города. Ничего этого не видели

в Дура-Европос римские пленные. Все храмы, так же как и частные дома, прятались за каменными или сырцовыми стенами. По внешнему виду почти нельзя было решить, какая постройка скрывается за той или иной стеной: жилой дом или богатейший храм.

Но еще больше бы удивились римляне, очутившись за одной из таких стен. Допустим, что за ней находится жилой дом. В греческом доме главную роль играет внутренний дворик — центральная, организующая часть жилища. На север от дворика находится небольшой портик — крытая галерея, украшенная колоннами, а за ней — главное помещение дома. Остальные постройки по периметру окружают двор. В эллинистическое время в сколько-нибудь богатых домах портик нередко окружает весь двор, и за его колоннами скрываются все помещения.

Ничего этого римлянин не найдет в Дура-Европос. Он сможет отметить лишь одну привычную для него черту: здесь также центром дома служит маленький дворик. Вместе с тем, здесь совсем нет колонн. Главное помещение лежит не на севере, а на юге. В него ведет узкая дверь, за ней — прямоугольная комната, вдоль стен которой тянутся невысокие лежанки — суфы. Они покрыты циновками и коврами, на которых разбросаны маленькие подушечки. Когда хозяин дома принимает гостей, и он и его гости полулежат на полу. Наконец, еще одна черта, несказанно удивившая бы римлянина. Во дворе — лестница, ведущая на крышу. Там после жаркого дня располагаются все члены семьи. Здесь они ужинают, здесь же, растянувшись на кошах, укладываются спать. Греку и римлянину, привыкшему к наклонным, покрытым черепицей крышам, такое обыкновение показалось бы удивительным и, может быть, даже смешным. Но человека, знающего историю архитектуры, знакомство с этим строением натолкнуло бы на интересный вывод: с одной стороны этот дом очень похож на древние дома Вавилона, или Ура, строившиеся еще в III тысячелетии до н. э., а с другой — некоторые черты подобного жилища можно встретить в наши дни в деревнях и маленьких городах Ирана и Ирака. Однако римлянам оставалось только удивляться.

Еще больше могли поразить его храмы Дура-Европос. Привыкший к греческим и римским святилищам, возвышавшимся обычно посреди обширной площади и представлявшим собой прямоугольные здания, окруженные

Дура-Европос. Внешний вид одного из храмов
(II в. н. э.). Реконструкция

одним или двумя рядами колонн, римлянин должен был быть даже шокирован при виде храма в этом городе. Взять хотя бы храм Бела (обычно называемый храмом пальмирских божеств). Расположенный в самом углу городской застройки, он примыкает к городским стенам, так, что в угловую оборонительную башню можно попасть только пройдя через храм. Так же как и в жилом доме, центр храма — большой двор, к которому со всех сторон примыкают небольшие комнаты. Прямо против входа находится сравнительно небольшое помещение, в котором хранится культовая статуя божества, сбоку от него — еще меньшая комната для хранения священных предметов, используемых при священнодействиях. Остальные комнаты мало походят на помещения храма. В них размещаются обычные лежанки — суфы и небольшие столики с посудой; много ковров. По торжественным дням молящиеся собирались в этих комнатах и устраивали праздничный обед. Вообще местные храмы походили на клубы — в них предавались не только религиозным занятиям. В некоторых

храмах Дура-Европос имелись даже небольшие театры, где после богослужений танцовщики (а вероятнее всего, и танцовщицы) исполняли священные пляски.

Как уже отмечалось, дома Дура-Европос очень близки древневавилонским жилищам. То же самое можно сказать и о местных храмах. В свою очередь, нельзя не отметить, что первые, самые ранние дома и храмы в городе были чисто греческого облика. Ведь Дура-Европос являлся военной колонией селевкидских царей, его населяли греки и македоняне, принесшие с собой старые привычки, нравы и обычаи. Но с годами оторванные от родины греки, окруженные огромной массой чуждого им по языку и культуре населения, постепенно забывали свою старую культуру. Особенно этот процесс усилился с приходом парфян. Если раньше греческое происхождение гарантировало более высокое социальное положение и заставляло греков поддерживать свои обычаи как внешний знак своей принадлежности к высшему, избранному слою населения, то теперь все жители города оказались одинаково бесправными подданными одного парфянского царя. В таких условиях все чаще заключаются межплеменные браки, все шире вторгается в среду греков местная древняя культура. Наглядным примером этого может служить история храма Артемиды и Аполлона.

Эти два божества считались родовыми божествами селевкидов. Династия чтила Артемиду и Аполлона как своих покровителей, во многих городах Селевкидского государства строились им храмы. Был такой храм и в Дура-Европос. Он возвышался в самом центре города и считался главным городским храмом. Но поскольку храм сооружался вскоре после основания города, его внешний вид и отделка оказались сравнительно скромными и бедными. Со временем жители решили перестроить этот храм. Незадолго до парфянского наступления старый храм был разрушен, и на его месте начали возводить новый, более роскошный и монументальный. Но быстро меняющиеся вкусы затягивали строительство. Вскоре возведенные части храма разбираются, а на их месте строится новый храм, отвечающий уже местным традициям. Он по-прежнему посвящен Артемиде. Но это уже не греческая богиня-охотница: от прежнего божества осталось только название. Под именем греческой богини здесь почитают древнюю местную богиню Нанайю-Иштарь — богиню-мать,

Дура-Европос. Рельеф с изображением бога Афлады
(II в. н. э.)

олицетворяющую собой символ плодородия. Скоро имя ее появится и в надписях этого храма.

Так постепенно исчезают на Ближнем Востоке следы греческой культуры, занесенной сюда походами Александра Македонского и его преемников. А ведь было время, когда высшие слои тогдашнего общества стремились во что бы то ни стало приобщиться к ней. Стать греком для них — это получить лучшую гарантию своего господствующего положения. Но греческая культура, как тонкая масляная пленка, покрывает бушующий океан культуры покоренных народов. Ее принесли немногочисленные греки, и восприняли ее только господствующие слои. И как известно, масляная пленка лишь на считанные минуты может утихомирить какую-то часть бушующего океана. Так и греческая культура преобладает на Востоке лишь исторически короткий период. Пришли парфяне, и она отступает, распадается, оставляя после себя лишь отдельные элементы. Вновь оживают древние культурные традиции Месопотамии, с востока уже подходит волна культурных влияний победителей — парфян, остаются кое-какие элементы и греческой культуры.

Всю эту сложную, противоречивую картину мы можем наблюдать благодаря раскопкам Дура-Европос. Больше того, благодаря наредкость сухому климату, в развалинах Дура-Европос сохранились документы, обычно редко доходящие до нас. Это папирусы и пергаменты. Из этих документов мы узнаем много интересного о быте населения Дура-Европос. Вот, например, договор, заключенный между неким Барлаем, сыном Татая, жителем деревни Фалига, и Фраатом. Судя по именам, Барлай — выходец из местного населения и, возможно, общинник. Фраат — явно парфянин. Он дает займы Барлаю 400 драхм под залог всего имущества должника. Кроме того, Барлай обязуется выполнять все, что ему прикажет Фраат, т. е. быть его временным рабом. Мы не знаем, какая беда случилась с бедняком, почему ему срочно понадобилась довольно значительная сумма, за которую он готов отдать самое дорогое — свободу, не знаем, удалось ли ему впоследствии уплатить долг. Однако документ свидетельствует о какой-то трагедии, разразившейся в глубокой древности.

Можно было привести еще множество интересных документов, но нам пора отправляться за караваном пленных римлян.

Итак, мы покидаем Дура-Европос — один из замечательных памятников древней истории. Наш путь лежит на юг, в сердце Месопотамии — в Селевкию.

Предки Багдада

Кто теперь не знает Багдада — столицы Иракской Республики, города, бурной и тревожной сегодняшней судьбы. Больше того, для большинства из нас сквозь газетные сообщения неясными, но яркими и радостными контурами проступает сказочный Багдад — город «Тысячи и одной ночи», мудрого и справедливого халифа Гаруна ар-Рашида, маленького Мука и других друзей нашего детства.

Багдад заслужил славу, будучи крупнейшим политическим, торговым и культурным центром средневекового Ближнего Востока. Своим процветанием он обязан главным образом исключительно удобному географическому положению: Багдад расположен в самом узком месте пересечения важнейших торговых путей, идущих с запада на юг и с востока на запад. Город был основан арабами в VII в. Но оказывается уже в глубокой древности, во времена зарождения древнейших ближневосточных городских цивилизаций, в этом районе существовал крупнейший городской центр, центр притяжения всех окружающих областей. Сначала это был Вавилон, затем при селевкидах — Селевкия на Тигре, а потом — столица парфян и Сасанидского царства — Ктезифон.

Караван пленных римлян ведет нас к Селевкий, ибо там должен был, как мы помним, отпраздновать свой триумф победитель Сурена. Но что увидим мы в Селевкий? К сожалению, очень немногое. Несмотря на то, что этот великий город упоминается в произведениях древних писателей гораздо чаще, чем сравнительно небольшой центр Дура-Европос, археологи исследовали Селевкию гораздо слабее. Те небольшие раскопки, которые там были проведены, по своему масштабу не идут ни в какое сравнение с работами в Дура-Европос.

Первой трудностью, с которой столкнулись археологи, явилась локализация местонахождения этого древнего города. Дело в том, что, согласно сообщениям древних писа-

телей, рядом с Селевкией находился Ктезифон и где-то поблизости — древнеавилонский Опис. Разобраться в раскинувшихся на многие километры развалинах, определить, какие бугры (телли) относятся к тому или иному городу, оказалось задачей весьма трудной. Положение осложнялось и тем, что река Тигр, — главный ориентир поисков (известно, что Ктезифон и Селевкия находились на разных ее берегах) — за это время изменила свое русло.

Исследования проводились под руководством американского ученого Л. Ватермана, искавшего в первую очередь Опис. Хотя поиски этого города не увенчались успехом, с помощью аэрофотосъемки археологам удалось определить местоположение Селевкии и Ктезифона. Оказалось, Тигр теперь течет посредине Ктезифона: древний город был разрезан на две части. Теперь отпали сомнения ученых относительно величины Ктезифона. Прежде они судили о ней по одной половине древнего города, принимая вторую за пригород Селевкии. Оставалась еще проблема Описа. Удовлетворительно она не решена и до сих пор. Но можно думать, что при своем постепенном росте Селевкия захватила территорию этого древнего города, превратив его в свой пригород, — при раскопках Селевкии археологи обнаружили предметы, явно более древнего времени.

Согласно сообщениям древних авторов, Селевкия была построена около 300 г. до н. э. и некоторое время являлась столицей Селевкидского государства. Позднее столица переместилась на запад в Антиохию (Сирия), но город оставался важнейшим центром восточной части державы, резиденцией наместника Востока, которым чаще всего был наследник престола. Древнеримский писатель Плиний писал, что город насчитывал 600 тысяч жителей и соперничал по величине и великолепию с Римом, Антиохией и Александрией.

Однако чем же встретила Селевкия пленную римскую армию? Позором, который вряд ли когда-нибудь переживали римляне. Вот что писал о тех днях греческий писатель Плутарх: «Сурена послал Гироду (парфянскому царю) в Армению голову и руку Красса, а сам, передав через вестников в Селевкию слух о том, что ведет туда живого Красса, устроил что-то вроде шутовского шествия, издевательски называя его триумфом: один из военнопленных, очень похожий на Красса, Гай Пакциан, надев платье пар-

фянской женщины и наученный отзываться на имена Красса, ехал, сидя на лошади; впереди его ехали верхом на верблюдах несколько трубачей и ликторов, с фасциев которых свешивались кошельки, а к секирам прикреплены были только что отрезанные головы римлян; позади следовали селевкийские гетеры-актрисы, издевавшиеся на все лады в шутовских, смехотворных песнях над слабостью и малодушием Красса. А народ смотрел на это»¹.

Но вот окончен издевательский «триумф», римляне могут осмотреться. К сожалению, мы можем только в самых общих чертах представить себе увиденное ими. Огромный город омывался с восточной стороны Тигром, связывающим его с самыми отдаленными уголками Востока. В гавани теснились суда, принадлежавшие различным странам. К северу от порта возвышался огромный мост, связывавший Селевкию с Ктезифоном. Весь город опоясывала стена протяженностью (по словам древнего географа Страбона) 300 стадий, то-есть примерно 54 км. Внутри город делился на три части. Самую северную занимали дворцы и храмы. От центральной части их отделяла широкая улица, выходящая к мосту через Тигр. Вся центральная часть города была разбита на жилые кварталы. Ровная сетка кварталов напоминала о том, что город основан греками в эллинистическую эпоху, когда подобный метод планировки получил широкое распространение. Дальше к югу протекал широкий судоходный канал, связывающий Евфрат с Тигром. За ним начиналась южная часть города, занятая общественными зданиями (театр, официальные помещения городских магистратов, обширная торговая площадь и т. д.).

Все эти сведения получены без раскопок, только путем аэрофотосъемки и поверхностного обследования. Раскопки до сего времени проведены только в очень немногих частях города. Удалось лишь вскрыть один жилой квартал, несколько могил и большую мастерскую по переработке фиников, где изготавливались финиковое вино и пастила.

Наиболее интересными оказались раскопки жилого квартала. В общем они нарисовали такую же картину, что и раскопки жилых кварталов Дура-Европос. Как и там, в Селевкии наблюдается переход от греческого к восточному типу жилищ. Однако здесь характер дома несколько иной.

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, стр. 262—263.

Главное место в нем занимает так называемый айван — обширная комната со сводчатым перекрытием, лишенная передней стены. Кроме того, если в Дура-Европос переход к новому типу дома происходит медленно, отражая постепенное изменение культуры городских жителей, то в Селевкии он наступает внезапно. Несомненно, здесь происходили какие-то иные процессы. Но какие? Ответ надо искать в произведениях древних писателей.

Вначале Селевкия — крупнейший центр Селевкидской державы на востоке. Но около 140 г. до н. э. город захватывают парфяне. Когда же войска селевкидского царя Деметрия II Никатора вновь появляются в Месопотамии, жители Селевкии переходят на сторону прежних владык. В 130 г. до н. э. в Месопотамию вступают войска другого селевкидского царя — Антиоха VII Сидета. Селевкия вновь восстает против парфян. Население города жестоко расправляется с парфянским наместником Ахеем. Но все попытки селевкидов вновь завоевать Месопотамию терпят неудачу. Город-бунтарь на время затихает.

Однако вскоре в Сирии укрепляются римляне. Пытаясь продвинуться дальше на восток, в пределы Парфии, они используют не только военные методы (походы Красса, затем Антония). Римские правители не гнушаются и политической интриги, выдвигая своих претендентов на аршакидский престол. Позиция Селевкии остается прежней. В 57 г. до н. э. в Месопотамию из римской Сирии прорывается отряд некоего Митридата. Селевкия поддерживает этого претендента на аршакидский трон во время его войны с парфянами. Но войска Сурены берут штурмом этот мятежный город. Проходит 20 лет, появляется новый римский претендент, и снова Селевкия — на его стороне. То же самое повторяется в начале I в. н. э., когда римские ставленники один за другим получают поддержку от городов Месопотамии, в первую очередь — Селевкии. В начале 36 г. н. э. положение в Парфии обострилось. Государство буквально раздиралось внутренней борьбой. И население Селевкии решает, что настал решительный момент для борьбы за свою независимость. Семь лет длится новое восстание. Но в 43 г. н. э. оно оказывается подавленным, и город окончательно лишается своей автономии.

Характерно, что как-то сразу после этого рокового года меняется стиль архитектуры города. Никто не строит больше греческих домов. Очевидно жители побежденного горо-

да были репрессированы, часть их была выселена, а может быть, даже продана в рабство. На их место властители Парфии поселили верных им людей (конечно, не греков), которые принесли с собой свою культуру, свои обычаи, в том числе и свой тип дома. Так сочетание археологических раскопок и письменных источников позволяет восстановить с очень большой долей вероятности движущие пружины изменения культуры города.

Но в те времена, когда через Селевкию шли пленные легионеры, город еще могуч, и парфянские цари вынуждены считаться с этим. Даже взятый и опустошенный войсками Сурены, он опасен для парфян. Они не решаются лишить Селевкию главной привилегии — внутреннего самоуправления. Римляне не могли не отметить, что местное население сочувствует им. Правда, не все жители выражают свои симпатии пленным солдатам Рима. Ведь город с каждым днем все сильнее раздирают внутренние междоусобицы. Впрочем, они-то главным образом и помогают парфянским царям удерживать его в повиновении. Нередко внутренняя борьба жителей Селевкии оканчивается трагически. Об одном из ее эпизодов рассказывает древний писатель Иосиф Флавий:

«Между греками и сирийцами происходили постоянные споры и разногласия, причем, однако, победителями всегда оставались греки. Теперь же, когда в этот город переселились иудеи, перевес оказался на стороне сирийцев, потому что к ним примкнули иудеи, привыкшие к опасности и отличавшиеся также способностью воевать. Тогда греки, видя, что они в меньшинстве, и считая единственным средством к восстановлению своего прежнего значения разьединение иудеев и сирийцев, вступили в переговоры с теми сирийцами, с которыми они раньше были близки, и обещали им мир и дружбу. Те охотно на это согласились. Таким образом, обе стороны вступили в переговоры, которые вели наиболее выдающиеся представители той и другой партии. Вскоре состоялось полное соглашение. После этого, желая дать друг другу веское доказательство взаимной дружбы, они воспользовались ненавистью к иудеям, напали на них неожиданно и перебили свыше 50 000 человек»¹.

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. II. СПб., 1900, стр. 341.

На первый взгляд — это обычное межплеменное столкновение. Но при более внимательном изучении события в нем отчетливо проступают социальные черты. Ведь только греки являлись полноправными гражданами города, им принадлежала вся власть. Иосиф Флавий так и говорит, что в столкновении греков с сирийцами победа всегда остается на стороне греков. Постоянная борьба за полные гражданские права могла окончиться победой сирийцев лишь благодаря новой силе, выступившей на их стороне, — иудеям, которые также были бесправными в городе и, естественно, поддерживали сирийцев. Но греческая верхушка вновь проявила свою политическую изворотливость: она натравила друг на друга вчерашних союзников.

Итак, римляне проходили Селевкию с ее широкими улицами, богатой торговой площадью и шумным поргом, где выгружались товары со всех концов света. Может быть, кто-нибудь из пленных легионеров отплыл в качестве только что купленного раба в какой-нибудь дальний город. Ведь Селевкия считалась важнейшим центром работорговли. Не случайно археологи находят при раскопках печати, которыми скрепляли договоры. Эти печати указывали, что налог за покупку раба оплачен полностью.

Вряд ли римляне сумели побывать на другом берегу Тигра, в Ктезифоне — парфянской крепости и столице, расположенной рядом с мятежной Селевкией. Этот город, особенно его парфянские слои, мало известны науке, их еще почти не тронула лопата археолога. Но сколько могли бы они поведать о некогда великом городе, бывшем столицей парфян, а затем их восставших вассалов — сасанидских царей!

Немым укором археологам возвышается над равниной величественный свод Так-и-Кисра — огромного дворца царей. Его руин еще не касались по-настоящему исследователи.

Итак, из «предков» Багдада остался только самый старый — Вавилон. Но возникает справедливый вопрос: разве он продолжал еще существовать в то время? У историков как-то считалось само собой разумеющимся, что Вавилон погиб вскоре после завоевания Александром Македонским, хотя сам Александр стремился создать на этом месте столицу своей мировой державы. Его ближайшие преемники, основав Селевкию, обескровили Вавилон. Это мнение под-

тверждалось и некоторыми сообщениями древних авторов, для которых Вавилон — только далекое прошлое, а отнюдь не реально существующий город. С другой стороны, целый ряд писателей упоминает о Вавилоне как о городе, который продолжал жить и при селевкидах, и при парфянах. Об этом говорит и уже знакомый нам Иосиф Флавий. Часто вспоминает о Вавилоне «Вольтер древности» — Лукиан. Ему хочется особенно верить — ведь он родился в Месопотамии, в городе Самосата и иногда даже называет себя ассирийцем. Лукиану, пожалуй, лучше, чем кому-либо, должны быть известны события в Вавилонии — соседке его родины. Да и Страбон, упоминая о Вавилоне, говорит, что Селевкия сейчас больше этого города. Значит и для него Вавилон — реально существующий город, хотя и небольшой по сравнению с великой Селевкией. Наконец, вспомним знаменитое путешествие Аполлония Тианского в Индию — его путь лежал через Вавилон, и Филострат, описавший это путешествие, довольно подробно рассказывает о всех событиях, происшедших с героем в этом городе. И если приключения Аполлония зачастую носят волшебный характер, то весь фон, на котором они разворачиваются, совершенно реален. Здесь и поставленная царем охрана города Вавилона, и боящийся за свой трон царь Вардан (это хорошо согласуется со знакомыми нам событиями внутриполитической жизни Парфии того времени), и река, делящая Вавилон на две части, и роскошный дворец парфянского владыки, и жертвоприношение богу солнца Гелиосу белого коня. Словом, повсюду в повествовании Филострата разбросаны те мелкие реальные подробности, которые заставляют поверить в существование Вавилона, каким его описывает автор.

Вместе с тем обилие реальных подробностей может показаться подозрительным. Ведь очень часто легенды добросовестно раскрашиваются подробностями для большей правдоподобности. Но нуждается ли «Жизнь Аполлония» в такой подчеркнутой правдоподобности? Даже очень. Нельзя забывать, что это произведение написано в III в. н. э., в пору достаточно широкого распространения христианства, когда повсюду были известны христианские евангелия, описывающие чудесную судьбу бого-человека Иисуса Христа. Распространение христианских идей встречало решительный отпор со стороны больших групп людей, предпочитавших античное мировоззрение. Борьба за

души людей, шла как путем критики христианского учения (Цельз, Лукиан), так и путем противопоставления христианским святым своих богов. Именно такую роль и должно было сыграть описание жизни Аполлония Тианского, составленное Филостратом. Неопифагорейцы, представлявшие одно из религиозно-философских течений поздней античности, пытались противопоставить Христу своего бого-человека — Аполлония, который также жил среди людей, путешествовал, учил, творил чудеса, страдал за людей. И конечно, в описание жизни Аполлония, созданное через два столетия после его смерти, легко включались и якобы совершенные им чудеса, для вящего прославления его философской школы. Поэтому, конечно, трудно судить, составлено ли описание Вавилона на основании доброкачественных источников (быть может, записок какого-либо грека, жившего в это время в Вавилоне) или оно целиком от начала до конца придумано Филостратом с целью создать как можно более красочный фон для великих дел, совершаемых его героем.

Таким образом, на основании исторических источников решить вопрос о том, что представлял собой Вавилон в парфянское время — задача достаточно трудная. Нелегко найти правильное решение этой проблемы, не вырвавшись из этого круга противоречивых сообщений. Но у истории есть надежная союзница — археология. Она часто выступает в качестве третейского судьи, когда письменные источники противоречат друг другу.

К сожалению, только в сравнительно недавнее время археологи, работавшие в Вавилоне, заинтересовались парфянскими слоями. Раньше их привлекали более древние слои, а верхние, парфянские слои, были для них лишь досадным препятствием, поэтому они безжалостно разрушались. Парфянский Вавилон заговорил сам. Первыми признаками существования этого города при селевкидах и при парфянах, явились три греческие надписи, найденные в нем еще в начале XX в. Они сообщали о городском совете и организации мальчиков-эфебов. Затем исследователи откопали греческий театр. Но это был не маленький театрик Дура-Европос или Селевкии — пристройка к храму, предназначенная для исполнения священных песнопений и плясок, а настоящий большой театр чисто греческого типа. К театру была пристроена палестра — место для гимнастических упражнений. Встретить типичное для греческих

городов учреждение в сердце Месопотамии было еще более удивительным, чем найти сам театр.

Археологи обследовали и обширный жилой дом парфянского времени, имеющий, как выяснилось, интересную историю. За всю свою жизнь этот дом четыре раза перестраивался, одно время в нем находилась какая-то мастерская, а в самый последний период двор его был обнесен монументальной колоннадой, создавшей так называемый перистиль. И наконец, археологи нашли остатки грандиозной улицы, обрамленной по краям колоннами. Хотя построены они были из сугубо местного материала — глиняных кирпичей, сам факт существования такой улицы свидетельствовал о греческих вкусах жителей Вавилона: в больших греческих городах такие колоннадные улицы — обычное явление. Но самое интересное — эта улица шла в том же направлении, что и гораздо более древняя «улица процессий». В древнем Вавилоне по «улице процессий» во время главных религиозных празднеств торжественно шествовали жрецы. Они проносили сквозь шумные толпы народа изображения богов, чтобы население могло лицезреть своих небесных владык, а те в ответ на такое поклонение, милостивее относились бы к городу. Но если главная улица, как и сотни и тысячи лет назад, оставалась основной артерией города, ведущей к главному городскому храму, значит жители Вавилона сохраняли многовековую традицию древних религиозных праздников. Греческий театр, палестра и надписи не мешали им чтить древних вавилонских богов.

Не зря выступила археология в качестве третейского судьи. Она решительно высказалась в пользу тех древних авторов, кто писал о Вавилоне как о реально существующем городе. Может быть, в дальнейшем археологи найдут и чудесный дворец парфянского царя Вардана, описываемый Филостратом, и тогда мы окончательно убедимся в правдивости его сообщений о Вавилоне. Ведь один раз археология уже подтвердила бытовую точность этого автора. Аполлоний, согласно Филострату, бывал и в Индии, в частности в городе Таксила. И вот одним из главных аргументов против достоверности описания Филостратом Таксилы долгое время являлся его рассказ о том, что дома местных жителей в какой-то степени находятся под землей. Однако при раскопках Таксилы выяснилось: уровень улиц действительно был значительно выше уровня полов

в домах и для того, чтобы с улицы попасть в дом, приходилось спускаться на несколько ступенек. Таким образом, Филострат, как бытописатель один раз уже был реабилитирован. Быть может, ему суждено во второй раз быть реабилитированным Вавилоном?

Родина парфян

После празднества в Селевкии караван римских пленников двинулся на север. Направляясь вдоль бурного Тигра, он вновь пересекал месопотамские равнины. Вскоре караван уже миновал строившуюся в то время твердыню парфянского владычества в Месопотамии — Хатру, с ее огромным дворцом — храмом, затем и древнеассирийский город Ашур, переживавший в парфянское время свое второе рождение.

Отсюда караван повернул на восток. Ему предстояло пройти мимо Фрааспы, крепости и священного города парфян, у стен которого через несколько лет потерпит жестокое поражение следующий неудачливый римский завоеватель Парфии Марк Антоний. И вот позади Фрааспы, на пути каравана уже возникли возвышающиеся одна на другой три линии стен Экбатан, летней резиденции парфянских царей. Здесь среди прохлады предгорных долин аршакидский двор скрывался от жестокой летней жары Месопотамии. А дальше лежал грозный Копет-Даг. Его темно-серые скалистые вершины и пышные зеленые долины отделяли современный Иран от Южного Туркменистана.

Несколько дней шли римские пленники по горным дорогам и узким, нависшим над пропастями тропкам. Охраны с ними почти не было: бежать отсюда, из самого сердца парфянской земли, казалось немыслимым. Многие из сопровождавших караван ускакали вперед — там, за горами была родина, туда в маленькие предгорные деревушки, шумные города и тихие оазисы среди песков спешили истосковавшиеся по дому воины. Радость парфян усугубляла отчаяние пленников. Все вокруг чужое — чужие суровые горы и пышущие зноем пески, чужие люди, чужой непонятный язык, незнакомые обычаи... Там, в Ме-

сопотамии, они могли слышать иногда знакомый римлянам греческий язык, там они могли надеяться на побег и на помощь греков. Но тогда охрана была суровой и бдительной. А как мечтали они тогда о том, чтобы при первой оплошности охранников скрыться, затаиться, а затем пробраться на родину. И теперешняя небрежность охраны угнетала их — ведь это означало, что отсюда пути назад нет.

Наконец, КопетДаг остался позади. Впереди желтело бесконечное песчаное море; лишь кое-где языками вдавалась в него береговая зелень текущих с гор речушек, теряющихся с каждым километром свою силу среди безжизненных песков. Узкой лентой между горами и песками Кара-Кум вытянулась полоса плодородной земли. Жаркое солнце и обилие воды сделало этот край настоящим раем среди безжизненных песков. Здесь, на этой полоске земли родилась Парфия, здесь лежал ключ ко многим загадкам истории и культуры всего Ближнего Востока в позднеантичную эпоху.

Загадки эти возникли не сегодня. Они порождались всем ходом изучения парфянской проблемы. В западной науке до недавнего времени были широко распространены представления, крайне принижающие парфянскую культуру. Одни буржуазные ученые считали ее эклектичной. Они видели в ней только деградацию греческой культуры, пришедшей в соприкосновение с миром восточных малокультурных народов. Другие, хотя и придерживались в отношении парфянской культуры иной точки зрения, но в итоге также приходили к отрицательной оценке ее. Эти ученые сравнивали парфянскую культуру не с греческой, а с культурой Ахеменидского и Сасанидского Ирана. По их мнению, она являлась отказом от достижений предшествующей (ахеменидской) поры, яркие самобытные черты которой якобы возродились лишь при «национальной» династии Сасанидов.

Первый удар по этим концепциям нанесли раскопки в Дура-Европос. Они показали, что хотя культура Парфии зиждется на совсем иных основаниях, нежели античная, она тем не менее внесла ощутимый вклад в общую сокровищницу мировой культуры. Однако нельзя забывать, что Дура-Европос, как и многие города Месопотамии, — лишь западная окраина парфянской державы и в их культуре тесно переплелись черты, свойственные как

местному населению Месопотамии, так и новым хозяевам Месопотамии — парфянам. Кроме того, в нее влилась еще одна достаточно сильная струя — культура древней Греции. Выделить, что же именно принадлежит парфянам, — задача чрезвычайно сложная. Сложность ее усугублялась тем, что до недавнего времени науке почти совсем не были известны памятники, относящиеся к коренным парфянским территориям.

И, как всегда, когда отсутствуют подтверждающие факты, росли и плодились всевозможные гипотезы и домыслы. Не имеющие твердого основания, они пытались укрепиться за счет хитроумного построения. То переплетаясь, то противореча друг другу, они создали запутанный клубок мнений, из которого, казалось, невозможно найти выход.

Однако выход был, и заключался он в проведении широких раскопочных работ на собственно парфянских территориях. Родина парфян — это часть северного Ирана и большая часть Южной Туркмении.

Северный Иран и до сего времени — почти сплошь белое пятно на археологической карте, причем нет особых надежд на то, что положение в ближайшее время может измениться. Таким образом: решить загадку парфянской культуры предстояло советской археологии. Это понимали ученые многих стран. Недаром в очерке истории иранского искусства, созданном международным коллективом ученых, раздел, посвященный парфянскому искусству, заканчивается следующей фразой: «Время, когда подлинно парфянский стиль был принесен с Востока на Запад, будучи в своих основных началах связан с еще неизвестным греко-бактрийским зодчеством, — это проблема, которая еще ждет своего разрешения; может быть, результаты раскопок Нисы близ Ашхабада прольют на это некоторый свет»¹. Эти строчки оказались пророческими. Именно раскопки древней парфянской столицы Нисы заложили основной камень в создании научной истории парфянской культуры и искусства. Раскопки эти начались еще в 30-е годы под руководством А. А. Марущенко. Но настоящее открытие Нисы связано с работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), руководимой М. Е. Массоном.

¹ Survey of Persian art. N. Y.— London, 1938, vol. I, p. 444.

Значение Южного Туркменистана для решения многих вопросов истории и истории культуры давно уже создавалось Массоном, но первый эскиз будущего плана работ он набросал лишь в 1942 г., в суровые дни Великой Отечественной войны. М. Е. Массон и академик В. В. Струве составили план раскопок Южного Туркменистана, который был представлен Президиуму Академии наук СССР. В 1946 г. состоялось Всесоюзное археологическое совещание, утвердившее создание ЮТАКЭ. Одно из основных мест в ее работе отводилось парфянской проблеме.

Главным объектом раскопок в первые годы стала Ниса. К ней и приближался караван римских пленников.

Что же представляла собой древняя столица парфянского государства? Караван движется по пыльной дороге, кругом зеленеют хорошо возделанные поля, на них работают крестьяне и рабы. Журчит вода, маленькие каналы отводят воду из текущих с гор ручьев на жаждущие поля, виноградники, сады. Но вот караван подходит к воротам. Римляне удивлены. Они думали, что столица Парфии должна иметь совершенно неприступные укрепления, а здесь даже не стена, а какой-то забор из сырца и битой глины — пахсы высотой 3 м.

Караван медленно входит в ворота, но за ними нет города — кругом зелень садов, возделанные поля, высокие деревья. Правда, дома встречаются все чаще, иногда виднеются огромные усадьбы. Вскоре недоумение пленников рассеивается. Перед ними — не город, а только его ремесленно-земледельческий пригород, окруженный особой стеной. Наконец показываются и стены самого города, от взглядов римлян их долгое время скрывала зелень деревьев. На этот раз ожидания не обманули пленников. Колоссальной толщины стены с многочисленными башнями, ощетилившиеся зубцами бесчисленных бойниц — все это производит огромное впечатление тяжелой, давящей мощи. Они словно олицетворяют силу государства, пленниками которого оказались римляне.

Внутри города имеется еще одна стена, отделяющая собственно город от цитадели, которая возвышается над городом: ее постройки и стена занимают естественный холм в юго-западной части города. На стенах цитадели день и ночь расхаживают часовые, настороженно поглядывая в сторону города. Ведь в цитадели располагаются не

только административные учреждения и казармы, но и дома парфянской знати, а там, внизу, теснятся домишки городской бедноты, сделанные даже не из сырцового кирпича, а просто из битой глины — пахсы.

Мощь стен Нисы была столь велика, что они стоят до сего времени. Они верой и правдой служили всем хозяевам города вплоть до XVIII в. Даже грандиозное ашхабадское землетрясение в 1948 г. не разрушило их. Наоборот, оно сбросило со стен все, что наслоили на них последующие века, очистив таким образом парфянские кладки.

Но для нашего рассказа сейчас гораздо интереснее царский заповедник — Старая Ниса, находившийся к юго-востоку от самого города (сейчас он называется городище Новая Ниса). Старая Ниса считалась священным местом аршакидской династии. Здесь совершался культ обожествленных предков парфянских царей. Пленные римляне могли попасть в Старую Нису в составе торжественной процессии, бывшей частью большого победного праздника, — предкам показывалась новая, невиданная и такая почетная добыча.

Торжественное шествие медленно приближается к Старой Нисе. На этот раз римляне действительно поражены. Над ними вздымаются огромные с небольшим наклоном назад зубчатые стены, сложенные из сырцового кирпича, высотой 10—12 м. Зубцы, многочисленные огромные башни, колоссальное количество бойниц — все это производит впечатление мощи, спокойствия и величия.

Но римляне не замечают еще одной детали, которая делает крепость неуязвимой для всех стенобитных орудий того времени. Дело в том, что при строительстве крепости был использован естественный холм. Его округлым очертаниям строители придали геометрически правильные формы, отвесно обрубив края. Получилась огромная ровная платформа с крутыми обрывистыми краями высотой 5—7 м, на которой и возвели крепостные стены. Таким образом, вражеским стенобитным машинам противостояли не просто стены, а мощный естественный монолит, разбить который никакому тарану было, конечно, не под силу.

Пленных подводят к подножию стен. Для того, чтобы попасть в город, нужно пройти по узкому отлогому подъему вдоль стены — пандусу, ведущему к городским воротам. И это место, обычно уязвимое для врага, поражает римских воинов своим продуманным устройством.

Пандус тянулся узкой полого поднимающейся лентой вдоль стены Нисы. Для штурмующих путь по нему был бы смертельно опасен: пандус располагался так, что щит, защищавший левый бок воина, оказывался бесполезным. Наступающие могли двигаться по нему лишь повернувшись незащищенным правым боком к стене, с которой на них градом летели стрелы, дротики, копья, камни. Упирался пандус в огромную башню со своеобразным устройством, так называемым предвратным лабиринтом. Если бы врагам удалось прорваться через ворота, то они попадали в этот лабиринт — западню и легко уничтожались защитниками города. Нелегко приходилось и отступающему противнику. Ему предстоял обратный путь по усеянному трупами пандусу, под меткими ударами парфянских стрелков — ведь спрыгнуть с пандуса вниз с высоты 3—4 м, да еще в полном вооружении, было очень трудно.

Но на этот раз римлянам ничто не угрожало. Ворота широко распахнулись, и процессия медленно вошла внутрь. Прямо перед римлянами возвышалась группа громадных зданий. Это были дворцы и храмы. Чуть правее зеленел парк, среди ветвей которого проглядывало узкое здание, пристроенное к крепостной стене, казармы парфянских гвардейцев.

Главный церемониал совершался перед храмом обожествленных предков. И пока он продолжался, римлян отвели в глубь крепости, на свободное пространство между храмами и большим комплексом зданий на севере. Здесь находилось огромное здание, как потом узнали римляне, — царская сокровищница, окруженная небольшими домами хозяйственного назначения. На толпу пленных с любопытством смотрел выбежавший оттуда мелкий люд священного города, которому доступ к главным церемониям был закрыт: чиновники низших рангов, писцы, служители и рабы при огромных винных складах. Римлян уже не удивлял внешний вид этих людей, одетых в длинные белые рубахи и широкие шаровары. Рубахи людей побогаче были расшиты цветными нитками. На ногах жителей Нисы были легкие туфли с загнутыми носками.

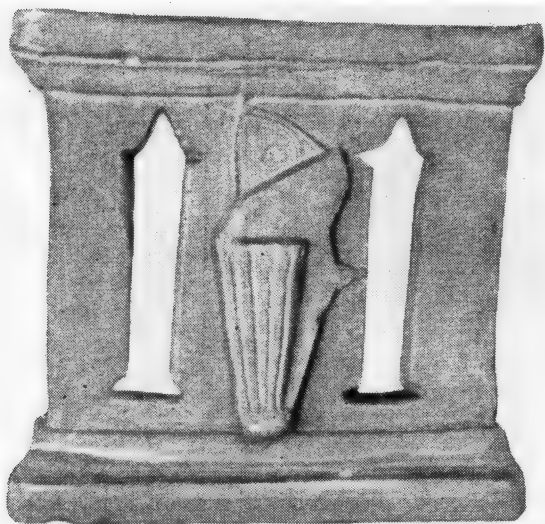
Взгляды римлян привлекало здание сокровищницы. Они с жадностью думали о хранящихся там несметных богатствах и редкостных вещах, собранных со всего света. Но они не знали, что это была не обычная сокровищница, а сокровищница умерших царей. Этот огромный

дом состоял из нескольких комнат, сгруппированных по периметру вокруг большого двора. Каждая комната хранила сокровища какого-нибудь одного аршакидского царя; после его смерти дверь замуровывалась и опечатывалась.

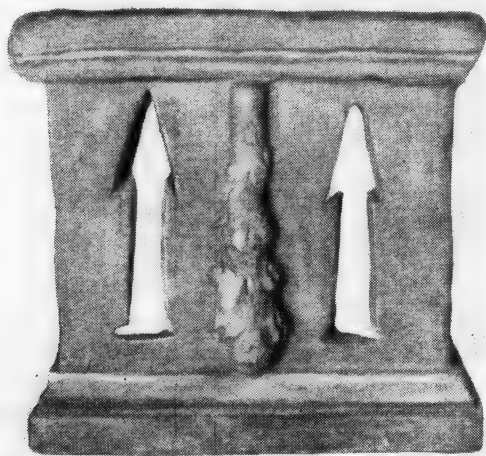
Однако простимся на время с нашими римлянами и подробнее ознакомимся со знаменитой парфянской сокровищницей. О богатствах аршакидских царей можно судить по содержимому даже одной, например, одиннадцатой по счету, комнаты сокровищницы. Но для этого нам придется вновь перенестись из середины I в. до н. э. в середину XX в. н. э. и ознакомиться с историей ее открытия.

В начале осени 1948 г. начальник ЮТАКЭ М. Е. Массон наметил места раскопок в районе сокровищницы Старой Нисы. Вскоре начались работы. Они шли своим чередом и каждый день приносил новые факты. Вскоре неотложные дела потребовали выезда М. Е. Массона в Ташкент. А через несколько дней после его отъезда один из коллекторов экспедиции нашел маленькие фрагменты растрескавшихся изделий из слоновой кости, на которых имелись какие-то рисунки. Трудно описать энтузиазм членов отряда — слоновая кость и на ней миниатюрные высокохудожественные изображения! Но вскоре всех охватило отчаяние: когда начальник отряда Е. А. Давидович с помощью коллекторов попыталась расчистить обнаруженные предметы с помощью ланцета и кисточки, кость стала крошиться. Даже легкий ветерок грозил уничтожить эти необычайные находки, едва вырисовывающиеся среди разрытой земли. Все ясно видели: в земле находятся какие-то очень большие сосуды в форме рогов (ритоны) и на них — множество выточенных фигур. И было вдвойне обидно, что это поразительное богатство невозможно достать. После долгих споров решили прекратить вскрытие и немедленно сообщить обо всем происшедшем начальнику экспедиции. Тотчас после получения этого сообщения обратились в Эрмитаж и Институт истории материальной культуры (теперь Институт археологии) с просьбой командировать на место раскопок самых опытных реставраторов — В. Н. Кононова и А. В. Кириянова.

В лагере установилось некоторое спокойствие. Все ждали приезда начальника экспедиции и реставраторов. Около места открытия старались даже не ходить, чтобы

a

b

Старая Ниса. Терракотовые плитки из декора храмов
(II в. до н. э.)

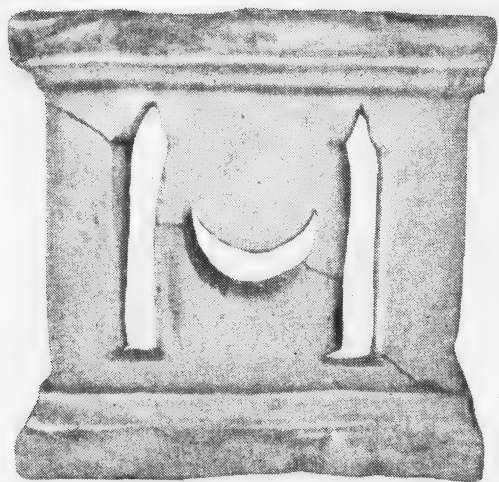
a — горит с луком; *b* — палица Геракла

случайно не потревожить редкостные находки. Там установили круглосуточное дежурство. Несмотря на строгие правила экспедиционной жизни, предписывавшие жить в лагере в палатках, часть научных сотрудников экспедиции ночевала в маленьких комнатах — худжрах старого мусульманского медресе в Новой Нисе. Чтобы вернуть в норму течение лагерной жизни, начальник лагеря распустил слух об ожидаемом завтра приезде Массона, который не терпел подобных нарушений экспедиционного режима. Эта ложь оказалась воистину «ложью во спасение». В ночь с 5 на 6 октября в 1 час 13 минут разразилось страшное ашхабадское землетрясение. Сильные подземные толчки, грохот разваливающихся стен, кирпичи, долетавшие до палаток, подняли на ноги весь лагерь. Настало утро. На месте медресе, где еще накануне ночевали нарушители порядка, возвышалась груда развалин. Чудом избежали они смерти. Скорбь царила в поселке Багир, на окраине которого стоял лагерь. В нем погибло очень много жителей, среди них — около половины рабочих-землекопов ЮТАКЭ.

Весь отряд археологов удалось вывезти в Ташкент, на место раскопок для охраны ритонов приехал археолог Б. А. Литвинский. Вскоре к нему присоединился М. Е. Массон.

Попасть в разрушенный Ашхабад уже само по себе являлось достаточно сложной задачей. Не хватало продуктов питания; вот-вот могли пойти осенние дожди, а у археологов не было даже крыши над головой; удручала атмосфера всеобщего горя. В этой тяжелой обстановке археологи должны были спасти бесценные памятники искусства. И маленький коллектив археологов (М. Е. Массон, Б. А. Литвинский, М. С. Мерциев, О. Обельченко, А. Ф. Ганялин) приступил к работе. Кое-как обжили они место бывшего лагеря и начали обследование ритонов.

Впечатление самое гнетущее. Землетрясение сделало свое дело. Перед археологами была большая куча беспорядочно наваленных друг на друга, растрескивавшихся, расколотых, раздавленных памятников древнего искусства. Местами сквозь ритоны уже проросли многочисленные довольно толстые корни растений. Несколько дней ушло на подготовку к основным работам по извлечению их из земли. Тщательно убиралась лишняя земля. Сами предметы аккуратнейшим образом расчищались с помощью

a

b

Старая Ниса. Терракотовые плиты из декора храмов
(II в. до н. э.)

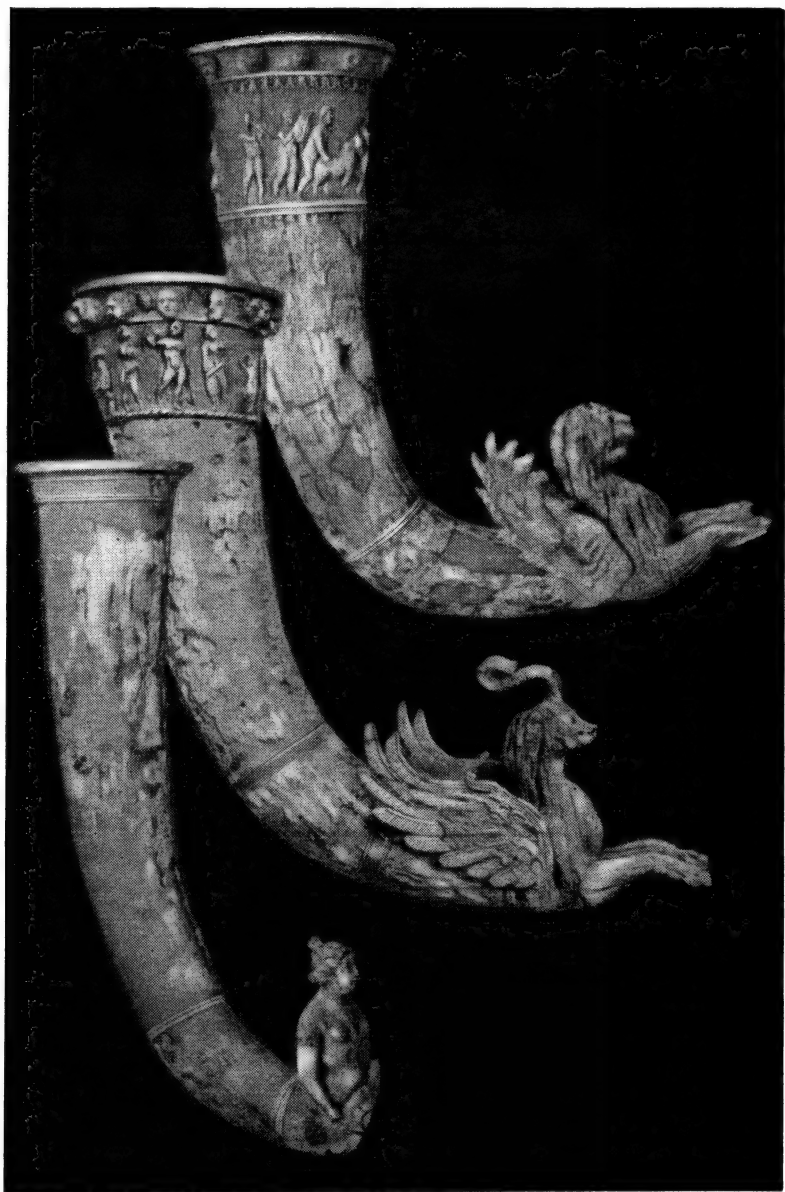
a — полумесяц; *b* — львиная маска

колонковых кисточек и фенообразных игл. Страдающих простудой даже близко не подпускали к раскопу — чихание или кашель могли разрушить хрупкие произведения искусства.

Через несколько дней на место раскопок прибывает реставратор Кирьянов. Изумленный, он долго стоит у раскопа. Он никогда еще не реставрировал столь разрушенные высокохудожественные произведения из слоновой кости. Но Кирьянов верит в мастерство советских реставраторов. Эта вера поднимает настроение у всего лагеря. Вскоре туда приезжает второй реставратор — Кононов, и они приступают к работе. Археологи как могут помогают им и, наконец, долгий трудный и утомительный труд заканчивается победой — все ритоны вынуты из земли. 20 ноября лагерь закрывается.

Для полной реставрации находок понадобились еще многие годы напряженного труда ученых всех специальностей. Но самое главное было сделано в эти тяжелые дни осени 1948 г.

Что же представляют собой найденные ритоны и в чем заключается их научная и познавательная ценность? Ритоны — это большие сосуды в виде рога, выточенные из слоновой кости. Каждый ритон состоит из трех или более отдельно вырезанных и тщательно пригнанных друг к другу звеньев. Ритоны имеют различную величину. Высота их колеблется от 30 до 60 см, диаметр верхней части самых крупных ритонов 17 см, объем каждого сосуда от 0,5 до 1,5 л. Нижняя часть ритона обычно украшена скульптурной фигурой. Она словно вырастает из венца акантовых листьев, облегающих вогнутую часть сосуда. Чаще всего эти фигуры — изображения фантастических животных. Здесь и львopodobный грифон, и крылатый слон, и кентавры, и человекобык. Рядом с фигурой просверлено отверстие, нередко даже два. Видимо, через них и выливалось содержимое сосудов. Большой вес ритонов, их необычная массивность заставляют думать, что в основном они предназначались не для бытового, практического употребления, а для каких-то культовых возлияний. Очевидно, жрецы лили вино из ритона на алтарь или на землю, «угощая» таким образом небесных и подземных богов. Но не исключена возможность, что небольшие ритоны использовались и для других целей. Вспомним издавна существовавший у кочевников Востока и прoderжавшийся

Старая Ниса. Парфянские ритоны из слоновой кости
(II в. до н. э.)

в Средней Азии до конца прошлого века обычай — «джура-буза». Он заключался в том, что участники какой-нибудь пирушки пили из одного, очень большого сосуда — кувшина, чаши или кубка. Иногда такая чаша пускалась по кругу после того, как хозяин выдвигал какой-нибудь проект общего предприятия (задуманная сообща работа, военный поход и т. д.). В таком случае круговая чаша именовалась «хазмат-касасы»: отпивший из нее символически принимал на себя обязательство беспрекословно участвовать в плане, выдвинутом хозяином этой чаши. Отказ выпить был равносителен бесчестьем, никакие отговорки на хмельное состояние не принимались. Возможно, такой обычай существовал и у древних парфян. Ведь не случайно один из древних авторов писал о том, что персы (т. е. парфяне) нередко совещаются за вином и что дела, решенные в таком состоянии, считаются у них более надежными.

Верх ритонов украшен широким рельефным фризом со сложным композиционным рисунком. Здесь можно встретить и сцены с участием всех двенадцати олимпийских божеств греков и сцены ритуальных действий, связанных с культом Диониса — преческого бога вина и веселья. На первый взгляд все эти божества и кажутся типично греческими. Однако внимательный анализ рельефов на фризах вскрывает неверность первого впечатления. Перед нами изображения греческих божеств, по-своему переосмысленные неизвестными художниками: греческие черты слились в них с явно парфянскими. Это уже какие-то синкретические божества, показывающие развитие религии на Ближнем Востоке в парфянское время. Именно тогда происходит слияние и смешение религий всех народов, населявших парфянскую державу, в нечто единое, сильно отличающееся от греческой религии.

В художественном отношении ритоны из Нисы — совершенно уникальный комплекс предметов искусства. Судя по технике и качеству исполнения, их делала большая группа резчиков, среди которых были мастера самой различной квалификации — от первоклассных художников до посредственных, но старательных ремесленников. Особенно ярко черты парфянского искусства проявились в завершающих фигурах ритонов. Там изображены грифоны, но не греческие — орловидные, а иранские — львово-добные, рогатые и крылатые чудовища; человекобык силь-

но напоминает авестийского Гопатшаха, известного нам по древнеиранскому религиозному сочинению, даже кентавры — столь обычные в греческом искусстве и мифологии человекоконни — здесь имеют крылья, чего греко-римский мир не знал совсем.

Весь цикл изображений на ритонах Нисы дает нам представление о прекрасном, своеобразном, очень самобытном и ярком искусстве, имеющем точки соприкосновения с греко-римским, но в то же время очень далеком от него. Это одно из лучших доказательств высокого культурного уровня древней Парфии.

Но не только ритоны подарила нам сокровищница аршакидских царей. В соседней комнате археологи обнаружили и мраморные статуи.

К числу наиболее интересных относится статуя какой-то богини. Правда, она довольно сильно пострадала при разграблении сокровищницы — у нее были отбиты обе руки, немного попорчено и лицо. Статуя была найдена без головы — ее обнаружили при дальнейших раскопках.

Статуя изображает величаво идущую высокую, очень статную девушку. На ней длинный хитон, ниспадающий до пола мягкими складками. Поверх хитона наброшен легкий плащ и перекрученный валиком шарф. Лицо девушки — округлое, с правильными чертами и легкой полуулыбкой на губах. Эта статуя — явная копия с какого-то выдающегося произведения античной скульптуры. Она невелика — всего около полуметра высоты, однако если смотреть на ее фотографию (выполненную без масштаба), то создается впечатление, что перед нами снимок монументальной скульптуры. Ее монументальность подчеркивают удлиненные пропорции тела статуи, прямые линии драпировок.

Еще более интересна статуя Родогуны, обнаруженная в этой же сокровищнице. Обстоятельства ее находки весьма любопытны. В 1949 г. во время раскопок в одной из комнат археологи обнаружили в одном углу обломки какой-то скульптуры, сделанной из серого мрамора. Анализ находки установил, что еще в древности этот мрамор пострадал от расслоения породы и тогда же был не очень умело реставрирован. Собрав воедино найденные куски мрамора, исследователи пришли к выводу, что это нижняя часть человеческой фигуры, покрытой поперечными и косыми складками одежды.

В 1952 г. при раскопках двора сокровищницы был найден женский торс с отбитыми руками и без головы. Но даже в таком виде он производил огромное впечатление пластическим совершенством своих форм. Вскоре неподалеку обнаружили мраморную голову. Сразу возникло предположение, что она относится к недавно найденному женскому торсу. И действительно, линии скола обоих фрагментов идеально подошли друг к другу. Но у фигуры отсутствовала нижняя часть. Внимательное изучение нижнего среза скульптуры натолкнуло на мысль о мраморном блоке, найденном три года назад и хранившемся в музее г. Ашхабада. При их сопоставлении оказалось, что две эти части принадлежат одной скульптуре.

После завершения реставрации скульптура предстала перед нами во всей своей красе. Она оказалась не очень высокой — всего около 60 см. Верхняя часть ее была высечена из чудесного белоснежного, слегка просвечивающего мрамора, а нижняя — из серого. Статуя изображает полуобнаженную молодую женщину, со слегка склоненной головой и высокой тонкой шеей. У нее удлиненное лицо, глубоко поставленные глаза, над которыми низко нависли брови. Лицо имеет сосредоточенное, суровое и очень властное выражение. Волосы разделены прямым пробором и облегают голову крупными, неровными, на вид мокрыми прядями. К сожалению, руки оказались отбитыми, и мы не могли судить об их положении. Нижнюю часть тела покрывает, судя по изображению, какая-то тяжелая ткань.

На первый взгляд эта скульптура кажется простой и ясной. Обычно такой изображали греческую богиню любви и красоты Афродиту, рождающуюся из пены моря и стряхивающую брызги с влажных волос. Поза действительно очень похожа. Но как противоречит такому пониманию выражение лица статуи! Нежное, улыбающееся лицо богини никак не вяжется с властным и даже надменным лицом найденной скульптуры. И здесь невольно вспоминается одно из любопытных событий парфянской истории. Когда парфяне разбили войска селевкидского царя Деметрия II, то они поселили царственного пленника в Гиркании. Деметрий II содержался там в «почетном плену», и ему даже была дана в жены (явно из политических расчетов) дочь парфянского царя Родогуна. Она вошла в историю как настоящая дочь воинственных парфян — воительница и прекрасная наездница. Древний писатель

Старая Ниса. Статуя Родогуны
(II в. до н. э.)

Полиэн рассказывал о ней: «Родогуна только что хотела мыть себе волосы, когда пришел вестник с сообщением, что один из подвластных народов поднял восстание. Не домыв волос и завязав их, как они были, она села на коня и повела свое войско; она поклялась не раньше вымыть свои волосы, чем победит восставших. После долгой войны она их одолела. После победы она пошла в баню и вымыла волосы.

На печати персидских [т. е. парфянских] царей находится изображение Родогуны с распущенными волосами»¹.

Этот сюжет был очень популярен в древности. Один из художественных критиков античности Филострат (III в. н. э.) оставил нам даже описание картины, главной героиней которой была Родогуна: «Кровь на медном оружии и пурпурных одеждах придает известный оттенок этому лагерю; прелесть картины составляют и убитые, лежащие в различных позах. Тут видишь ты и коней, пораженных страхом, мчащихся в беспорядке в разные стороны: в воду реки, на время испорченную, возле которой происходило это сражение. Тут и пленники и памятник в знак победы над врагом. Это — Родогуна и персы [т. е. парфяне] победили армян, произведших восстание в течение мирного срока. Говорят, Родогуна тогда победила их в сражении, не позволив себе промедлить, чтобы даже причесать свои волосы на правой стороне головы. А если все это так, разве она не имеет права быть полной известного высокомерия, гордиться победой и требовать, чтобы ее воспевали за это славное дело на кифаре и на флейте — везде, где только есть эллины? Вместе с ней нарисована нашим художником нисийская кобыла, вороная с белыми ногами и белой грудью: она дышит из белых поздрей, а на лбу у нее круглое пятно. Драгоценные камни и цепи, всю роскошь других украшений Родогуна отдала своему коню, чтобы он радовался и весело прыг свои пышные удила. Она же сама сияет одеждой шафранного цвета; на ней прекрасный пояс, дающий одежде спускаться лишь до колен, прекрасная обувь с вытканными на ней картинами. От плеча до локтя кое-где накидка ее схвачена пряжками, и там, где находятся застёжки, виднеется у нее рука, плечо же закрыто плотно; таким образом, фигура совсем не такая, как у амазонки. Нельзя также не

¹ Ф и л о с т р а т. Картины. ОГИЗ, 1936, стр. 165.

удивляться и соразмерности ее щита, вполне подходящего к груди, и отсюда можно понять все искусство картины. Пронзая левую руку через поручни, она держится за копьё, отставивши щит от груди, и так как край его прямо приподнят, то можно видеть и то, что находится на внешней его стороне. Внутри же внутренняя сторона щита пурпурная и с ней так хорошо гармонирует рука.

Мне кажется, мальчик, ты чувствуешь ее красоту и хоть немного хочешь о ней услышать. Слушай же! Она приносит жертву богам и благодарность за бегство армян, и у нее выражение такое, как у молящейся: она молится, чтобы боги и впредь дали ей побеждать врагов, как она победила теперь. И, мне кажется, у нее нет желания предаваться любовным утехам. Та часть волос, которая у нее причесана, украшена скромностью, не допускающей никакой вольности или грубого действия, а распущенные волосы придают ей вид, охваченный возбуждением и могучий. Неубранная часть головы белокурая, даже более чем золотистая; волосы на другой стороне уложены в порядке и имеют уже другой оттенок и блеск. Прелесть ее бровей заключается в том, что они почти что срослись у переносицы, где начинается нос, они ровно расходятся в обе стороны; еще прекраснее их ровный изгиб: они не только лежат над глазами, их охраняя, но и окружают глаза, их украшая. На лице ее, на щеках лежат отблески глаз, полных любовных чар, восхищая своей веселостью — ведь «золотая с приятной улыбкой Киприда» живет главным образом на щеках. Глаза у нее, меняя свой цвет, от голубых переходят в темно-синие, получая свою веселость от данного настроения, свою красоту — от природы, повелительный взгляд — от сознания власти. Рот ее нежен и полон «любовного сока созревших плодов», целовать его было бы очень приятно, рассказывать же о нем не так-то легко. Смотри же, о мальчик, что тебе следует знать: цветущие губы вполне одинаковые, рот изящный, им она перед трофеем произносит молитву; а если бы мы захотели ее услышать, следует думать, она заговорила бы по-гречески»¹.

Итак, сюжет, связанный с Родогуней широко популярен в античном искусстве. А что если наша статуя изображает другой, начальный эпизод исторического события,

¹ Ф и л о с т р а т С т а р ш и й. Картины. ОГИЗ, 1936, кн. II, стр. 5.

когда Родогуна, мывшая волосы, узнает о восстании? Решительным движением она убирает пedomытые волосы, ее суровый взгляд сулит грозу врагам. Конечно, доказать это предположение сейчас трудно, но и отказываться от него также нельзя. Некоторые художественные особенности скульптуры Родогуны позволяют предположить, что она изготовлена в эллинистической Сирии. В этом предположении нет ничего неожиданного. Выше уже говорилось о связях Парфянского государства с Сирией. Возможно, что по заказу парфянских царей подобную скульптуру и выполнил какой-нибудь большой сирийский мастер.

От остальных статуй, найденных в сокровищнице, к сожалению, остались только небольшие фрагменты: ножки Артемиды, голова Сатира и др. Видимо, сокровищница была жестоко разграблена. Невежественные грабители не только украли все, что имело для них ценность — золото, серебро, драгоценные камни, — но и варварски разбили вещи, не представлявшие для них интереса.

Но на этом не кончаются чудесные открытия в Нисе. Следующей сенсацией явилась находка большого парфянского архива. До сего времени наука почти не располагала письменными источниками парфян. О жизни и истории Парфии писали греки, римляне, сирийцы, армяне, китайцы, но не сами парфяне. И вот впервые Парфия заговорила собственным голосом.

Но найденный архив оказался очень своеобразным. Документы написаны не на бумаге, не на пергаменте, а на черепках — остраках. Содержание их связано с деятельностью большого винохранилища, расположенного возле сокровищницы. Каждый год из разных мест Парфии привозилось сюда вино. Это была своего рода оплата налога, и чиновники на остраках помечали, какое количество вина поступило, из какой местности, иногда даже из какого виноградника, кто его сдал и т. п. Несмотря на известное однообразие и внешнюю непритязательность архива, ученые получили массу ценнейших сведений: стало известно об административной системе Парфии — в документах упоминаются чиновники самых различных рангов; получен огромный просопографический материал по Парфии, т. е. парфянские имена, изучение которых может дать очень многое, и появился целый список парфянских виноградников. Кроме того, в архиве обнаружено несколько черепков с надписями, касающимися непосредственно

истории Парфии. К ним относится памятная хронологическая запись о вступлении на престол нового царя и т. п. Всего найдено более 2000 документов. Сейчас близится к концу очень трудная работа по их расшифровке и переводу. Ученые всего мира с нетерпением ожидают выхода в свет полного издания текстов парфянских остраков.

И все же одно из самых почетных мест среди всех открытий на Нисе принадлежит так называемому «Южному комплексу» — зданию, где совершались главные религиозные церемонии парфян. Этот выдающийся памятник раннепарфянской архитектуры очень ярко и убедительно показывает своеобразную и высокую парфянскую культуру, воспринявшую многие достижения эллинской культуры, по-своему переработав и приспособив их к вкусам и запросам парфян. Раскопки еще далеки от завершения. Но уже сейчас намечаются контуры трех основных зданий, составляющих ядро этого комплекса.

Прежде всего следует упомянуть о башне — огромном монументальном здании, сложенном из кирпича. Вокруг него вилась круговая лестница. В верхней части башни имелась небольшая комната, в которой помещалась глиняная статуя божества. Это древнее сооружение доставило ученым массу хлопот. Особенно трудно было понять его назначение. Первоначально высказывалось мнение, что это здание сродни месопотамским «зиккуратам» — огромным башням, наверху которых размещались небольшие храмы, где жрецы занимались астрономическими наблюдениями.

Это предположение на первый взгляд кажется убедительным. Тесные связи коренных районов Парфии и Месопотамии не вызывают сомнения, и под влиянием зодчества Месопотамии у парфян могла возникнуть мысль построить такое здание. Однако этому противоречит один факт: в то время, когда в Нисе возводилась эта башня, в Месопотамии подобные сооружения уже давно не строились. Последняя попытка этого рода была сделана во времена Александра Македонского, решившего отремонтировать некогда грандиозный вавилонский зиккурат. Но смерть полководца помешала завершению даже работ по вывозке строительного мусора от развалившегося гигантского здания. Поэтому вряд ли парфяне взяли за прообраз своих сооружений такое устаревшее к тому времени явление в архитектуре Месопотамии.

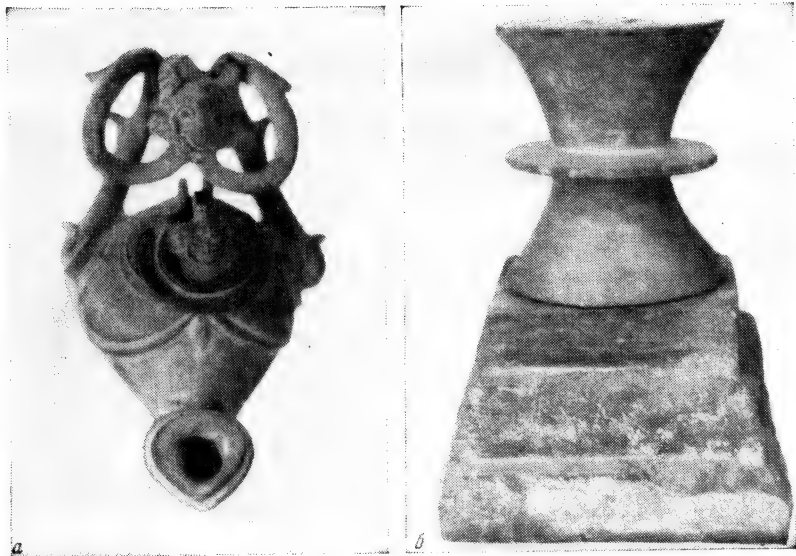
Другой путь в поисках истины показывает древнегреческий историк Геродот. Говоря о нравах и обычаях персов, он упоминает о том, что они приносят жертвы своему главному божеству на «высочайших горах». Поскольку парфяне — народ, родственник персам, это указание Геродота можно отнести и к ним. В таком случае грандиозная башня в Нисе была как бы искусственной заменой естественных гор — ее вершина могла предназначаться для жертвоприношений в честь верховного божества парфян.

Вторым сооружением «Южного комплекса» было большое здание, называемое археологами «Квадратным залом». Оно подверглось ряду перестроек в более поздние времена, но в своей основе оставалось неизменным на протяжении веков. Эта основа — квадрат размером 20×20 м с четырьмя мощными колоннами, составляющими внутри еще один, меньший квадрат. В свою очередь стены этого большого здания украшались приставными колоннами. Внешне «Квадратный зал» выглядит довольно непритязательно. Он имеет форму куба, снаружи почти ничем не украшенного. С простотой внешнего вида резко контрастирует великолепие внутренней отделки. Здесь много глиняной, правда, сильно пострадавшей скульптуры. В основном это мужские и женские статуи, видимо изображавшие обожествленных предков Аршакидской династии. По всей вероятности, здание служило храмом, где благочестивые парфяне совершали молитвы в честь умерших представителей династии, которые, согласно их верованиям, превращались после смерти в богов.

Во всем облике здания чувствуется сочетание очень древних черт архитектуры храмов ираноязычных народов со многими деталями архитектурной отделки греческого характера.

Такой же поразительный синтез культур, получивший от предков парфян простоту и монументальность, а от греков — ясность и красоту, можно наблюдать и в архитектуре «Круглого храма», также относящегося к сооружениям «Южного комплекса».

Именно это переплетение идущих из глубины веков местных архитектурных традиций и некоторых иностранных заимствований дает нам ключ к пониманию всей культуры Парфии в целом. Парфяне сохраняют свою глубокую и самобытную культуру и в то же время не отго-

Старая Ниса. Святильник (а) и жертвенник (б)
(II в. до н. э.)

раживаются «китайской стеной» от всего чужеземного. Однако, включая иностранные элементы в свое творчество, они тщательно перерабатывают их, подчиняют своим вкусам и потребностям. Вот почему это сочетание не является эклектическим: как в гигантском горниле переплавляют парфяне свое и чужое, создавая в целом единый яркий образ местной культуры.

Скорый поезд до Маргианы

Странная вещь — железнодорожное расписание. Оно всегда обманывало нас. Нам очень хотелось приехать в Байрам-Али днем, но поезда упорно привозили нас ночью. Ехали ли мы из Москвы или Ташкента, поезд все равно подходил к перрону байрам-алийского вокзала либо поздним вечером, либо среди ночи. Иногда мы пытались

«обмануть» его и летели самолетом до Ашхабада, чтобы затем на местном поезде приехать в Байрам-Али засветло. Но расписание было на страже, и, повинуясь ему, а не нашим мечтам, поезд вновь привозил нас в Байрам-Али когда угодно, только не днем. Так что и нашим читателям придется примириться с тем, что если судьба забросит их в этот сказочный город, они окажутся там среди ночи. А город этот действительно сказочный. Еще недавно тихий и сонный, он благодаря неустанному труду геологов, открывших неподалеку от него огромные запасы газа, и усилиям гидростроителей, приведших сюда воду Аму-Дарьи, постепенно начинает превращаться в промышленный центр Туркменской ССР.

Но такими превращениями в нашей стране не удивить никого. И сказочность его заключается не в этом. Рядом с Байрам-Али находятся развалины одного из крупнейших городов древности — Мерва. Вот почему каждого из нас, сколько раз он ни приезжал бы сюда, всегда перед последней остановкой охватывает радостное волнение. Короткая суматоха высадки — ведь поезд стоит здесь всего пять минут — и мы на перроне. Оглядываешься вокруг: маленькая станция, шумный, несмотря на поздний час, перрон, удивительно свежий и приятный воздух, который кажется особенно вкусным после духоты вагона, и изумительное южное небо — черное-черное, с мириадами ласковых звезд. А вот и знакомые лица — нас уже ждут. Экспедиционная машина стоит на вокзальной площади — скорее в лагерь! Через несколько минут городок уже позади. Машина, переваливаясь на буграх, медленно ползет по пыльной дороге. Фары выхватывают из темноты то кусты, то маленькие весело журчащие каналы-арыки, то грандиозные стены и башни — ведь вся восьмикилметровая дорога до лагеря идет среди развалин древнего Мерва. Сначала это позднесредневековый город — Байрам-Алихан-кала, затем город развитого средневековья — Султан-кала, а последний километр машина проезжает прямо под величественными стенами города античного времени — Гяур-калы.

Настоящая экспедиционная жизнь начинается утром. С сигналом подъема лагерь оживает. Теперь уже можно как следует рассмотреть окрестности. Темной грядой, словно это не остатки городских стен, а естественные холмы, возвышаются укрепления древней Гяур-калы. Их вы-

сота местами достигает 20 м, а еще выше (более чем на 30 м) поднимаются отдельные участки стен цитадели античного Мерва — Эрк-калы. С другой стороны под косыми лучами солнца четко вырисовываются гораздо более тонкие, но с мощными круглыми башнями стены Султан-калы. За ними вдали виднеется величественный в своей простоте и стройности мавзолей Султана-Санджара.

После завтрака археологи расходятся по своим объектам. Двинемся вслед за ними и мы. Вот она — территория Гяур-калы — опромный четырехугольник 2×2 км, обнесенный мощными стенами, прорезанными с четырех сторон света. В этих местах некогда были городские ворота. В самом центре северной стены возвышаются крутые откосы круглой цитадели. Вся поверхность городища покрыта холмами: когда-то здесь стояли дома, храмы, лавки, мастерские. Низины между ними — это следы улиц, каналов, водоемов, садов.

Мы не будем рассказывать обо всех объектах, исследуемых на территории грандиозного городища древнего Мерва, — для этого потребовалась бы отдельная книга. Ограничимся только несколькими примерами, наиболее ярко иллюстрирующими жизнь древнего Мерва.

Итак, направимся в юго-восточный угол городища. Там, недалеко от угла стен, находится довольно большой по площади участок земли. На нем почти нет следов древней застройки, и только в самом центре поднимается вытянутый с севера на юг бугор, высотой всего 3—4 м, с округлым возвышением посередине. Еще в 1948 г. при первой съемке плана Гяур-калы М. Е. Массон обратил внимание на это место, предположив, что здесь находится какое-то храмовое сооружение парфянского времени. Но проверить это предположение удалось лишь через 12 лет. В 1960 г. на этом месте был заложен небольшой раскоп. Раскопки продолжались и в 1961 г., и, наконец, молчаливый невзрачный холм начал постепенно открывать свои тайны.

Прежде всего стало ясно, что самую возвышенную часть бугра занимала когда-то круглая, монолитная башня, сложенная из сырцового кирпича и окрашенная снаружи в красный цвет. Башня стояла на мощной почти квадратной платформе, вход на которую находился в северной части башни — здесь была обнаружена парадная лестница, фланкированная двумя пилонами. Прямо над

ними, уже на верхней плоскости платформы, рядом с башней возвышались две круглые колонны. Еще две колонны стояли внизу, по бокам лестницы. Как и предполагал М. Е. Массон, здание действительно было возведено при парфянах, но за время своего существования оно неоднократно ремонтировалось и перестраивалось. Расширялась платформа, вокруг башни был построен обводной коридор, перестроена лестница — ее забутовали, построив сверху новую, гораздо более монументальную. В общем, загадок это здание задало нам очень много. Между тем мы вскрыли при раскопках только самую центральную часть комплекса, да и то исследовали лишь его самые верхние слои.

Один из авторов книги (Г. А. Кошеленко. — *Ред.*) руководил раскопками этого объекта. Особенно трудным оказалось понять характер и назначение этого здания. Мы строжайшим образом взвешивали все за и против, перебирая в уме даже, казалось бы, самые невозможные варианты. Постепенно начала проглядывать одна идея, но настолько смелая и фантастичная, что вначале от нее просто отмахивались. Но когда осенью, после окончания раскопок, мы вернулись в Москву, то твердо решили — во что бы то ни стало до конца проверить вероятность этого предположения. Потянулись долгие дни работы в библиотеках. И вот робкое предположение начинает подкрепляться фактами: интересующее нас сооружение скорее всего может быть культовым зданием буддистов. Но ведь о существовании буддизма в Маргиане в первых веках нашей эры ничего неизвестно. Значит, мы стоим перед явлением первостепенного значения — культурные связи парфян с северо-западной Индией, где тогда процветал буддизм, оказались столь значительными, что привели к проникновению буддизма в Маргиану. До сего времени трудно было даже предположить, что буддизм мог проникнуть так далеко на запад Средней Азии.

На память приходят все новые факты, все больше подтверждается правильность этого дерзкого предположения. В 146 году н. э. в Китай прибыл аршакидский царевич, который проповедовал там буддизм и даже организовал целое предприятие по переводу индийских религиозных сочинений на китайский язык. Одним из его соратников был купец, тоже пришедший из страны Ань-си (так китайцы называли Парфию). До настоящего времени эти

факты обычно рассматривали как легендарные. При этом подчеркивалось, что единственным местом в Парфянской державе, где мог существовать буддизм, были так называемые индо-парфянские владения, которые парфяне потеряли за сто лет до прибытия этого принца в Китай. Но сейчас, когда найдены следы существования буддизма в Маргиане, все становится на свои места: принц мог принадлежать к той ветви аршакидской династии, которая правила в это время в Маргиане (в первые века н. э. Мерв пользовался некоторой автономией). К тому же можно вспомнить любопытную деталь: ученые, изучавшие найденные монеты, доказали, что правящая династия Мерва с самого своего возникновения имела какие-то связи с индо-парфянскими правителями. Таким образом, круг замыкается. Картина появления буддизма в Парфии становится предельно ясной.

Вот с этими-то идеями я и возвратился в следующем сезоне в Мервский лагерь. В ЮТАКЭ есть одна хорошая традиция — воскресный день начинается с научного заседания. На одном из таких полевых заседаний делаю доклад о своем предположении. С трепетом жду прений: что-то скажут коллеги по поводу моих расчетов, не покажутся ли они чересчур смелыми, что скажет Михаил Евгеньевич — «погубит или вознесет». Наконец, он подводит итоги. Сначала он говорит о некоторых просчетах, потом улыбается и неожиданно заканчивает: «Что ж, автор убежден в буддийской принадлежности комплекса на 100 процентов, а я — только на 90. Разбейте мои сомнения. Найдите мне голову статуи Будды или хотя бы ухо, и тогда я на все 100 процентов буду с вами».

Что ж — голова, так голова. Новый полевой сезон мы начинаем под лозунгом «Дашь голову!».

Проходит несколько дней. Мы работаем на северном участке, разбираясь в многочисленных перестройках лестницы. Особенно не дает нам покоя поздняя засыпка. Она довольно странная: то идут очень тщательно уложенные кирпичи, то вдруг начинается какая-то непонятная мешанина из битого кирпича и земли. Упорно, не торопясь, разбираем все эти слои.

Но вот картина завала меняется. Внимательно, миллиметр за миллиметром археологическими ножами и кисточками снимаем землю. Неожиданно среди коричневой глины открылось яркое красное пятно. Невольно задержи-

ваем дыхание: перед нами венчик сосуда и поверх его полоса красной краски. Удивленно переглядываемся — никто из нас не встречал в слоях этого времени сосудов, покрытых росписью. Еще более осторожно начинаем удалять глину. Появляется верхняя часть сосуда, ручки. На ручках — полосы красной и зеленоватой краски, в месте соединения горлышка и тулова — черная полоса, поверх которой ряд волнистых полосок. Наше удивление возрастает. С трудом сдерживаем желание немедленно раскопать вокруг землю. Стараемся работать аккуратнее. И наконец — удача: рядом с сосудом мы находим маленький зеленый кружок — монету. Вот это действительно радость! Монета поможет точнее определить время находки. После долгих трудов место, на котором стоит красавица ваза, расчищено. Тщательнейшим образом, по всем археологическим законам, фиксируем место находки и условия ее заlegания и вынимаем вазу на поверхность. Наш восторг передать невозможно. Вот это действительно находка! Вся ваза покрыта росписями. Это уже само по себе уникальное явление для керамики того периода: до сих пор нигде в Средней Азии не встречались расписные сосуды столь раннего времени.

Подавленные великолепием росписи, мы вначале молча «пожираем вазу глазами». Понять что-либо мы не в силах. Но постепенно приходим в себя, и новая волна радости охватывает каждого из нас. На вазе изображена целая жизнь человека того времени. Вот главный герой сидит на ложе, опираясь на подушки, рядом с ним женщина. В руках у нее цветы, у него в одной руке чаша с виноградом, в другой — какой-то непонятный предмет. Перед ними кувшин, судя по его форме, металлический. Это несомненно сцена пира, может быть даже брачного. А вот вторая сцена. Тот же герой верхом на коне. Медленно, торжественно ступает конь. Всадник мощным движением натягивает лук, целясь в фазана, а сзади скачет сайгак. Что ж, пир и охота на Востоке всегда были главными увеселениями власть имущих. Но вот две другие сцены. Они уже более печальны. Герой болен, он лежит на низеньком ложе, рядом с ним две женщины, простирающие к нему руки, а в изголовье стоит какой-то мужчина, как будто произносящий клятву над умирающим. И наконец, последняя сцена — какие-то люди в красных кафтанах несут на носилках завернутый в саван труп умершего.

Древний Мерв (Гуяр-кала) расписной сосуд
(IV—V вв. н. э.)

Действительно, вся жизнь. С жадностью вглядываемся мы в изображения, открывшие перед нами удивительное окошко в прошлое. Но солнце уже низко. Пора возвращаться в лагерь. Осторожно погрузив драгоценную вазу на носилки и укутав ее собственными рубашками, чтобы она не пострадала от яркого солнца, трогаемся в путь.

Все члены экспедиции радовались нашей находке. Но каково было всеобщее удивление, когда внутри вазы мы

обнаружили рукописи. Правда, они очень сильно пострадали от времени. Предстоит долгая и трудная работа реставраторов прежде чем удастся прочитать их. И быть может, они прояснят многие стороны в сложной картине проникновения буддизма в Маргиану.

Находки рукописей в вазе помогли нам ответить на важный вопрос — почему сама ваза оказалась в этом месте? Дело в том, что центром нашего комплекса была ступа — сооружение из квадратной платформы с круглой башней наверху. Происхождение этого типа зданий еще спорно. Согласно одной из наиболее распространенных теорий, ступа воспроизводит могильный холм, насыпанный над останками Будды. Первоначально полагалось закладывать в основание этого сооружения хотя бы одну косточку Будды. Но когда началось широкое строительство ступ (по преданию, один из царей, правивших в Северо-Западной Индии, построил более 70 тысяч ступ), не хватило не то что «подлинных», но даже и поддельных костей. Тогда и стали заменять священные останки сакральными предметами или религиозными сочинениями, которые в особом сосуде (реликварии) замуровывались в основании этого сооружения. Несомненно, что для этой цели предназначалась и наша ваза с рукописями. Правда, имелось одно отличие. Наша ваза была заложена не в начале строительства, а при одной из перестроек, через несколько веков. Вот почему мы нашли вазу под основанием сравнительно поздней (по времени) лестницы. Этим объясняется и то, что сама ваза датировалась IV—V вв. н. э., в то время как здание было возведено, по-видимому, во II в. Эту же дату — V в. н. э. дает и монета, найденная рядом с вазой. Следовательно, нужно искать более ранний реликварий, заложенный во время возведения ступы.

Очевидно, удача, как и несчастье, не приходит одна. Уже к вечеру следующего дня мы нашли и голову Будды.

Дело было так. Мы продолжали расчищать завал рядом с древней лестницей. Аккуратно убирая землю ножами, мы все чаще и чаще стали встречать мельчайшие кусочки синего цвета. Затем отдельные кусочки сменились сплошной синей поверхностью. При дальнейшей расчистке на ней постепенно проступил рельеф локонов. Вскоре мы поняли, что перед нами затылочная часть головы какой-то статуи и что волосы ее окрашены в синий цвет.

Через несколько дней удалось полностью раскопать голову. Она оказалась огромной: ее высота достигала почти 80 см¹. Голова лежала криво. При этом были особенно заметны раны, нанесенные ей временем. Вся левая часть лба оказалась разбитой, не было левого глаза, на месте носа зиял глубокий провал. Чуть-чуть сбитый подбородок и отсутствие ушей дополняли печальную картину. И все же перед нами лежала голова Будды. Об этом свидетельствовал и общий облик ее и округлая, правильной формы дыра на макушке — место, куда вставляли «шиньон», столь характерный для Будды.

Но как извлечь из ямы эту огромную и вдобавок сделанную из необожженной глины голову? Реставраторы Эрмитажа и Института археологии к нам в то время приехать не смогли. Оставалось рассчитывать только на собственные силы. Под руководством Михаила Евгеньевича, который вместе с нами буквально дневал и ночевал на раскопе, мы сначала укрепили поверхность головы статуи, пропитав ее раствором полибутилметакрилата. Затем внутри ее загипсовали жесткий каркас, скрепили все пострадавшие от времени части скульптуры. Эта тщательная и кропотливая работа, когда каждое неосторожное движение могло разрушить уникальный памятник, буквально выматывала нас. Но особенно подгоняли сроки. Вот-вот должна была начаться непогода, и тогда осенние дожди неминуемо разрушили бы этот осколок далекой древности, который маргианская земля сберегала почти две тысячи лет. Трудно передать, какое облегчение испытал каждый из нас, когда, наконец, голова была вынута. Закончился первый этап работы. Теперь требовалось осмыслить находку, понять ее с точки зрения как археологии, так и истории искусства.

Прежде всего возникал вопрос о времени сооружения статуи. Казалось, мы столкнулись здесь с вопиющим противоречием. Судя по художественным особенностям, наша находка относится к первым векам нашей эры. Но голова лежала ведь рядом с вазой, датировка которой IV—V вв.

¹ Целиком статуя божества могла иметь высоту 5—6 м. Дело в том, что в буддийском искусстве этого и несколько более позднего времени вообще была ощутима тенденция к огромным размерам сооружаемых памятников. Достаточно вспомнить гигантские статуи Бамиана (Афганистан), вырубленные в скале и достигающие одна — более 30 м, а другая — более 50 м.

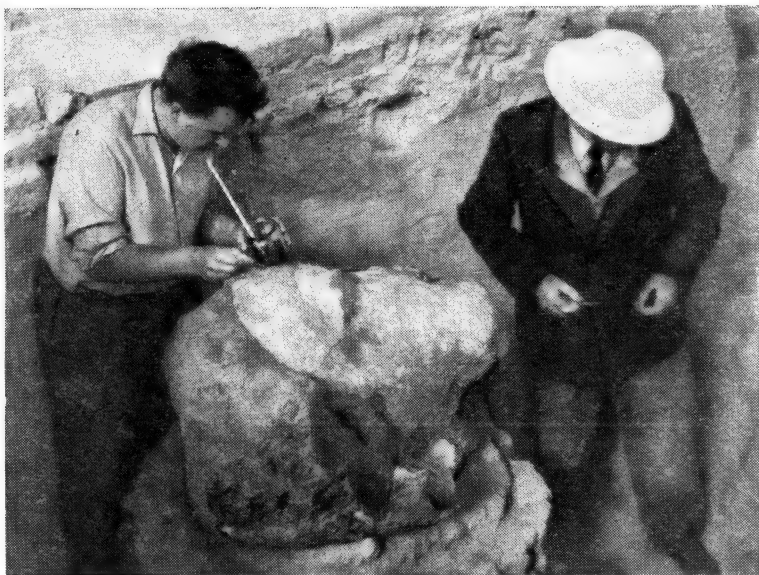
н. э. Этот хронологический разрыв нужно было как-то объяснить.

Помогла сама находка. При внимательном изучении лица статуи выяснилось, что оно три раза перекрашивалось. Очевидно, после своего сооружения (допустим, во II в. н. э.) статуя Будды какое-то время стояла на воздухе. И этот период мог быть достаточно длительным, так как даже при сухом климате Маргианы статую пришлось ремонтировать. Можно также предположить, что в результате падения от статуи Будды отлетела голова. По неизвестным нам причинам она оказалась рядом с лестницей, ведущей в храм. Около нее голова пролежала значительное время (об этом свидетельствует и ее внешний вид). Когда же храм ремонтировался и восстанавливался, рядом с головой Будды поместили вазу со вложенными в нее священными рукописями. Естественно, ваза относилась к более позднему времени.

Найденная нами голова Будды очень близка по своему облику к так называемой гандхарской скульптуре, сочетавшей в себе местные и греческие черты. Своего расцвета эта скульптура достигла в первые века нашей эры на территории современных Северо-Западной Индии, Пакистана и Афганистана. Но, к сожалению, в истории искусства она во многом еще загадка. И вот теперь выясняется, что гандхарское искусство, пускай очень тоненькой веточкой, достигло и Маргианы. Значимость этого факта для науки бесспорна.

Таковы краткие итоги работ только на одном из раскопов в древнем Мерве. А их мы заложили несколько, и каждый дал науке очень ценный, хотя, быть может, и не такой сенсационный материал. Возьмем для примера раскоп, известный под шифром Р-2. В течение нескольких лет на нем вели работы археологи М. Мерциев и З. Усманова. На первый взгляд они не собрали ничего особенно интересного. Ряд комнат, в них небольшие печи, остатки инструментов, куски шлаков и металлов, стеклянные реторты. Перед нами сильно пострадавший от времени дом ремесленника-оружейника, производившего оружие и доспехи. Но этот внешне скромный материал позволяет решить одну из важных загадок прошлого Парфии.

Вспомним битву при Каррах, рассказ о которой помещен в начале книги. Плутарх очень красочно описывает начало битвы: «...парфяне вдруг сбросили с доспехов по-

Древний Мерв (Гуяр-кала). Закрепление головы статуи Будды

кровы и предстали перед неприятелем пламени подобные — сами в шлемах и латах из маргианской, ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных»¹. Но хорошо известно, что в этом районе Средней Азии нет месторождений железной руды. Исходя из этого, а также предвзято относясь к парфянам как якобы малокультурному народу, не способному создать свою металлургию, очень многие ученые, в первую очередь зарубежные, считали: у Плутарха в данном месте описки, следует читать не «маргианское железо», а, например, «серское» (китайское). Ясный и понятный исторический источник приносился в жертву ради доморощенных концепций. Понадобились долгие труды археологов, чтобы разбить эти домыслы. Открытие ремесленной мастерской кладет конец всем сомнениям. Отныне можно считать, что сообщение Плутарха абсолютно верно, и вряд ли

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, стр. 255.

кому-нибудь теперь придет в голову оспаривать, что знаменитые маргианские доспехи производились именно в столице Маргианы — Мерве.

Впрочем, не только в самом Мерве. На многих десятках поселений античного времени в дельте Мургаба найдены железные крицы — свидетельство того, что и там существовало металлургическое производство. А железная руда, как это было доказано М. Е. Массоном, привозилась не за тысячи километров, а из близлежащего округа Туса (древней Астауэны). Здесь известны месторождения, разрабатывавшиеся как в древности, так и в средневековье. Так постепенно складывается здание истории прошлого древнего Мерва — одного из древнейших городов нашей Родины, сыгравшего большую роль в жизни всего Среднего Востока в античную эпоху.

У стен Башни молчания

Но мы совсем забыли о нашем герое — плененном римском легионере. А ведь именно здесь, в Мерве, кончался долгий путь каравана римских пленников, здесь прошли долгие годы рабства. Большинство римлян никогда не вернулось на родину. Они закончили свою жизнь в этом самом восточном городе парфянского государства, среди песков великих среднеазиатских пустынь. И лишь небольшая часть римских пленников много лет спустя, в то время, когда в Риме пришел к власти император Август, сумела вернуться на родину. Но самая фантастическая судьба оказалась у маленькой группы римлян, проникших в результате каких-то неизвестных нам приключений через пустыни Средней и Центральной Азии в Китай. Американский ученый Ю. Дабс высказывал предположение, что парфяне использовали своих римских пленников в качестве военной силы для борьбы с соседними племенами. Во время одного военного столкновения часть римлян то ли сама перешла на сторону кочевников, то ли была взята ими в плен. Так или иначе, но они оказались на восточных окраинах Средней Азии. Дальнейший путь их на восток также не очень ясен. Однако известно, что в конце кон-

цов 140 римлян стали военными поселенцами в одном из маленьких окраинных городков Китая, обязанными охранять китайские границы от набегов кочевников. Городок этот был расположен на несколько тысяч километров восточнее Мерва на границе современного Синьцзяна и внутреннего Китая.

Какова же оказалась судьба наших героев? Но раз решение ее зависит от нас, то будем считать, что они прожили долгие годы в Мерве и на склоне своих дней вернулись к себе на родину.

Итак, наши герои живут уже некоторое время на окраине города, постепенно свыкаясь со своей участью и все больше понимая окружающий их мир, со столь чуждыми им нравами и обычаями. Нельзя сказать, чтобы римлянину все здесь было абсолютно незнакомо и непонятно. Он увидел, что в Парфии так же как и в Италии, существуют бесправные рабы, существуют угнетенные и закабаленные крестьяне, ютящиеся в маленьких глинобитных домишках, ведущие тяжелую неравную борьбу с суровой природой за каждый кусок хлеба. Увидел он и искусных ремесленников, и алчных купцов, и владык сильного мира сего — парфянскую знать, живущую в варварской роскоши своих огромных домов, похожих на крепости, в окружении десятков и сотен рабов, слуг, телохранителей.

Доля простых людей и в Парфии и в Италии оказалась одинаковой, но какими различными были в этих странах обычаи и нравы! Пожалуй, больше всего потрясло римлянина отношение жителей Мерва к своим умершим. У римлян, так же как и у греков, предать умершего погребению считалось обязательным долгом. У всех сколько-нибудь состоятельных людей похороны превращались в торжественные и дорогие церемонии, причем настолько дорогие, что понадобилось неоднократно издавать законы против роскоши похорон (указания на этот счет имеются уже в древнейших римских писанных законах — законах Двенадцати таблиц). Существовало два вида погребения: сожжение и захоронение. В I в. до н. э. (т. е. в описываемое нами время) наиболее широко был распространен первый способ.

После смерти труп ставили в парадной части жилища на особом высоком ложе. В рот умершему клали монетку — плату Харону, перевозившему умерших через реку Стикс, — границу царства мертвых. Наиболее торжествен-

ной частью погребальных обрядов являлась траурная процессия по улицам города. Умершего сопровождали не только его родные и близкие, но и его предки. Обычно это были актеры, носившие маски, изображающие прославленных предков покойного. Участвовали в таких погребениях и нанятые плакальщицы. В заранее подобранном месте, за городом, из смолистых дров складывался костер, на который ставилось ложе с умершим. Рядом клали его любимые вещи. Погребальный костер зажигал один из родственников или друзей покойного. Обгоревшие кости собирали в урну, которую устанавливали в гробнице.

Ничего похожего не было у жителей Мерва. Мы не знаем, как хоронили своих умерших жившие здесь римляне. Не исключено, что это являлось для них одной из сложных проблем — ведь маргианцы считались зороастрийцами: земля и огонь были для них священными стихиями, которых осквернило бы соприкосновение с умершим телом. Если они и разрешали римлянам исполнять их обряды, то эти обычаи вызывали у них гнев и негодование. Но точно такие же чувства вызывали у римлян обряды жителей Маргианы.

Умерший зороастриец первоначально помещается в небольшое здание (кед). (Такие здания сооружались отдельно для мужчин, женщин и детей. Их размеры строго регламентировались: «чтобы не задевать головы стоящего человека, вытянутых ног, протянутых рук»). Затем труп умершего уносится специальными служителями на дахму, или в «башню молчания» (так обычно это сооружение называется в литературе). Это большое круглое или овальное здание без крыши, с высокими глухими стенами и только одной небольшой дверью. Внутри по кругу расположено несколько рядов особого вида лежанок, на которые укладывается труп. Входить в дахму могут только служители. Труп лежит здесь до тех пор, пока хищные птицы или специально приученные собаки не съедят все мягкие ткани, а дожди и ветер не обмоют и не очистят кости. После этого кости собирают в небольшую глиняную или гипсовую урну (оссуарий), которая и устанавливается в семейной усыпальнице — паусе.

Нетрудно представить себе, что могли думать о таком способе захоронения римляне. Для них оставить труп на съедение собакам представлялось худшей формой кощунства. Понятно и то чувство ужаса, которое вызывал у них

сам вид «башни молчания». Вероятно, римляне столкнулись и с некоторыми другими особенностями погребального ритуала жителей Маргианы. О них археологи узнали также сравнительно недавно. И чтобы рассказать о них, нам придется снова вернуться в XX век.

К северу от древнего Мерва расположены дөпе — высокие холмы, являющиеся остатками древних городов, поселений, крепостей, замков. Многие из них относятся к парфянскому времени. Однажды местный колхозник А. Доллыев нашел около одного из таких холмов (Мунондөпе) несколько кусков очень любопытного оссуария с наклепными изображениями. Он отправил их в редакцию газеты «Совет Туркменистаны», которая передала их в ЮТАКЭ. Этот оссуарий оказался настолько интересным, что начальник экспедиции М. Е. Массон немедленно отправил на место находки группу археологов. Они провели там разведочные раскопки. Помимо нескольких кусков ранее найденного оссуария, исследователи обнаружили три хума (больших глиняных сосуда), также служивших оссуариями, семь небольших кубкообразных чаш, под каждой из которых находились небольшие кучки человеческих костей, три медных парфянских монеты, кусок железного ножа. Все это говорило о том, что мы имеем дело с остатками некрополя парфянского времени, впервые обнаруженного на территории Маргианы.

Наибольший интерес, конечно, вызвал первый оссуарий — ведь на нем имелись изображения. Но чтобы до конца понять их смысл, нужно было разобраться в 17 осколках оссуария, найденных позднее. Восстановить общую картину по этим зачастую мельчайшим кусочкам оказалось очень трудно. Понадобились долгие часы труда, пока из осколков было собрано четыре больших куска. Теперь уже можно было представить и общую картину. Главное место среди орнамента на оссуарии занимают три наклепные фигурки обнаженных женщин. Они изображены в каком-то странном наклоне с поднятыми вверх руками и распущенными волосами. Кроме того, на одном из фрагментов хорошо видны остатки нижней части какого-то существа с хвостиком и копытами. Здесь же процарапаны и изображения деревьев.

Что же это за изображение? По сути дела, на таком священном предмете, как оссуарий, не могли быть изображены просто декоративные фигуры. Они должны нести

большую смысловую нагрузку, возбуждать какие-то эмоции, вызывая представления о некоторых хорошо знакомых ритуальных действиях. Так, наверное, и было две тысячи лет тому назад. Мы же могли только предполагать.

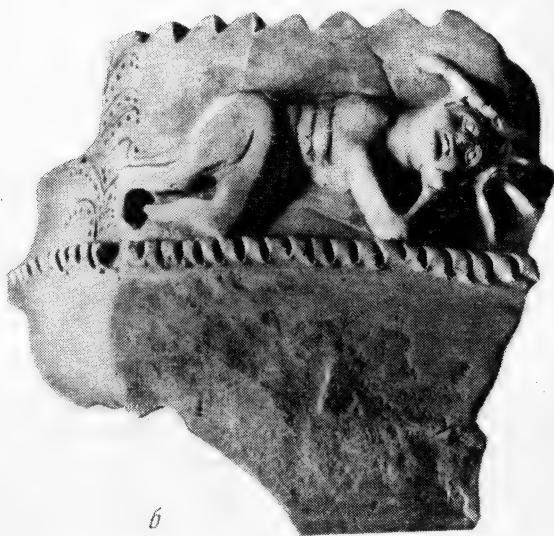
Прежде всего бросились в глаза странные позы женщин. По-видимому, они танцуют: на ранних ступенях развития человеческого общества танец — общепринятая форма выражения чувства. Кроме того, при раскопке другого древнего среднеазиатского города — Пянджикента — уже встречались оссуарии с изображениями танцующих женщин. Следовательно, если наше предположение справедливо, то можно допустить, что на оссуарии с Мунол-депе изображен момент ритуальной погребальной пляски. Память услужливо подсказывает многочисленные примеры погребальных плясок народов, стоящих на ранних ступенях развития, начиная с аборигенов Австралии. Но были ли погребальные пляски у древних народов Средней Азии?

И здесь на помощь археологу приходит этнограф, смело отвечающий: «Да, были». Откуда эта уверенность? В некоторых горных районах Средней Азии и Афганистана до недавнего времени сохранялись обычаи и обряды, унаследованные из очень далекого прошлого. Например, этнограф Н. А. Кисляков, отмечая наличие погребальных плясок у язгулемцев, писал: «Через некоторое время после смерти человека члены его семьи резали корову, собирали всех представителей своего рода и других жителей селения и устраивали для них угощение. Гости размещались на глинобитных возвышениях вдоль стен дома, и жена или мать умершего вместе с другими женщинами плясала в проходе посередине под звуки музыки. В разгар пляски она резким движением разрывала спереди свое платье. В этот момент к ней подсакивала одна из женщин и подпоясывала ее большим платком»¹. Другой этнограф, М. С. Андреев, подчеркивал, что танец продолжался три ночи, женщины выходили с распущенными волосами и с разодранной рубашкой на груди. Последнее особенно привлекает наше внимание — у налепных женских фигурок тоже обнажена грудь. И еще. Как уже говорилось, женщины на оссуарии изображены с поднятыми

¹ Н. А. Кисляков. Язгулемцы (этнографический очерк). Известия Всесоюзного географического общества, т. 80, вып. 4, 1948, стр. 370.

a

б

Фрагменты оссуария из некрополя. Мунон-депе (I в. до н. э.—
I в. н. э.)

руками. Смысл этой позы становится понятным из описания погребальных плясок кафиров Гиндукуша, сделанного Робертсоном: «Под темп слабых дудок и барабанов толпа женщин медленно двигалась вокруг тела,— писал он,— боком слева направо, подняв руки в уровень с плечами. Растопырив пальцы, они беспрестанно поворачивали ладони сначала к себе, а затем к покойнице; этот жест означает: „она ушла от нас“. За плясуньями двигались, тоже боком по кругу, несколько мужчин — близкие родственники умершей. Они делали одинаковый с женщинами жест, с той, впрочем, разницею, что вертели руками в уровень с бровями и движения их были вообще гораздо энергичнее»¹.

Траурные пляски вплоть до конца XIX в. были распространены и в Армении. О древних траурных обрядах армян свидетельствует Фавстос Бузанд. Правда, будучи христианином, он в какой-то мере осуждает их. «По смерти Нерсеса,— писал Бузанд,— когда оплакивали умерших, мужчины и женщины составляли хороводы, при звуках труб, кифар и арф, с растерзанными руками и лицами, при омерзительных чудовищных плясках, совершаемых друг против друга, били в ладоши и таким образом провожали умерших»². Но, как известно, древняя Армения была теснейшим образом связана с Парфией, неоднократно входила в состав парфянского государства, причем цари ее принадлежали к аршакидской династии. Следовательно, на оссуарии изображена погребальная пляска, исполнявшаяся или во время похорон или некоторое время спустя — во время поминальной трапезы.

Однако найденный оссуарий принадлежал зороастрийцу. А как известно, последним категорически запрещалось исполнение погребальных плясок, сопровождающихся к тому же экзальтированным выражением горя — оплакиванием, раздиранием одежды, царапанием лица и т. д. Во многих зороастрийских религиозных книгах имеются на этот счет строгие указания. Например: «Когда кто-нибудь уходит в другой мир, то не следует родственникам издавать крики, поддерживать траур и совершать оплакивание, потому что каждая слеза, которая вытекает из глаз, становится каплей той реки, которая находится перед Гинвад-

¹ Д. Робертсон. Кафиры Гиндукуша. Ташкент, 1906, стр. 297.

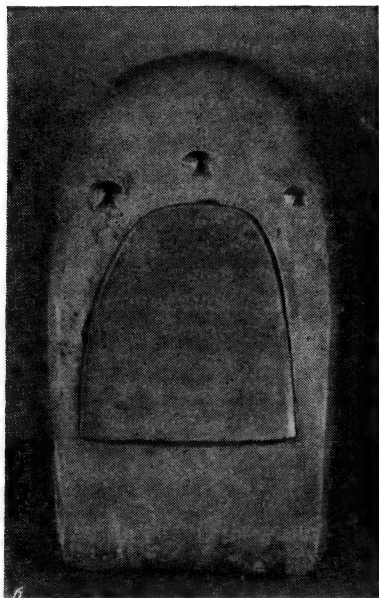
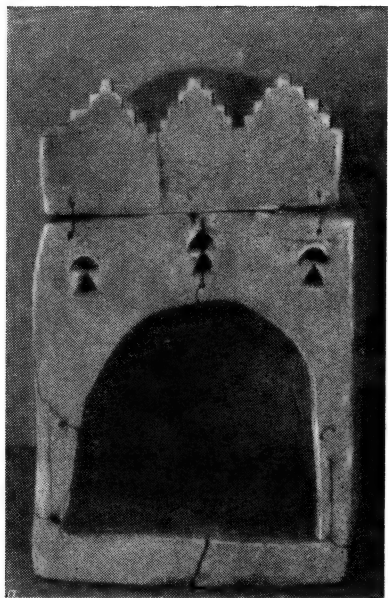
² «История Армении Фавстос Бузанда». Ереван, 1953, стр. 176.

ским мостом и душа мертвого человека остановится затем на этом месте; для нее трудно здесь перебраться и она не способна пройти по Кинвадскому мосту»¹. Таких примеров можно привести множество. Получается довольно любопытная картина: с одной стороны, оссуарий явно принадлежит зороастрийцу, с другой — на нем изображены действия, запрещенные для правоверного зороастрийца. Глубокий анализ фактов приводит к выводу: в Маргиане существовала особая разновидность зороастризма, отличная от господствовавшего в Сасанидском Иране. Это еще одно подтверждение своеобразия религиозных воззрений народов древней и раннесредневековой Средней Азии. Подобное явление было замечено в других областях Средней Азии. Отныне к ним присоединялась и Маргиана.

Местный, среднеазиатский вариант зороастризма характеризовался тем, что наряду с ортодоксальными зороастрийскими положениями в нем уживались пережитки древних народных верований, категорически осуждавшихся правоверными жрецами-магами. Кроме того, оссуарий с Мунон-депе датируется парфянским временем, создание же канонического зороастризма со строго закрепленными догматами и ритуалом относится только к III в. н. э., когда цари Сасанидской династии стремились укрепить авторитет своей власти с помощью ее религиозной санкции. Прекрасно понимая, какой огромной идеологической силой может стать религия, сасанидские цари строго следовали принципу, высказанному основателем династии — Ардаширом: «трон — опора алтаря, алтарь — опора трона». Именно в то время создается догматический зороастризм, жестоко искореняются все инакомыслящие.

Не только об этом заставляет подумать скромный глиняный оссуарий парфянского времени. Он поднимает большие и сложные вопросы истории идеологии Маргианы парфянского времени. Например, он позволяет ученым говорить о распространении зороастризма в Маргиане в первые века нашей эры. Другим, правда, косвенным, подтверждением этому служит широкое распространение этой религиозной системы в последующее, раннесредневековое время. Об этом свидетельствуют раскопки мервского некрополя. При вскрытии только одного науса археологи обнаружили десятки оссуариев. Здесь были и простые

¹ Sacred Books of East, vol. XXIV, p. 358—359.

Оссуарии из мервского некрополя

хумы, использовавшиеся в качестве хранилища костей. Видимо, они принадлежали наиболее бедным жителям Мерва, родственники которых не имели средств даже на приобретение настоящего оссуария и покупали обычный хозяйственный сосуд. Но имелись в этом наусе и другие оссуарии, поражающие мастерством исполнения. Они сделаны в виде домика из глины с купольной крышей, вырезанной дверью и небольшими стреловидными окнами. На некоторых из них оказались небольшие налпы в виде головок людей, а один дом-оссуарий даже украшала роспись — на его двери, покрытой красной краской, была нарисована птица, держащая в клюве ветвь. Некоторые оссуарии представляли собой как бы переходный тип от простого хума к собственно оссуарию. Нижняя их часть сделана как у обычного сосуда, а верх украшали зубцы, имитирующие зубчатый парапет зданий. Среди костей попадались вещи, которые должны были, по мнению древних, служить умершим в их загробной жизни, — монеты, геммы, множество бус.

Все оссуарии, найденные при раскопках мервского некрополя, относятся к более позднему времени. Но они, как уже отмечалось, свидетельствуют о массовом распространении зороастризма среди населения Мерва. Однако нужно думать, что прежде чем стать всенародной религией, зороастризм должен был в течение многих лет распространяться в Маргиане. Значит эта религиозная система имела своих приверженцев в Мерве еще и в парфянское время. Таким образом, подтверждаются гипотезы, высказанные нами после находки Мунон-депинского оссуария.

Итак, религиозная жизнь в древней Маргиане оказалась довольно сложной. Находки оссуариев говорят о существовании в Мерве зороастризма, раскопки головы Будды — буддизма. Правда, наука пока не имеет прямых свидетельств проникновения христианства в Мерв при парфянах. Однако несколько позднее, при первых царях из новой, Сасанидской династии, в Мерве уже имелся епископ, позднее «превратившийся» в митрополита. В настоящее время археологи исследуют остатки местной христианской церкви. Все это заставляет предполагать, что в последние годы существования парфянского государства в Мерве появились первые христианские миссионеры-проповедники. Таким образом, в те далекие времена за власть над душами жителей Мерва боролись уже три религиозных учения. Впрочем, не только в Мерве, но и во многих областях мира в то время между различными религиями шла, по выражению Энгельса, «дарвинова борьба за существование».

Вместо заключения

Заканчивается наше путешествие в прошлое Туркменистана. словно в уэллсовской машине времени проплыли мы по реке прошлого и познакомились с бытом и жизнью людей минувших тысячелетий. В нашем путешествии очень многое осталось неосвещенным: слишком многого мы просто еще не знаем. Настоящее археологическое изучение Туркменистана еще только начинается. В скалистых предгорьях Копет-Дага, в зеленом Мервском оазисе и даже в глубине суровых песков Кара-Кум высятся многочисленные развалины — остатки городов, крепостей, караван-сараев, замков, деревень. Каждый из них хранит свои тайны и только очень немногие из них исследованы археологами.

Есть еще целые районы Туркменистана, в которых никогда не бывал археолог. Временами нас даже подавляет грандиозность задач, масштаб неисследованного по сравнению с тем немногим, что уже удалось узнать. Но наша деятельность — это только одно из звеньев в истории науки, и то, чего не успеем сделать мы, сделают следующие поколения археологов.

Помогут нам и зарубежные коллеги. Ведь некоторые их работы (особенно последние — в районах Ближнего Востока) уже теперь заставляют нас по-новому взглянуть на результаты наших исследований.

Нас не могли не обрадовать недавние раскопки английского археолога Джеймса Мэллаарта в Анатолии. Этот 35-летний ученый сообщил, что обнаружил остатки колыбели цивилизации, относящейся к периоду перехода

предыстории к истории. Мэллаарт нашел остатки неолитического города Четал-Гуюк, который столетий на 20 старше Шумера, самого древнего известного до этого времени очага цивилизации. Учитывая состояние города, ученые предположили, что он добровольно покинут жителями. Возможно, они направились к плодородным долинам Тигра, Евфрата, Нила. Это были современники джейтунцев. И теперь перед нами встает новая задача — выяснить, имела ли какая-нибудь связь между ними в древности.

Раскопаны новые древние поселения и в Центральной Месопотамии. При этом на одном таком памятнике найдена посуда, очень напоминающая «загадочные» сосуды, появившиеся в Южной Туркмении в медно-каменном веке. Откуда такое поразительное сходство? Еще одна ниточка в наших поисках... Еще одна загадка, требующая своего разрешения.

Много неясного и в парфянской проблеме. Самым большим белым пятном в ней по-прежнему остается жизнь сельских жителей Парфии. Историю парфянских городов, пусть в самых общих чертах, мы еще представляем себе, история же деревни Парфии археологически совершенно не изучена. А именно в ту эпоху парфянские крестьяне являлись самым многочисленным и важным классом: земледелие было тем фундаментом, на котором строилось все тогдашнее общество.

Новое открытие и находки заставляют специалистов по парфянской истории пересматривать, казалось бы, уже твердо сложившиеся взгляды и концепции. Так, недавно на самом юге Узбекистана археологами был обнаружен небольшой загородный дворец, принадлежащий одному из мелких кушанских правителей. Постройка относится к тому времени, когда местные мелкие области еще не слились в обширное Кушанское царство, охватившее значительную часть Средней Азии, а также часть Индии и Афганистан. Среди огромной коллекции скульптуры, собранной при раскопках, особое внимание привлекают головы нескольких знатных воинов, поразительно напоминающих изображения некоторых парфянских царей. Случайно ли это? Вряд ли — ведь существует мнение, подтвержденное наблюдениями, что некоторые существенные черты официальной идеологии кушан восходят к парфянской традиции. Значит в этом случае археологические материалы и указания истории взаимно дополняют друг друга. Может

быть, действительно, в ранней истории Кушанского царства значительную роль сыграли парфяне? Конечно, пока это только предположения. Но какие интересные перспективы открывают они в изучении ранней истории Туркменистана.

Таких нерешенных и полурешенных проблем у археологов, изучающих Среднюю Азию, еще очень много. Каждый год отправляются все новые и новые экспедиции в различные районы Кара-Кумов. И нужно думать, что в скором будущем человечеству станут известны разгадки тайн далекого прошлого этой страны. Большую помощь археологам могут и должны оказать местные жители. Их сообщения о находках древности помогут специалистам быстрее обнаружить и исследовать памятники древней культуры Туркменистана. Залог тому — не только возросшая культура нашего народа, но и его повышенный интерес к прошлому, его бережливое отношение к древней истории нашей Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
----------------------	---

У ИСТОКОВ ИСТОРИИ

По следам открытий	9
В поисках каменного века	15
Один день Джейтуна	24
Гимн черепку	30
Колонисты в дельте Теджена	54
Геоксюрские ирригаторы	80
Гробницы, мертвые и живые	86
Геоксюрская трагедия	95

ПО СЛЕДАМ ПЛЕНЕННЫХ ЛЕГИОНОВ

Битва в пустыне	107
Твердыня на Евфрате	117
Предки Багдада	133
Родина парфян	142
Скорый поезд до Маргианы	163
У стен Башни молчания	174
Вместо заключения	184

Виктор Иванович Сарианиди,
Геннадий Алексеевич Кошеленко

ЗА БАРХАНАМИ — ПРОШЛОЕ

Утверждено к печати
редколлегией научно-популярной литературы
Академии наук СССР

Редактор В. П. Большаков

Художник В. Прохоров

Художественно-технический редактор В. Г. Лаут

Сдано в набор 2/XI 1965 г. Подписано к печати 24/XII 1965 г.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 5,88. Усл. печ. л. 9,87

Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 30 000 экз. Т-17418. Изд. № 549/66

Тип. зак. 3439

Цена 31 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62,

Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99,
Шубинский пер., 10

31 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

